

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

Переводъ съ Аглинскаго.

ВЪ ЯССАХЪ 1790 года.

Вмалѣ мя прелираеши Христіанина быти: Дѣян: Гл: 26, ст: 28.

ЕГО СВѢТЛОСТИ

СВЯЩЕННЫЯ РИМСКІЯ ИМПЕРІИ КНЯЗЮ,

ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ,

Главнокомандующему Арміями и Флотами на Югѣ,

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛУ

и многихъ Орденовъ Кавалеру,

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИХЪ И ЧЕРНОМОРСКИХЪ

КАЗАЦКИХЪ ВОЙСКЪ

ВЕЛИКОМУ ГЕТМАНУ,

Сіе при Его трофеяхъ въ свѣтъ выходящее, Христіянскихъ истиннъ изслѣдованіе, усерднѣйше посвящается, яко Герою во всѣхъ своихъ побѣдахъ Великодушіе и Кротость являющему,

отъ трудившагося въ преложеніи

Луки Сѣчкарева.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ХРИСТІАНСТВА

по внутреннему его превосходству предъ всѣми человѣческими умствованіями.

Большая часть писателей предпринимавшихъ утверждать, что Христіанское ученіе произошло отъ самаго Бога, прибѣгали въ доказательствахъ своихъ къ нижеслѣдующимъ тремъ источникамъ:

1) Къ пророчествамъ находящимся въ ветхомъ завѣтѣ.

2) Къ чудесамъ содѣяннымъ въ новомъ завѣтѣ, и

3) Ко внутреннему изяществу самаго ученія Христова заставляющаго насъ, по превосходнымъ своимъ наставленіямъ, вѣрить, что распространеніе Евангелія непремѣнно посредствомъ Божія содѣйствія совершилось.

Первыя двѣ статьи объяснены и доказаны съ довольною убѣдительностію, самыми глубокомысленными и ревностными Христіанской вѣры исповѣдни-

ками; но послѣдняя, по всякой очевидности, наиболѣе о божественности Евангельскаго ученія свидѣтельствующая, не была ни когда, сколько извѣстно, разсматриваема съ надлежащимъ вниманіемъ.

Я не покушаюсь уменьшать важность пророчествъ и чудесъ имѣющихъ свою цѣну.

Пророчества суть всегдашнія напоминанія чудодѣйствій, какъ скоро представитъ кто себѣ: съ каковою точностію событіе оныхъ послѣдовало; и важность пророчествъ въ утвержденіи Христіанскаго ученія предначальствуетъ тѣмъ, что первые они предвозвѣстили Божественность его произхожденія.

Но и упоминаемыя въ новомъ завѣтѣ чудеса, должны остаться также твердыми удостовѣреніями о произхожденіи сего ученія отъ Бога, когда истинну онаго запечатлѣли они соотвѣтствующею пророчествамъ чрезъестественностію своихъ произшествій.

Въ прочемъ пророчества существенно къ обстоятельствамъ Христіанскаго ученія относящіяся, суть наипаче прорицанія, предвѣщавшія пришествіе Мессіи; раззореніе Іерусалима, и разсѣянное состояніе Іудеевъ, въ которомъ они послѣ предсказаннаго пророчествомъ времени всегда находятся.

Сіи

Сїи предвѣщанїя по событїю своему почестися должны непремѣнно Богодухновенными изреченїями.

Ибо всѣ произойти имѣющїя по онымъ приключенїя, столь обстоятельно и явственно въ нихъ за нѣсколько вѣковъ описаны, что кажется, аки бы взяты они изъ дѣянїй прошедшихъ, а не изъ свойства вещей чрезъ откровенїе предварительно усмотрѣнныхъ.

При томъ, какъ скоро о совершенномъ безпристрастїи самихъ прорицателей разсудимъ, и купно пройдемъ мыслїю связь отъ предвозвѣщенїя до самаго событїя, чрезъ толикое множество вѣковъ продолжающуюся, и представимъ себѣ: съ каковою точностїю предсказанїя ихъ соотвѣтствовали своему исполненїю, такъ что по самому тщательнѣйшему изслѣдованїю исторїи рода человѣческаго, не можно примѣнить ихъ ни къ какому другому случаю, или дѣйствїю, кромѣ того, для котораго они предсказаны; естьли, говорю, всѣ сїи обстоятельства разсмотримъ, никогда повѣрить не можно, чтобъ предъявлены они были съ какимъ либо злоумышленїемъ, или коварствомъ приноровленнымъ такъ, дабы послѣ примѣнить ихъ къ какому нибудь прилучитися имѣ-

ющему важному произшествїю. Такъ же нельзя думать, чтобъ проповѣдовавшїе Христїанское ученїе люди, отважились для лучшаго въ томъ успѣха, устроять какую либо при распространенїи онаго произойти долженствующую чрезвычайность нарочно такъ, чтобъ она точностїю своею относиться могла къ предвѣщанїямъ пророческимъ; слѣдовательно и сомнѣваться не должно, чтобъ во всѣхъ сихъ прорицанїяхъ и чудодѣйствїяхъ не участвовало особливое Божїе благопромышленїе.

По чему чудеса Христомъ и его Апостолами для утвержденїя его ученїя содѣянныя, о коихъ упоминается въ новомъ завѣтѣ, были безъ сомнѣнїя весьма убѣдительными признаками дѣйствовавшей въ томъ особенно силы божїей, для увѣренїя тѣхъ, которые, можетъ быть, о семъ ученїи сомнѣвались. И поелику чудеса сїи чинены были не однократно, но многажды, и предъ толикимъ множествомъ народа, то и почтены они въ семъ случаѣ столь же достовѣрными знаменїями, какъ и прочїя какую нибудь истинну доказывающїя убѣжденїя; а потому и должны они быть весьма сильными доводами оной почти всѣми нынѣшними мудролюбцами прїемлемой

истинны;

истинны; а именно: что Христїанское ученїе происходитъ отъ самаго Бога.

Но я въ дополненїе сего сказать могу, что чудеса сїи тѣмъ паче почитаться должны за божественное произведенїе, что посредствомъ оныхъ утвердилась такая вѣра, коей наставленїя по превосходству содержащихся въ нихъ истиннъ, въ состоянїи убѣдить всякаго, что онѣ, по важности и отмѣнности своей, не могли произойти ни отъ кого, кромѣ отъ единаго Бога.

По сему дабы показать превосходство и божественность Христїанскаго закона, должны мы начать отъ существенныхъ онаго признаковъ, сирѣчь: отъ вдохновенїя свыше, и отъ преимущества его надъ всѣми прочими человѣческими наставленїями въ разсужденїи его предмѣта; чрезъ что откроется купно и убѣдительность о справедливости, какъ пророчествъ, такъ и чудесъ, по большой части сама собою.

Ибо какъ скоро будемъ мы удостовѣрены, что Христїанское ученїе по превосходству своихъ наставленїй, произходитъ отъ преестественной вины, сирѣчь: отъ Бога, то не токмо упоминаемыхъ въ писанїи

нїи пророчествъ и чудесъ отвергать не станемъ, но и согласимся на противъ того, съ самою убѣдительною вѣроятностїю остаться въ томъ мнѣнїи, что сему божественному Христїанскаго ученїя откровенїю, слѣдовало быть предвозвѣщену чрезъестественно, и утверждену такъ же чрезъестественными способами, то есть, чудесами.

Я не отваживаюсь въ разсужденїи предмѣта изъяснять пространно, въ чемъ состоять должна существенность чистѣйшаго Христїанскаго ученїя, представляемаго въ случаѣ безъ всякихъ присовокупленїй, безъ всѣхъ убранствъ и безъ всѣхъ искажающихъ оное суемудрїй; но утверждаю токмо, что первоначальные и существенные истинны онаго не были никогда произведенїемъ какого либо злаго навѣта, или коварства.

Правда, иногда самому добросердечному, и въ другихъ знанїяхъ отмѣнно просвѣщенному человѣку покажется оно по наружному своему виду подозрительнымъ; но какъ скоро разсмотритъ онъ все сїе съ совершеннымъ безпристрастїемъ; увидитъ, что хотя въ случаѣ какое злоупотребленїе и коварство и возрастали купно съ истиннымъ Христовымъ ученїемъ.

нїемъ; однако никогда не были они естественно прїобщены къ томуже корню, ниже насаждены тоюжде самою рукою.

Сооружать незыблемую систему (твердое постановленїе) Христїанскаго ученїя, со всѣми относящимися къ тому принадлежностьми, есть дѣло, послѣ столь различныхъ пренїй о ученїи Христовомъ, кои болѣе семнадцати вѣковъ продолжались, и никакого твердаго положенїя не здѣлали, весьма трудное и невозможное. Ибо тутъ надлежитъ расчистить и отдѣлить между собою всѣ оныя кучи и сплетенїя умствованїй, которыя чрезъ все оное время накоплялись, и по разнымъ злоупотребленїямъ, въ разсужденїи пристрастнаго, либо невѣжественнаго толкованїя сихъ чистѣйшихъ истиннъ, въ толикїя возрасли громады, что я и за одно разрушенїе оныхъ не принимаюсь. Я намѣренъ токмо показать, что Христїанское ученїе въ существѣ своемъ не могло никогда произойти, или введено быть между людей чрезъ пронырливое какое либо и хитроустроенное недобродушныхъ людей коварство; что и есть, по мнѣнїю моему, дѣло не съ дальними затрудненїями совокупленное, и не требующее для доказательства

своего отмѣнныхъ талантовъ; почему и отважился я представить опытъ моего въ томъ разсужденія, въ поставляемыхъ мною здѣсь краткихъ предложеніяхъ, съ утвержденіемъ въ нихъ нижеслѣдующихъ неопровергаемыхъ истиннъ, а именно:

1) Что есть въ наши времена *Книга* называемая *Новый Завѣтъ*, о которой извѣстна уже почти вся вселенная.

2) Что изъ выбранныхъ изъ книги сей законоучительныхъ истиннъ можно воздвигнуть укрѣпленіе вѣрѣ совсѣмъ новое, могущее убѣдить всякаго, что представляемое въ ней ученіе, есть совсѣмъ отмѣнное, какъ въ разсужденіи своей цѣли, такъ и самыхъ его наставленій; ученіе различествующее отъ всѣхъ явльшихся до толѣ въ мірѣ семъ законоположеній, и превосходящее изяществомъ своимъ всѣ прежнія о томъ человѣческія умствованія.

3) Что изъ книги сей можно составить также совокупность чистѣйшаго нравоученія; поелику каждое нравственное наставленіе основанное на здравомъ разсудкѣ, представлено въ ней съ безпристрастнѣйшею непорочностію, и совершенствомъ превышающимъ

щимъ всѣ прочїя о томъ внушенїя самыхъ премудрыхъ и просвѣщеннѣйшихъ въ древности нравоучителей. Представленїе таковаго нравоученїя тѣмъ будетъ для смертныхъ спасительнѣе, что о нравоученїяхъ основанныхъ на ложныхъ и вредныхъ началахъ, совсѣмъ въ книгѣ сей (въ Новомъ Завѣтѣ) не упоминается, а находятся напротивъ того въ ней многочисленныя, совсѣмъ новыя наставленїя, соотвѣтствующїя весьма свойственно новому вѣры сея предмѣту.

По разсмотрѣнїи сихъ предложенїй самымъ безпристрастнѣйшимъ образомъ, дѣлаю заключенїе, что такое христїанскаго законоположенїя и его нравоученїя превосходство, не могло никогда быть дѣломъ какого либо человѣка, или какого нибудь общества на то согласившагося, а тѣмъ паче не могло оно произойти отъ тѣхъ худородныхъ, нимало неискусныхъ и совсѣмъ невелерѣчивыхъ простолюдимовъ, которые оное съ толикимъ успѣхомъ во всемъ мїрѣ распространили; слѣдственно совершилось все сїе содѣйствїемъ Божїимъ, и должно непремѣнно производить начало свое отъ самаго Бога.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ I.

Есть въ наши времена *Книга* называемая *Новый Завѣтъ*, о которой извѣстна уже почти вся вселенная.

Весьма не много надобно словъ для утвержденія сей истинны.

Она состоитъ въ простомъ историческомъ повѣствованіи, а именно: что находится собраніе писаній, называющееся *Новымъ Завѣтомъ*, которое содержитъ въ себѣ четыре историческія повѣсти, о рожденіи, житіи, дѣяніяхъ, разглагольствіяхъ и смерти бывшаго въ мірѣ совсѣмъ отмѣннаго Мужа, именовавшагося Іисусъ Христомъ, которой родился во время царствованія Августа Кесаря, проповѣдовалъ новой законъ въ странѣ Іудейстѣй, и осужденъ на многоболѣзненную и поносную смерть во времена Тиверіевы.

Притомъ заключаетъ Книга сія и другое къ семуже относящееся повѣствованіе, а именно: о странствованіяхъ, дѣяніяхъ и поученіяхъ нѣкоторыхъ скудныхъ, неученыхъ и нимало невелерѣчивыхъ простолюдимовъ, называвшихся Апостолами, или учениками Іисусовыми, которыхъ увѣщевалъ сей ихъ Наставникъ

ра-

распространять таковую внушенную имъ вѣру, по его смерти, о которой предрекъ онъ имъ прежде, что претерпитъ ее въ запечатлѣнїе истинны своего ученїя.

Сверхъ сего книга сїя содержитъ разныя посланїя, сирѣчь: писанїя сообщенныя Апостолами къ своимъ въ семъ дѣлѣ сотрудникамъ, или къ различнымъ церквамъ, т. е. обществамъ христїянскимъ, учрежденнымъ ими въ разныхъ мѣстахъ, во время проповѣданїя ихъ тамо вѣры христовой.

Не трудно будетъ доказать, что писанїя сїи Новой Завѣтъ составляющїя, начертаны спустя не много послѣ тѣхъ чрезвычайныхъ произшествїй, о коихъ въ нихъ же самыхъ упоминается; такъ какъ подтверждается сїе безпрерывною связью повѣствованїй и другихъ дѣеписателей, продолжавшихъ съ того времени исторїю о разныхъ въ свѣтѣ произшествїяхъ до временъ настоящихъ. Въ разсужденїи чего о точности приключенїй въ новомъ завѣтѣ упоминаемыхъ, выключая развѣ чудеса, столь же мало сумнѣваться должно, какъ и о прочихъ историческихъ сказанїяхъ.

Ибо менѣе ли справедливо должно быть то, естьли представляется въ книгѣ сей? что въ такое то время

мя жилъ Іисусъ Христосъ, который поучалъ о томъ, дѣлалъ то, и пострадалъ такимъ образомъ; нежели то, естьли упомянуто будетъ въ другомъ какомъ дѣеписанїи, что въ такое то время жилъ Тиверїй, Иродъ, Понтїйскїй Пилатъ, и прочїе современныя Христу лица. Я не вижу, въ чемъ бы послѣднее сїе заслуживало болѣе вѣроятїя, нежели первое, когда оба обстоятельства имѣютъ равную степень достовѣрности, по которой утверждать вовсе непротивно, что упоминаемыя сїи въ разныхъ повѣстяхъ особы могли жить въ одно время.

Также, по справедливости ли усумнился бы кто? что Петръ, Павелъ, Іяковъ и проч: небыли сочинители тѣхъ писанїй, надъ коими имена ихъ поставлены.

Сїе столькоже достойно бъ было вѣроятїя, какъ и то, естьли бъ кто предпрїялъ утверждать, что Цицеронъ и Плинїй не были сочинители тѣхъ творенїй, которыя имъ всѣ приписываютъ.

Но доказать можно, что, поелику писанїя сїи составлены столь различными людьми, въ толь разныя времена и въ мѣстахъ толико между собою отдаленныхъ, не могли онѣ никогда быть произведенїемъ одного какого нибудь лжеучителя; такъ какъ не

могли онѣ произойти и отъ совокупнаго какого сонмища коварныхъ въ семъ случаѣ обольстителей; потому что всѣ сіи писанія ознаменованы ощутительнѣшими примѣтами свойственной нѣкоей имъ единообразности въ выраженіяхъ, въ разсужденіи ихъ слога и образа мыслей.

Но я обстоятельства сіи оставляю безъ дальняго изслѣдованія, яко вещи не столь существенно касающіяся до сего моего предложенія, и не столь много служащія къ доказательству утверждаемой мною здѣсь истинны.

Ибо тѣми ли дѣйствительно въ книгѣ сей разныя статьи писаны людьми, коихъ надписанія именъ надъ ними находятся? и учинены ли въ нихъ какія перемѣны? т. е. прибавлено ли къ нимъ что нибудь? или убавлено? также испорчено ли въ нихъ что нибудь по коварству, или невѣжеству отъ преложителей? либо списывателей оныхъ? или дошли онѣ до насъ въ совершенной ненарушимости? Притомъ, были ли сочинители сей книги въ разсужденіи историческихъ въ ней истиннъ всегда вдохновенны свыше? или случалось сіе съ ними только въ извѣстное время? или же и вовсе не имѣли они въ томъ никакого вдохновенія?

венія? Сверхъ сего, просвѣщены ли они были какою либо богодухновенностію въ разсужденіи законодательной и нравственной части сихъ писаній? или же предлагали они ихъ примѣняясь токмо къ наставленіямъ и дѣйствіямъ своего учителя? находилось ли всегда между словами ихъ и дѣлами совершенное согласіе? или иногда они въ оныхъ между собою различествовали? Здѣлали ль они какую либо въ ученіи своемъ погрѣшность? или никакому въ ономъ не были подвержены заблужденію? все сіе, сказую, оставляю я безъ дальняго испытанія. Пусть признавающій Бога, но непризнавающій откровенія (Deist) изыскиваетъ и представляетъ свои въ томъ недоумѣнія, и рѣшитъ всѣ мнимыя въ книгѣ сей (въ Новомъ Завѣтѣ) несообразности, по своему воображенію, я нимало въ разбирательства сіи входить не стану; потому что всѣ такія прекаканія не могутъ нимало обезсилить моего доказательства. Ибо все представляемое мною въ семъ предложеніи есть сущая бытность, утверждаемая безпрекословною очевидностію, а именно: что писанія сіи, т. е. Новый Завѣтъ, дѣйствительно въ мірѣ семъ существуютъ съ такою не сумнительностію, что объ нихъ извѣстна нынѣ уже почти вся вселенная.

ПРЕД-

ПРЕДЛОЖЕНІЕ II.

Второе предложеніе не столь уже просто; однако по мнѣнію моему не менѣе въ истиннѣ своей убѣдительно, какъ и первое.

Оно состоитъ въ томъ, что изъ выбранныхъ изъ книги сей законоучительныхъ истиннъ можно воздвигнуть укрѣпленіе вѣрѣ совсѣмъ новое, могущее убѣдить всякаго, что представляемое въ ней ученіе есть совсѣмъ отмѣнное, какъ въ разсужденіи своей цѣли, такъ и самыхъ своихъ наставленій. Ученіе различествующее отъ всѣхъ явльшихся доколѣ въ мірѣ семъ законоположеній, и превосходящее изяществомъ своимъ всѣ прежнія о томъ человѣческія умствованія.

Я говорю можно воздвигнуть новую непреоборимость Христіанскому закону изъ вышеобъявленныхъ истиннъ въ новомъ завѣтѣ разсѣянныхъ, безъ наблюденія строгаго порядка въ обыкновенныхъ богословскихъ системахъ употребляемаго. Ибо всѣ сіи истинны представлены тамъ токмо историческимъ образомъ, такъ какъ были онѣ въ разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ народу предлагаемы.

Да и лучше можетъ быть было бы, естьли бы ученые наши не торопились приводить божест-

ственныя сїи веществословїя въ порядокъ, каковымъ прочїя человѣческїя знанїя преподаются, вѣдая, что въ оный ихъ никогда совершенно привесть неможно; такъ какъ и самъ великїй оныхъ Виновникъ не съ тѣмъ, видно, открылъ ихъ человѣческому роду, чтобъ быть имъ понимаемымъ въ такомъ устрояемомъ людьми порядкѣ.

Почему же не благоволилъ онъ оставить намъ истиннъ сихъ въ полной между собою связи, мы не вѣдаемъ. Можетъ быть учинилъ онъ сїе потому, что вѣдалъ, что несовершенство человѣческаго разума не могло постигнуть ихъ въ таковомъ полномъ союзѣ; и что мы для спасительнаго въ оныхъ наставленїя удобнѣе и благоуспѣшнѣе предводительствоваться можемъ созерцаемою издали свѣтозарностїю, нежели мещущимся вдругъ въ очи наши совокупнымъ блескомъ оныхъ и молнїевидностїю.

Аще земная, глаголетъ онъ, *рекохъ вамъ и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? Іоан. гл.* 3. *ст.* 12.

Аки бы рекъ: Когда мое наставленїе до состоянїя настоящей вашей жизни касающееся, и могущее прїуготовить васъ здѣсь къ будущему вашему въ вѣчности

ности жребію, столь для васъ непонятно, что вы едва словамъ моимъ вѣрить можете, то какимъ образомъ повѣрите мнѣ? когда начну изъяснять вамъ свойство существъ небесныхъ, промыслъ провидѣнія, и таинства путей его; какъ такія вещи, для постиженія коихъ не имѣете вы ни соразмѣрнаго свойству оныхъ понятія, ни сроднаго къ изображенію оныхъ языка.

Выше сказано, что предмѣтъ Христіанскаю законо ученія есть совсѣмъ новой.

Онъ состоитъ въ томъ, дабы чрезъ утвержденіе наше въ дѣятельности онаго, аки чрезъ нѣкій искусъ пріуготовить насъ въ юдоли сей, къ вѣчнующему блаженству.

О семъ то предмѣтѣ упомянуто вездѣ Христомъ и его Апостолами, что онъ есть главный конецъ Христіянскаго жительства, вѣнецъ, для пріобрѣтенія котораго долженъ каждый вѣроисповѣдникъ подвизаться до смерти; мѣта, къ коей на поприщѣ сей жизни долженъ онъ течи неуклонно; жатва, имѣющая вознаградить его вожделѣннымъ за всѣ его труды благоплодіемъ.

 Однако

Однако о таковомъ смертныхъ подвиготворенiи на земли, и ихъ торжественномъ за то прославленiи въ горнихъ селенiяхъ, никто прежде Христа и его Апостоловъ нигдѣ не упомянулъ, ниже показалъ средства, по коимъ бы сей спасительный подвигъ совершить можно.

Неоспоримая истинна, что нѣкоторые изъ древнихъ философовъ имѣли понятiе о будущемъ человѣческомъ послѣ смерти состоянiи; но понятiе сiе было перепутано у нихъ столь разными недоумѣнiями и сомнѣнiями, что никакого твердаго нельзя было имѣть о томъ удостовѣренiя.

Законодавцы ихъ старались правда, вперить въ мысли народа непреложность будущаго награжденiя и наказанiя; однако намѣренiе ихъ было то, чтобъ чрезъ таковое внушенiе соблюдены были навсегда свято, преданные ими законы, и чтобъ побудить чрезъ то народъ ко всегдашнему по онымъ добротворенiю, для спокойнаго ихъ въ жизни сей пребыванiя.

Сiя единственно, сколько извѣстно, была цѣль всѣхъ законодавцевъ, и по сему предположенiю старались они оказать человѣческому роду свою услугу. Но

Но Христіанство въ спасительнѣйшемъ своемъ намѣреніи, не токмо ревностнѣе всякое добро для собратіи своей человѣковъ содѣваетъ, но имѣетъ еще въ виду своемъ несравненно благороднѣйшій предметъ, а именно: Оно чрезъ сродное къ тому свое ученіе и дѣятельность, не токмо споспѣшествуетъ къ спокойному и благоденственному нашему въ мірѣ семъ пребыванію, но и дѣлаетъ насъ купно способными къ сожитію съ праведными въ вѣчности.

Во всѣхъ прочихъ вѣропреданіяхъ настоящая благая міра сего, были главнымъ предмѣтомъ благонравной человѣческой дѣятельности.

Въ Христіанскомъ же законоученіи считается сіе предмѣтомъ постороннимъ, и не столь искательства нашего достойнымъ.

Въ оныхъ люди побуждались къ добродѣянію просто, въ надеждѣ будущаго неизвѣстнаго воздаянія.

Въ семъ предлагается имъ такое наставленіе и такая добротворность, посредствомъ которой могутъ они пріуготовиться быть достойными, какъ выше сказано, къ будущему новому для нихъ съ небожителями водворенію.

 А по

А по сему и находится весьма не малое различїе между сими двупредмѣтными въ мїрѣ дѣйствователями, сирѣчь: Между тѣми, кои привязаны къ добродѣтели единственно для снисканїя себѣ временной какой либо пользы, съ нѣкоторымъ чаянїемъ и будущаго за то воздаянїя, и тѣми, кои по внушенїю Христїанскаго ученїя тщатся устроять настоящее свое жительство такъ; чтобъ посредствомъ онаго получить навыкъ къ сладостному ощущенїю удовольствїя въ добродѣянїи, и содѣлаться чрезъ то достойными и способными къ полученїю будущаго блаженнаго обѣтованїя.

А по сему, какъ внутреннее поощренїе, такъ и самая дѣятельность сихъ, по различнымъ побужденїямъ дѣйствующихъ лицъ, столькоже отмѣнна, сколь противоположна преднамѣряемая ими въ томъ цѣль.

Для первыхъ, т. е. для располагающихъ дѣйствїя свои ради полученїя временной какой нибудь пользы, довлѣетъ наблюдать токмо всегда справедливость, воздержанїе и трезвость; для послѣднихъ же, т. е. для постигшихъ возвышенность ученїя Христова, и усердствующихъ наслаждаться по оному присносущнимъ блаженствомъ, присовокупить къ сему должно

горя-

горящее усердіе къ Богу, чистѣйшее благочестіе, вѣру несомнѣнную и совершенное покореніе себя воли всевышняго, съ отверженіемъ всѣхъ мірскихъ суетъ отъ своего сердца.

Наставленія первыхъ могутъ здѣлать насъ весьма способными къ общежительному состоянію; но не могутъ произвести въ насъ возвышенныхъ оныхъ и любовію пламенѣющихъ Христіянскихъ добродѣтелей.

Христіянство внушаетъ намъ несравненно ревностнѣе, нежели другое какое мірское законоученіе, или нравственное наставленіе, имѣть всегдашную чистоту сердца, и сохранять въ немъ благотворительное ко всѣмъ людямъ расположеніе, которое для великаго онаго пріуготовленія, сирѣчь: для содѣланія насъ способными къ наслажденію превыспренними оными радованіями, необходимо нужно.

Въ предписаніяхъ же прочихъ законодавцевъ, обязывающихъ человѣка къ какимъ либо добротвореніямъ въ настоящемъ житіи, и обѣщавающихъ ему за то въ воздаяніе низкочувственное какое нибудь удовлетвореніе своихъ вожделѣній въ грядущемъ вѣкѣ, нѣтъ столь ревностныхъ, и натуру человѣческую съ толикою возвышенностію воспламеняющихъ побужденій, которыя бы могли расположить насъ къ таковому

вому радостотворному добродѣянію, и приуготовить чрезъ то къ неизреченному блаженству въ премірномъ ономъ свѣтѣ.

Что же вышеобьявленнаго свойства наставленія въ ученіи Христовомъ дѣйствительно находятся, и производятъ сіи спасительныя въ душѣ нашей дѣйствія, многіе изъ опытовъ вѣдаютъ; а по сему и есть оно отъ прежнихъ всѣхъ человѣческихъ законоученій отмѣнное, и совсѣмъ новое.

И хотя сіи превыспренныя истинны не могли чрезъ толико вѣковъ открыты быть никакимъ человѣческимъ умовоспареніемъ; однако когда возвѣщены онѣ стали ученіемъ Христовымъ, оказалось, что столь сродны онѣ здравому нашему разсудку, что мы тотчасъ въ непреложности оныхъ удостовѣрились.

И во первыхъ истинна оная, что настоящее наше житіе на земли, есть чреда нашего подвиготворенія, и искусъ нашъ въ приуготовленіи себя къ будущей жизни, подтверждается всѣми окружающими насъ предмѣтами. (*

На-

*) Зри о семъ подобное же разсужденіе Василія Великаго въ первомъ его разглаголствіи о сотвореніи міра, стран, 20, гдѣ изъясняется онъ слѣдующимъ образомъ. . .

Настоящее мїра сего положенїе есть единственный ключь, отверзающїй и открывающїй намъ пути провидѣнїя въ послѣдствїи и соображенїи человѣческихъ дѣйствїй; есть верьвь, простирающаяся сквозь непроходную дебрь юдоли сей для показанїя стези, по которой мы шествовать должны; есть начертанїе, образующее въ мысляхъ нашихъ дивное оное расположенїе вселенныя, по которому вещи находятся въ ней въ такой связи, которая вразумитъ насъ въ состоянїи, съ какимъ намѣренїемъ свѣтъ сей произведенъ.

Не могъ онъ никогда произведенъ быть съ тѣмъ, чтобъ люди въ немъ совершенно блаженствовали, когда толико находится въ немъ бѣдъ и горестей.

„На конецъ, когда угодно стало творцу, къ непостижимому оному для насъ свѣтоустроенїю, къ вышеобъявленнымъ, сказую, невидимымъ существамъ и видимый мїръ сей присовокупить, съ тѣмъ, дабы въ продолженїи существованїя своего служилъ онъ, во первыхъ аки нѣкїимъ предназначенїемъ и руководствомъ къ будущей жизни для душъ человѣческихъ; а потомъ былъ купно, для всѣхъ чрезъ рожденїе и истлѣнїе премѣняющихся въ немъ веществъ способнымъ прїятелищемъ, то въ разсужденїи сего и сродное оному со всѣми одушевленными въ немъ тварьми, и прочими бездыханными вещьми опредѣлено теченїе времени, и проч.

Не могъ же произведенъ быть и на тотъ конецъ, дабы разумныя твари страдали въ немъ безпрестанно, когда съ другой стороны разсѣяно въ немъ для нихъ столько утѣхъ и невинныхъ удовольствiй.

Равно не можно почесть его жилищемъ совершенной премудрости и добродѣтели; ибо исторiя рода человѣческаго едва не вся наполнена повѣствованiемъ о злоупотребленiи ихъ разума, и разныхъ ихъ превратностяхъ.

Ниже слѣдуетъ заключать, чтобъ мiръ сей произведенъ былъ для водворенiя въ немъ пороковъ. Нѣтъ, таковое предположенiе не можетъ имѣть ни малѣйшей вѣроятности; потому, что порокъ по естеству своему истребляетъ всякое благоустройство; слѣдственно и никогда не могъ быть предмѣтомъ произведенiя вещей въ какой нибудь связи между собою.

Но естьли признать положенiе оное справедливымъ, что настоящее наше на земли пребыванiе есть чреда, или опредѣленное время для нашего на ней подвига, дабы прiуготовить намъ себя чрезъ то къ будущей жизни, то по оному истолковать можно всѣ произходящiя въ свѣтѣ семъ приключенiя, и утверждать,

дать, что, поелику такое состоянiе требуетъ различныхъ случаевъ для испытанiя нашей твердости въ предлежащихъ намъ подвиготворенiяхъ противъ искушенiй мiра сего, то и слѣдуетъ, чтобъ было въ немъ смѣшенiе добра и зла, благоденствiя и злострада́нiя, добродѣтелей и пороковъ, дабы при совершенiи нами мужественнаго въ томъ подвига первыя служили намъ награжденiемъ за оказываемую въ немъ твердость, а послѣднiя были наказанiемъ за являемое въ томъ нерадѣнiе, и учиненiе совсѣмъ противныхъ тому дѣйствiй. Почему паки утверждаю, что цѣль таковаго вѣроучрежденiя, есть совсѣмъ новой предмѣтъ, въ сообразность котораго и сообщаемое Христомъ ученiе о Богѣ, о человѣкѣ, о настоящей и будущей людей жизни, также и о связи, по которой существа сiи съ своими состоянiями имѣютъ между собою соотвѣтственность, есть равномѣрно же новое, такъ что до проповѣданiя сего закона было покрыто все сiе непроницаемымъ мракомъ невѣденiя, по причинѣ котораго родъ человѣческiй находился въ совершенномъ о томъ недоумѣнiи.

Описывая мiръ сей, никто не здѣлалъ столь существеннаго изображенiя его ничтожества и житейской въ немъ молвы, какъ Христосъ.

 Рав-

Равнымъ образомъ никто не представилъ съ таковою точностїю, и съ столь восхитительнымъ изображенїемъ, тѣхъ радованїй, которыя происходить имѣютъ при востанїи изъ мертвыхъ, и при откровенїи праведнаго суда Божїя, съ пресвѣтлымъ торжествованїемъ праведниковъ въ страшный и чудный день оный: *Егда тлѣнное сїе облечется въ нетлѣнїе, и смертное сїе облечется въ безсмертїе. Кор. 1. гл. 15. ст.* 54.

Также никто никогда не представлялъ Вышняго тварей Зиждителя во трїехъ лицѣхъ, и во единомъ существѣ. (*

Подобнымъ образомъ, никто не предпринималъ сообразить сїи два, по наружному противорѣчащїя, но въ самомъ дѣлѣ ни мало между собою не перерѣ-

кающїя

---

*) Что находится такое въ естествѣ Божїемъ соединенїе, удостовѣриться можно по всему содержанїю Новаго Завѣта; такъ какъ утверждали сїе всѣ древнїе богодухновенные мужи. Но должно ли считать въ соединенїи семъ совершенное лицъ равенство? или vпостаси сїи въ чемъ либо между собою разнствуютъ? или случается сїе только при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ? мы не вѣдаемъ; а потому и рѣшить вопросъ сей почитаемъ дѣломъ до насъ не принадлежащимъ, и, какъ сказать истинну, ненужнымъ.

кающія обстоятельства, а именно: согласить имѣвшее произойти въ мірѣ семъ зло, съ Божіимъ о томъ предвѣденіемъ; или показать, что свободная воля человѣковъ, и преизбыточествующая благодать Творца въ обращеніи кающагося грѣшника, нимало между собою не противоборствуютъ.

Никто не представилъ столь убѣдительно онаго здравому разсудку нимало непротивнаго положенія, а именно: что неустройствамъ въ мірѣ семъ, по смѣшанному въ немъ добра и зла существованію, и по разнообразной въ немъ обстоятельствъ встрѣчѣ, быть должно; ибо чрезъ все сіе испытывается твердость наша, или неключимость (унылость) въ теченіи на поприщѣ сей жизни; гдѣ должны мы совершать разные подвиги, и гдѣ за неустраненіе наше отъ строптивостей и разныхъ нечестій слѣдуетъ быть наказанію; потому, что всякъ о существованіи зла въ мірѣ семъ былъ предувѣдомленъ, и предварительно въ томъ наставленъ: какимъ образомъ отъ онаго удаляться, и какъ оному противиться.

Никто не могъ также объяснить столь существенно причинъ человѣческаго поврежденія, и показать спасительныхъ средствъ къ достиженію паки перво-

бытнаго блаженнаго состоянія, какъ учинилъ сіе Христосъ открытіемъ въ семъ новомъ своемъ ученіи, самыхъ надежнѣйшихъ къ тому способовъ.

На конецъ никто не отважился объявить рѣшительно, что истязаніе за преступленіе Первозданнаго, никогда не могло оставлено быть безъ ревностнѣйшаго предстательства, и соразмѣрнаго въ томъ удовлетворенія высочайшимъ же Существомъ.(*

Но заслуживаютъ ли сіи удивительныя возвѣщенія то, чтобъ мы онымъ вѣрили? зависитъ сіе отъ мнѣнія нашего о совершенномъ безпристрастіи тѣхъ людей, которые распространили ихъ съ толикимъ успѣхомъ во всемъ мірѣ; впрочемъ, что касается до внутренняго тайновѣдѣній сихъ качества, извѣстно, что истинны ихъ всякое человѣческое понятіе столь пре-

*) Что Христосъ пострада, и умре во удовлетвореніе за грѣхи рода человѣческаго, есть ученіе столь тщательно, и столь ревностно во всемъ Новомъ Завѣтѣ внушаемое, что чтущій оное со вниманіемъ, никогда истинны сей отрицать не будетъ, такъ точно, какъ читая Өукидида, или Ливія, не посмѣлъ бы никто утверждать, что въ нихъ о Греческихъ и Римскихъ дѣяніяхъ вовсе ничего не упоминается.

превышаютъ, что и подумать не возможно, чтобъ произойти онѣ могли отъ какой либо прозорливости, или хитростнаго людскаго мудрованія.

Совсѣмъ тѣмъ сыскались нѣкоторые, кои превращая обыкновенное значеніе словъ писанія, подъ видомъ изьясненія, покусились истребить изъ Новаго Завѣта всѣ тѣ законоучительныя истинны, которыхъ они по обыкновенному человѣческому умствованію не могли постигнуть, винословствуя тако:

„Поелику священное писаніе почитается словомъ „Божіимъ, то въ немъ не должно быть никакимъ „противорѣчащимъ, и съ здравымъ разсудкомъ несходнымъ положеніямъ; а какъ такія, и такія положенія въ немъ суть противорѣчащи, и съ здравымъ „разсудкомъ несогласны, то имъ въ ономъ и быть „не слѣдуетъ.

Но естьли бы сіи дерзновенные умствователи обстоятельно о семъ разсудили, премѣнили бы безъ сомнѣнія такія свои скоропостижныя умозаключенія, и сообразуясь тщательнѣе съ мнимымъ здравымъ своимъ разсудкомъ, предложили бы осторожнѣе свои о томъ рѣшенія; по крайнѣй мѣрѣ могли бы они умословствовать въ такомъ случаѣ симъ, или подобнымъ сему, слѣдующимъ образомъ:

„Поне-

„Понеже нѣкоторыя законоположительныя истин-
„ны ученія Христова составляютъ существенную
„часть Новаго Завѣта; но при всей утверждаемой
„объ нихъ непреложности заключаютъ онѣ въ себѣ
„нѣкоторыя противорѣчія, для здраваго разсудка со-
„блазнительныя; все же, что здравому разсудку про-
„тивно, не можетъ почесться Богодухновеннымъ;
„слѣдовательно какъ истинны сіи, такъ и основы-
„вающееся на нихъ ученіе, не могли никогда прои-
„зойти отъ Бога.

Таковое умствованіе было бы по меньшей мѣрѣ достойно такого Богопочитателя, которой признаетъ высочайшее Существо, но не почитаетъ такое ученіе происходящимъ отъ Бога, которое для него непонятно; ибо тогда заслуживалъ бы онъ хотя то уваженіе, что по правиламъ умозаключенія наблюдена бы была основательная связь въ его умствованіи.

Но когда люди силятся опровергать самую дѣлъ очевидность, одними упорными и збивчивыми умствованіями; въ то время не заслуживаютъ они никакого отвѣта.

Впрочемъ за весьма нужное почитаю напомнить, что и самыя личныя качества виновника Христіан-

скаго законоположенія, не меньше новы, какъ и все его ученіе. *Зане николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ. Ниже сотвори дѣла, яже сей сотворилъ есть. Іоан. гл. 7. ст. 46.*

Въ доказательство сего не стану я приводить, что родился онъ отъ Дѣвы, что постился четыредесять дней, что сотвори чудеса многа, что воскресъ изъ мертвыхъ; потому что повѣствованія сіи не произведутъ никакого впечатлѣнія надъ невѣрующими откровенію.

Ибо естьли они по самой изящности сего несравненнаго ученія, не имѣютъ никакого уваженія къ вѣрѣ Христовой, то не повѣрятъ отнюдъ и доводамъ, утверждающимъ оную какими либо чрезвычайностями.

Но я докажу по крайнѣй мѣрѣ убѣжденіями неопровергаемыми, что основатель Христіанской вѣры, есть въ исторіи рода человѣческаго такой законодавецъ, котораго наставленія не имѣютъ нималѣйшей связи съ гражданскими предписаніями, или правительственными узаконеніями для внѣшняго благоустройства отъ людей учрежденными.

А посему и не могутъ онѣ примѣнены быть ни къ какимъ житейскимъ обстоятельствамъ, или распоряженіямъ.

Всѣ прочїе законодавцы и вѣроучредители въ свѣтѣ семъ, смѣшивали законоположенїя свои съ правительственными установленїями и посредствомъ сего получали властоначалїе надъ приверженнымъ себѣ народомъ.

Но Христосъ никогда не мѣтилъ на такое властоначалїе; ниже имѣлъ въ помышленїи, чтобъ воспользоваться какимъ либо временнымъ надъ людьми преимуществомъ.

Онъ отвергалъ все то, чего люди, по привязанности своей къ вещамъ земнымъ съ толикою жадностїю ищутъ, а избиралъ то, отъ чего они по сладострастїю и малодушїю своему съ толикимъ отвращенїемъ удаляются.

Онъ отметалъ безъ всякаго велерѣчїя и тщеславїя всѣ Мїра сего чиноначалїя, богатства, почести и плотоугодїя; а любилъ усердно нищету, неправедное за дѣла свои благїя поношенїе, томленїе и самую смерть.

Правда, многїе были стремительнымъ умораспаленїемъ порѣваемые лжеучители, которые мнимыми своими откровенїями старались увѣрить свѣтъ, что посланїе ихъ было свыше; изъ коихъ не рѣдко были и такїе, которые по киченїю своему, по жестоковыйности, или по иному какому пылкому страстей стремле-

мле-

мленію, столь во мнѣніяхъ своихъ упорствовали, что согласились лучше положить за сіе животъ свой, нежели отстать отъ таковаго порочнаго своего твердомыслія.

Однако я не думаю, чтобъ исторія могла показать изъ нихъ хотя одного, которой бы по произвольному своему желанію избралъ жребіемъ своимъ безпрестанныя удрученія, укоризны и тяжчайшія злостраданія, съ поноснымъ на конецъ дней своихъ прекращеніемъ.

Но Христосъ все сіе совершилъ самымъ дѣломъ.

Онъ страданія свои предвидѣлъ, предрекъ ихъ, изъяснилъ необходимость оныхъ, и на конецъ претерпѣлъ ихъ безъ всякаго прерѣканія.

При томъ, естьли мы божественность ученія его тщательно разсмотримъ, естьли всѣ спасительныя его внушенія зрѣло разсудимъ, естьли всѣ благоувѣтливыя разглагольствія живо вообразимъ, и непорочное его житиельство въ умѣ нашемъ представимъ, подумать не можемъ, чтобъ былъ онъ, или сущій нелюдимъ, или умоповрежденный нѣкій странности и несообразности любитель.

Ежели же былъ онъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ, каковымъ себя по словамъ и по дѣиствіямъ своимъ представлялъ, но былъ токмо притворствующій нѣкій по своему намѣренію лицемѣръ, то по крайнѣй мѣрѣ изъ цѣлой жизни его можно бы усмотрѣть въ томъ какіе нибудь слѣды.

И положимъ, что вздумалъ бы кто инако объ немъ мыслить, и подозрѣвалъ бы, что человѣкъ сей былъ изъ числа умовредною ревностію распаленныхъ, то есть: изъ числа не разсуждающихъ здраво о вещахъ, то и въ семъ случаѣ долженъ бы онъ обратить на себя наше вниманіе; ибо по исторіи рода человѣческаго никто будучи въ такомъ состояніи, не могъ разсуждать столь благодушно, возвышенно и правомысленно, какъ Христосъ.

Но не взирая на все сіе, естьли усумнится кто о превосходствѣ проповѣданнаго имъ закона, предъ всѣми прежними законодательствами, тотъ пусть испытаетъ со тщаніемъ несравненныя тѣ писанія, посредствомъ коихъ ученіе Христово достигло до нашихъ временъ, и сравнитъ оное съ самыми превосходными законоположеніями языческихъ любомудрцевъ; и естьли не тронутъ будетъ онъ отмѣнною его изящно-

ностію, возвышенною простотою и естественною величественностію, то осмѣлюсь я сказать, что такой мудрецъ столько же мало знаетъ вкусу въ умственныхъ произведеніяхъ, сколь по благочестію его скудна въ немъ вѣра, и что онъ столько же худый истинны изслѣдователь, сколь неключимый и въ дѣлахъ своихъ обумореный христіанинъ.

Ибо въ какомъ училищѣ древняго любомудрія найдетъ онъ столь совершенное наставленіе въ добронравіи, какъ въ поученіи Христовомъ, проповѣданномъ нѣкогда на горѣ?

Изъ какихъ умилительныхъ въ древности книгъ почерпнетъ онъ столь ревностное моленіе къ Богу? заключающее въ себѣ съ толикою краткостію, ясностію и чувствительностію выраженій, всѣ существенныя наши въ мірѣ семъ благопотребности, и на конецъ все то, отъ чего мы въ жизни нашей избавиться желаемъ? какъ не изъ краткой оной молитвы, которую составилъ онъ нѣкогда самъ, и одобрилъ предъ своими учениками.

Въ какихъ наставленіяхъ древнія премудрости услышать можно, столь ревностное побужденіе къ

 оказа-

оказанію благотворенія страждущимъ въ разныхъ злоключеніяхъ, каковое изрекъ Христосъ въ видѣ небеснаго судіи, призывающаго таковыхъ благотворцевъ въ превыспреннія селенія, съ слѣдующимъ вожделѣннымъ для нихъ привѣтствіемъ:

Пріидите благословенніи отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя, страненъ бѣхъ, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мя: боленъ, и посѣтисте мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы глаголюще: Господи, когда тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ? или жаждуща, и напоихомъ? Когда же тя видѣхомъ странна, и введохомъ? или нага, и одѣяхомъ? Когдаже тя видѣхомъ боляща, или въ темницѣ, и пріидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речетъ имъ: Аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меншихъ, мнѣ сотвористе. Матѳ. гл. 25. ст. 34.

Гдѣ находится столь справедливое, и столь чувствительное нарѣканіе о чрезмѣрномъ попеченіи? которое приверженные къ міру сему прилагаютъ о своемъ содержаніи и препитаніи, и коего Христосъ излиш-

лишнюю многомятежность, чтобъ пещися даже о утрїи, запрещаетъ; а повелѣваетъ, при умѣренномъ трудолюбїи и правотѣ сердца, возлагать въ семъ случаѣ все упованїе свое на общаго всѣхъ благопромыслителя Бога, глаголя ко всѣмъ предавшимся непомѣрному и многомятежному о себѣ попеченїю, тако:

Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте? Кто же отъ васъ пекїйся, можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ? И о одежди что печетеся? Смотрите кринъ селныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Аще же днесь сѣно селное сущє, и утрѣ въ пещь вметаемо, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ маловѣри? Мат. гл. 6. ст. 26. 28.

Кто изъ самыхъ славныхъ ихъ стихотворцевъ, описалъ столь восхитительно вожделѣнное оное въ грядущемъ вѣкѣ, для праведныхъ соблюдаемое радованїе, превосходящее величїемъ своимъ всякое воображенїе смертныхъ? какъ учинилъ сїе Апостолъ въ слѣдующихъ краткихъ выраженїяхъ: *Ихъ же око не видѣ,*

и ухо-

и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его. 1. Кор. гл. 2. ст. 9.

Гдѣ посредѣ мрачныхъ и недоумѣнія исполненныхъ обуреваній языческаго умствованія, усмотрѣть можно столь утѣшительную свѣтозарность? показующую благоотишное наше въ грядущемъ вѣкѣ пристанище, съ величественнымъ бренности нашей измѣненіемъ при вступленіи въ вѣчность, которой предшествовать имѣетъ востаніе изъ мертвыхъ, всеобщее Богомъ сужденіе вселеннѣй, и открытіе безсмертія души нашей; какъ увѣряетъ о томъ С. Павелъ въ первомъ посланіи своемъ къ Коринѳяномъ.

Изъ какихъ языческихъ наставленій почерпнуть можно столь чувствительныя увѣщанія, къ преклоненію людей на дѣла благая? и къ возженію въ сердцахъ ихъ усердной ревности къ благочестію? съ предложеніемъ самыхъ природѣ человѣческой свойственныхъ средствъ, къ утвержденію въ чистѣйшемъ богопочитаніи.

Приводить для доказательства сихъ истиннъ всѣ находящіяся въ Новомъ Завѣтѣ мѣста, есть тоже, что списывать всякую черту онаго.

Доволь-

Довольно упомянуть, что Христіанское ученіе ѳзнаменовано вездѣ ощутительнѣйшими признаками несравненнаго своего изящества, и что наставленія его превышають въ семъ случаѣ всѣ прежнія человѣческія о какомъ либо добродѣяніи внушенія, содержа въ себѣ самыя спасительныя для рода человѣческаго предписанія.

Таковая изящность и несравненность писаній, тѣмъ паче для сердца человѣческаго вожделѣнна, что содержать онѣ въ себѣ никогда неоскудѣвающее обиліе разныхъ возвышеннѣйшихъ наставленій, которыя при всемъ своемъ умъ нашь удивляющемъ превосходствѣ, заключають купно и то имъ однимъ сродное обстоятельство, что сколь онѣ по нравоученію своему для самыхъ простолюдимовъ суть вразумительны, столь для просвѣщеннѣйшихъ и самыхъ глубокомысленныхъ во всѣхъ вѣкахъ людей, служили онѣ всегда неисчерпаемымъ источникомъ къ открытію судебъ Божіихъ въ мірѣ семъ, въ разсужденіи свойствъ и дѣйствій промысла надъ смертными; словомъ, прежде открытія Христомъ такого ученія, не было въ мірѣ подобныхъ наставленій, выключая нѣкоторыя статьи Еврейскаго Богослуженія.

Прочїя всѣ племена земныя погружены были въ самое поноснѣйшее идолопоклонство, неимѣющее ни малѣйшаго отношенїя къ существенному исправленїю нравовъ.

Хотя же нѣкоторыя внушенїя и клонились къ мнимому у нихъ благонравїю; однако отвратительными дѣйствїями неистовыхъ ихъ богослужителей, болѣе нравы сихъ народовъ повреждались, нежели приходили въ прямое исправленїе.

Ослѣпленные сїи искали у Боговъ своихъ, и разныхъ боготворимыхъ ими веществъ, благопризрѣнїя и милости, всякими студодѣйственными образы, и укрощали гнѣвъ ихъ самыми для природы человѣческой отвратительными свирѣпостями.

Во времена просвѣщеннѣйшїя, и у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, во времена, въ которыя Грецїя и Римъ искусствомъ витїйства, высокостїю стихотворства, изящностїю дѣеповѣданїй, тектонствомъ и ваянїемъ, достигли на высочайшую степень совершенства; въ сїи времена, сказую, когда сама Маѳиматика съ естественною философїею благоуспѣшно процвѣтать начинали, а нравстенная наука находилась, по мнѣнїю многихъ, почти въ своемъ совершенствѣ; просвѣ-

просвѣщенные всѣми сими знанїями люди, въ истинномъ Богопочитанїи не имѣли ни малѣйшихъ успѣховъ.

А сїе и есть доказательствомъ, что самыя возвышенныя человѣческїя умствованїя, безъ вдохновенїя свыше, не были въ состоянїи открыть существенное и прямо сродное Богопочитанїе для человѣка.

Правда, нѣкоторые изъ древнихъ философовъ отвергали по здравому своему умодѣйствїю разныя нелѣпости языческаго Богопочитанїя, и восходили, какъ кажется, разумомъ къ чистѣйшему понятїю о Высочайшемъ Существѣ.

Платонъ предлагаетъ велемудрыя нѣкїя превыспренности о естествѣ, и о его первоначальной винѣ, такожде и о безсмертїи души; но какъ разсужденїе о томъ превышаетъ не токмо мечтательныя его высокопарности, но и самыя зрѣлыя человѣческїя размышленїя, откровенїемъ неозаренныя: то заключить должно, что нѣкоторое о семъ понятїе почерпнулъ онъ изъ худо выразумѣнныхъ имъ книгъ Моисеевыхъ, или заимствовалъ оное отъ обращенїя своего съ нѣкоторыми Іудейскими Раввинами въ Египтѣ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ пребывалъ,

упражняясь въ любомудріи и въ изслѣдованіи священнотаинственныхъ Египетскихъ обрядовъ.

Отъ него пріобрѣлъ подобныяже о сихъ предметахъ понятія Аристотель, а отъ обоихъ сихъ Цицеронъ, и еще немногіе нѣкоторые заимствовавъ самыя важныя и основательныя мысли, предложили въ любомудріи своемъ столь высокія о семъ разсужденія, сколь силы человѣческаго остроумія и проницанія позволить имъ тогда могли.

Но все сіе было токмо нѣкоторая свѣтозарность являемая въ разныхъ вѣкахъ на краткое время, безъ малѣйшаго открытія пути, ведущаго къ прямому Богопознанію.

Почему всѣхъ таковыхъ мгновенныхъ свѣтоносій, и не можно ни мало сравнить съ тѣмъ спасительнымъ осіянемъ въ боговѣдѣніи, которое вездѣ въ законоположныхъ Христовыхъ наставленіяхъ усматривается.

Правда, отъ видимыхъ міра сего заключали нѣкоторые изъ древнихъ философовъ о бытіи и главныхъ свойствахъ Зиждителя тварей, но не могли постигнуть своимъ умопроницаніемъ того существеннаго

наго союза, которой въ разсужденіи его бытія и таковыхъ его свойствъ, находится между имъ и между человѣкомъ.

Также о приличномъ разумной твари Богопочитаніи, и ревностномъ къ сему Высочайшему Существу благоговѣніи, не имѣли они почти никакого понятія, а потому и не могли чествовать его достойнолѣпно, въ разсужденіи чистѣйшаго и совершеннѣйшаго превосходства Божественной его природы. Хотя же превозносили они похвалами естественную красоту и изящность добродѣтели, однако не основывали ее на заповѣданіяхъ Божіихъ, ниже жительствовали по ней свято въ прохожденіи званія своего въ преподобіи и правдѣ, ниже поставляли оную цѣлію такихъ подвиговъ, за которые ожидать бы они могли вѣчнаго блаженства, какъ единственной своей награды.

Они разглагольствовали иногда весьма пышно о добродѣтели, преводящей смертныхъ въ селенія небесныя, и посаждающей ихъ между боговъ, однако чрезъ такую добродѣтель разумѣли они не что иное, какъ остроумное изобрѣтеніе различныхъ полезныхъ для рода человѣческаго вещей, или озна-

чали чрезъ то храбрые подвиги въ военныхъ ополченіяхъ; въ слѣдствіе чего и небеса у нихъ отверсты были только для законодавцевъ, для побѣдителей, для учредителей благоустройствъ, или иногда и для прямыхъ рода человѣческаго разорителей.

Таковы были главныя вѣропреданія у самыхъ просвѣщенныхъ въ свѣтѣ народовъ, и таковы были слѣдствія ихъ законодательствъ, по коимъ совсѣмъ тѣмъ располагали у нихъ жизнь свою токмо вышеупомянутые, удивительные тогда по остроумію и по многознанію своему люди, называвшіеся философами; прочая же чернь пребывала въ совершенной о Богопочитаніи неизвѣстности, будучи покрыта непроницаемымъ мракомъ невѣденія и суевѣрія.

Въ сіи времена возсіяло на востокѣ Христіанство, на подобіе восходящаго съ велелѣпіемъ солнца, и прогнало всеобщую оную суемудрія и суевѣрія мглу помрачавшую лице земли; каковымъ злочестія мракомъ покрыты и нынѣ всѣ отдаленные предѣлы свѣта, въ которые лучи сего спасительнаго свѣтила еще не достигли; куда же токмо блескъ онаго сверкнулъ, тамъ не взирая на всю прежнюю развратность и

нечес-

нечестїе, утверждалось всякое благоустройство, и истреблялось ложное Богопочитанїе, вперялась благоговѣйная ревность къ Богу съ чистѣйшею нравовъ непорочностїю.

Людемъ, при возвѣщенїи единаго Высочайшаго Существа съ его превосходнѣйшими свойствами, возвѣстилось оставленїе грѣховъ, проповѣдалось востанїе изъ мертвыхъ, и обѣщано добрѣ наземли подвизающимся некончаемое блаженство въ будущей жизни.

Всѣ сїи спасительныя вѣронаставленїя столько же извѣстны были до Христа самымъ просвѣщеннѣйшимъ въ свѣтѣ народамъ, сколько извѣстно нынѣ ученїе Невтоново, о тяготѣнїи тѣлъ небесныхъ, скитающимся въ дебрѣхъ и пустыняхъ Американскихъ.

Сихъ утѣшительныхъ и возвышенныхъ наставленїй, сказую, не могъ никогда разумъ человѣческїй самъ собою открыть, но посредствовало въ томъ единственно ученїе Христово.

Удивительно же, что, когда истинны сїи стали открыты, оказались онѣ столь сходственными съ здравымъ нашимъ разсудкомъ, и съ толикимъ вожделѣнїемъ

нiемъ онымъ вдругъ приняты; хотя впрочемъ и казались онѣ прежде для него столь неудобопонятны.

Наставленiя сiи, сказую, которыхъ, не взирая на всю свою ученость и проницанiе, не могъ вообразить себѣ ни Платонъ, ни Аристотель, ни Туллiй, здѣлались нынѣ, посредствомъ сего благодатнаго откровенiя, столь вразумительны, что всякiй простолюдимъ и художникъ, имѣя въ рукахъ своихъ Священное Писанiе, можетъ понимать ихъ безъ всякаго преткновенiя, и оными спасительно пользоваться.

Все сiе есть неоспоримая истинна, и ни малѣйшему сомнѣнiю неподверженная бытiя точность; а потому, что бы мы ни думали о Виновникѣ сего ученiя; что бы ни воображали о содержащихся въ немъ наставленiяхъ и внушенiяхъ; какъ бы ни разсуждали о вдохновенiи начертавшемъ сiи истинны: остается сказать, что всякъ *имѣяй очеса, во еже смотрити, и ушеса, во еже слышати*, согласиться долженъ, что книги Новаго Завѣта превосходятъ наставленiями своими всѣ человѣческiя умствованiя.

ПРЕД-

ПРЕДЛОЖЕНІЕ III.

Сїе предложенїе состоитъ въ томъ, что изъ книги сей (Новаго Завѣта) можно составить Совокупность чистѣйшаго нравоученїя; поелику каждое нравственное наставленїе основанное на здравомъ разсудкѣ, представлено въ ней съ чистѣйшею непорочностїю и совершенствомъ, превышающимъ всѣ прочїя о томъ внушенїя самыхъ премудрыхъ и просвѣщеннѣйшихъ въ древности нравоучителей. Представленїе таковаго нравоученїя тѣмъ будетъ для смертныхъ спасительнѣе, что о нравоученїяхъ основанныхъ на ложныхъ и вредныхъ началахъ, совсѣмъ въ книгѣ сей не упоминается, а находятся напротивъ того въ ней многочисленныя, совсѣмъ новыя наставленїя, соотвѣтствующїя весьма свойственно новому вѣры сея предмету.

Чрезъ Совокупность чистѣйшаго нравоученїя разумѣю я наставленїя, основанныя впрочемъ на естественномъ разсудкѣ, но представленныя въ Новомъ Завѣтѣ съ отмѣннымъ совершенствомъ въ разсужденїи средствъ возвышающихъ природныя наши дарованїя, и споспѣшествующихъ къ доставленїю роду человѣческому прямаго благоденствїя.

Ж Тако-

Таковыя суть: благочестіе въ отношеніи къ Богу, усердное благорасположеніе къ добротворенію, правдолюбіе, искренность, воздержаніе и цѣломудріе съ твердымъ намѣреніемъ, чтобъ устраняться отъ всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые симъ добродѣтелямъ противны, и которые унижая нашу природу, вводятъ въ міръ всякія нестроенія, и слѣдовательно производятъ чрезъ то въ немъ всякія бѣдствія.

Чрезъ мнимо-нравственныя же внушенія, основанныя на ложныхъ началахъ, разумѣю я такія древнихъ мудрецовъ наставленія, которыми одобряются предъ нами подложныя добродѣтели, не производящія никакого полезнаго слѣдствія, но прославляемыя однако съ удивленіемъ токмо для того, что ласкаютъ онѣ нашему самолюбію, въ самомъ же дѣлѣ никогда прямыми добродѣтелями онѣ не бывали, таковы суть: мнимое мужество, чрезмѣрная привязанность къ странѣ отечественной и пылкое дружество.

Что добродѣтели перваго рода, а именно: благочестіе, т. е. чествованіе Высочайшаго Существа соотвѣтствующимъ совершенствамъ его, и нашей природѣ образомъ, усердное расположеніе къ благотворенію, и проч. представлены на высочайшей степени чисто-

чистоты и непорочности въ Христіанскскомъ законѣ, а не въ другомъ какомъ ученіи, нѣтъ нужды здѣсь доказывать. Ибо сіе есть такая истинна, которая не токмо усердными добродѣтелей сихъ рачителями поставлена выше всякаго сомнѣнія, но и не была никогда опровергаема самыми враждебными Христіанства противоборниками; такъ какъ напротивъ того неизлишно будетъ показать, что выше помянутыя под ложныя добродѣтели, а именно: мнимое мужество, чрезмѣрная привязанность къ странѣ отечественной, и проч. оставлены въ семъ благодатномъ откровеніи безъ дальняго вниманія, потому что онѣ въ разсужденіи прямаго человѣческаго благоденствія не имѣютъ никакого существеннаго въ себѣ преимущества, и не столь совмѣстны съ возвышенностію мыслей и благотворительнымъ духомъ Христова ученія.

На примѣръ, природное мужество, или естестводѣйственная доблесть, есть по большей части отъ природнаго сложенія въ нѣкоторыхъ людяхъ происходящая добродѣтель; а потому и не можетъ она почесться нравственнымъ преимуществомъ, и почти не болѣе уважаема быть должна, какъ остроуміе, красота, здравіе, крѣпость и прочія природныя дарованія души и тѣла.

Ибо преимущество сїе иногда столь удалено бываетъ отъ произведенїя полезныхъ въ свѣтѣ слѣдствїй, что посредствомъ онаго рѣдко когда сохранялось въ какомъ либо обществѣ миролюбїе, а слѣдственно и благоденствїе общежительствъ; но по большой части было оно причиною всякихъ насилїй и мщенїй, приводившихъ свѣтъ въ безпрестанное смятенїе, и обагрявшихъ лице земли кровїю своей братїи.

Оно есть паче такое орудїе, посредствомъ котораго угнѣтать можетъ сильный немощнаго, посредствомъ котораго высокомѣрный и дерзновенный отваживается попирать кроткаго и смиреннаго, а законопреступный притѣснять неповиннаго.

Есть, сказую, орудїе, пособїемъ коего кичливый, завистьливый и сребролюбивый житейскихъ выгодъ любитель, дѣлаетъ несправедливыя притязанїя на благословенныя прїобрѣтенїя и законное властоначальство другихъ.

И сего ради мужество сїе развратными мїра сего любителями толико ублажается, сирѣчь: что снабдѣннымъ онымъ доставляетъ оно часто всякїя льстящїя имъ выгоды, аки бы законнымъ образомъ.

Преи-

Преимущество сїе уважаемо было отмѣнно въ древнїя времена, по сходству съ онымъ Языческаго Богопочитанїя, коихъ боги по большой части были, такъ называемые, успшїе Герои, преселенные иногда въ небеса за тѣ бездѣльства, которыя они дѣлали на земли; и по тому, сказую, пылкость сїя почиталась у нихъ первымъ природы человѣческой совершенствомъ; но въ самомъ дѣлѣ весьма несправедливо присвоено ей названїе добродѣтели.

Но каково бы достоинство ея ни было у Язычниковъ, у Христїянъ однако не должна она имѣть отмѣннаго уваженїя; ибо посредствомъ ея весьма рѣдко оказать можно какую либо прямую добротворность.

На противъ того вышеобъявленныя перваго рода добродѣтели, разумѣю *благочестїе*, въ разсужденїи чествуемаго по Христїанскому ученїю Высочайшаго Существа, *усердное расположенїе къ благотворенїю, правдолюбїе, искренность, воздержанїе, цѣломудрїе и терпѣнїе*, изъ коихъ по сему послѣднему не токмо всякое насилїе запрещается, но и возбраняется, чтобъ дѣлали мы оному какое либо равномѣрное сопротивленїе.

 Также

Также запрещается христїянамъ и всякое рвенїе къ мести, а съ укрощенїемъ онаго повелѣвается имъ предоставлять все сїе Богу.

Что же касается до истребленїя враговъ, то не токмо христїянство къ оному не побуждаетъ, но заставляетъ любить ихъ, и простирать имъ въ случаѣ руку помощи.

А по сему, естьли бы Христїанскїе народы были прямые послѣдователи Христову ученїю, никакїя бы брани и нестроенїя между ими не содѣвались, но водворялась бы всегда взаимная усердность и совершенное миролюбїе.

Буйная доблесть не составляла бы чрезвычайно отмѣннаго преимущества, и не была бы сопричтена къ лику прямыхъ Христїанскихъ добродѣтелей, не будучи дѣйствїями своими ни мало сообразна съ предписанїями Христїанскаго ученїя.

Я не утвержаю, чтобы запретить дѣлать прямому мужеству подобающее прославленїе, ниже возбраняю воздавать достодолжныя почести тѣмъ благонамѣреннымъ и твердымъ подвижникамъ, которые опасностїю своей жизни, а иногда и пожертвова-

нїемъ оной, доставляютъ благословенныя выгоды любезному своему отечеству, или производятъ чрезъ то прямое благоденствїе присной своей собратїи человѣкамъ.

Я говорю токмо, что дѣйствующая оная по натуральному сложенїю человѣка пылкость, не можетъ никогда почесться прямо Христїанскою добродѣтелїю; по тому что къ проходящимъ званїе свое по Христїанскому жительству, не имѣетъ она почти никакого отношенїя, ниже составляетъ для нихъ какую либо существенную пользу.

На противъ того, такъ называемое, *твердодѣйственное* (страстотерпное), *мужество*, или терпящая доблесть, (passive courage) внушаемая многократно подъ именемъ терпѣнїя, сколь возвышеннымъ и благодушїе вселяющимъ Христовымъ ученїемъ одобряется, столь въ самомъ дѣлѣ назваться можетъ прямымъ и существеннымъ мужествомъ Христїанина, и есть противоположно почти совсѣмъ выше обьявленной самодѣйствующей по природному сложенїю неустрашимости. Ибо таковая твердость произходитъ уже отъ благоразсудительной возвышенности дѣйствующаго, который въ предписанныхъ Христомъ случаяхъ пренебрегаетъ всѣ злощастїя, болѣзнь и

самую

самую смерть, и уповаетъ въ семъ случаѣ съ благодушіемъ и ревностнѣйшею приверженностію на всемогущество и покровъ Всевышняго.

Естесдѣйственная оная доблесть, или пылкость возбуждается иногда отъ маловажнѣйшей причины, на примѣръ: отъ какой нибудь низкой страсти, или отъ необузданнаго стремленія къ самовластію.

Терпящее же оное, или прямо возвышенное мужество произходитъ наипаче отъ ревности къ истиннѣ, и отъ богоугоднаго исполненія своей должности.

Порѣваемый буйною неустрашимостію духъ, есть первенецъ всякія гордости и мщенія, и отецъ всякія жестокости и несправедливости; а располагающій дѣла свои съ прозорливостію и твердымъ постоянствомъ разсудокъ, есть зиждитель всякаго благоустройства и миролюбія.

Словомъ дѣйствующее по разгоряченнымъ чувствамъ наглое восторженіе, есть свирѣпость и необузданность дикаго; а предводимое вышепомянутымъ разсудкомъ мужество, есть благодушная и зрѣлая рѣшительность возвышеннаго мудролюбца.*)

Дѣй-

---

*) Зри о семъ страстотерпномъ и возвышенномъ мужествѣ четвертую и пятую бесѣду Златоуста къ Антіохійскому

Геройствующая по натуральному сложенію человѣка доблесть не менѣе противна ученію Христову, какъ и самому оныхъ предмѣту, а именно, миролюбивому оному расположенію, чрезъ которое пріуготовляться мы должны къ блаженному нашему жребію въ будущей жизни.

Сія высокомѣрная и многонадѣющаяся на себя пылкость, сказую, не есть то средство, чрезъ которое пріобрѣтается неизмѣняемое оное блаженство; ниже пріемлются въ селенія онаго мятежные духи шумныхъ Героевъ и побѣдителей, гдѣ по Христову ученію водворяется едино миролюбіе, благоустройство и тишина.

Также привязанность къ странѣ отечественной, добродѣтель столь въ древніе вѣки прославляемая,

 и въ

Народу, гдѣ витійствуетъ онъ съ отмѣнною чувствительностію о сей болѣе всего смертныхъ возносящей добродѣтели, которую должно было нѣкогда въ Ѳеодосіевы времена оказать Антіохійцамъ самымъ дѣломъ; поелику угрожали имъ самыя опаснѣйшія бѣдствія. Почему С: Златоустъ во всѣхъ своихъ поученіяхъ къ сему народу возбуждаетъ его къ благодушному терпѣнію, съ представленіемъ самыхъ величественыхъ и трогательныхъ примѣровъ.

и въ нынѣшнїя времена съ толикимъ велерѣчїемъ защищаемая, добродѣтель, сохранявшая впрочемъ, чрезъ толикое теченїе вѣковъ, свободу Грецїи, и возвысившая Римъ надъ цѣлымъ свѣтомъ въ славѣ и могуществѣ; сїя мнимая добродѣтель, говорю, должна изключена быть изъ числа существенныхъ Христїанскихъ добродѣтелей.

Ибо она не только съ миролюбивымъ Христїанскимъ расположенїемъ не согласуетъ, но и совсѣмъ противоборствуетъ вперенїю въ родъ человѣческїй того, предѣлами отечественной страны непреграждаемаго благотворенїя, которое повелѣваетъ намъ Христосъ оказывать всѣмъ помощи нашей требующимъ.

Христїанинъ не долженъ привязанъ быть ни къ какому по пристрастїю мѣсту. Онъ есть гражданинъ мїра; ближнїе же и соотечественники его суть самыхъ отдаленныхъ странъ народы, какъ скоро видитъ онъ, что по человѣколюбїю и по ученїю Христову должно имъ подать руку помощи.

Ученїе Христово повелѣваетъ намъ любить весь родъ человѣческїй; но привязанность къ странѣ отече-

честв-

чественной внушаетъ, что должно утѣснять всѣ прочїе народы, и возвышать всѣми возможными образы благосостоянїе токмо собственныхъ своихъ предѣловъ.

Христїанство велитъ намъ подражать всеобщей благотворительности нашего Зиждителя, изливающаго благословенїя свои на всѣ племена земныя; а привязанность къ отечественной области внушаетъ намъ не оставлять иногда безъ вниманїя самаго подлаго и отвратительнаго корыстолюбїя, такъ точно, какъ поступаетъ скверностяжательный какїй нибудь сельскїй управитель, который, подъ предлогомъ прїобрѣтаемыхъ старанїемъ его общихъ деревни своей выгодъ, дѣлаетъ прочимъ селенїямъ всякїя несправедливости и притѣсненїя, и думаетъ, что таковая заслуга въ разсужденїи округи его тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ суровостїю своею дѣлаетъ онъ другому селу болѣе нахальствъ и безчеловѣчїй.

Таковое къ собственной странѣ пристрастїе почиталось всегда у низкомысленныхъ любимою добродѣтелїю, хотя въ самомъ дѣлѣ пылкая сїя ревность, не рѣдко подъ видомъ общаго блага, заключаетъ въ себѣ по большой части и собственную свою пользу; но

которая иногда застѣняется, не токмо предъ прочими на дѣйствіе ея взирающими, мнимымъ раченіемъ о общемъ благѣ, но показывается не рѣдко и самому по сей страсти дѣйствующему, что онъ ничего другаго не дѣлаетъ, какъ токмо оказываетъ услугу своей собратіи, не взирая, что съ другой стороны такой же своей собратіи причиняетъ онъ всякія наглости и озлобленія, не токмо безъ всякаго опасенія, что будетъ за сіе истязанъ; но и съ ожиданіемъ еще отмѣнной похвалы, отъ судящихъ о мнимой сей добродѣтели пристрастно и превратно.

Однако такой поступокъ столь противоборствуетъ человѣколюбивому духу Христова ученія, что никогда не можно поставить онаго въ число прямыхъ Христіанскихъ добродѣтелей.

Равнымъ образомъ и дружество, хотя оно происходитъ отъ миролюбиваго сердецъ расположенія, и согласно нѣсколько съ ревностными заповѣданіями Христовыми, въ разсужденіи любви къ ближнему; не можетъ однако по тойже самой причинѣ, что относится только къ одному лицу, причислено быть къ благотворительнымъ Христіанскимъ добродѣтелямъ. Ибо такая усердность будетъ съ лишкомъ

стѣ-

стѣснена и ограничена, т. е. будетъ въ благотвореніи своемъ обращена токмо на одинъ предмѣтъ; когда на противъ того предписываемое въ Евангеліи благотвореніе должно простираться безъ всякаго пристрастія на всѣхъ.

Почему и то дружество, которое произходитъ отъ сходства самыхъ похвальныхъ нравовъ, а не отъ корыстолюбиваго какого либо усердія, хотя въ основаніи своемъ достохвально, любезно, и совершенно безпорочно; однако связанные онымъ не имѣютъ права превозноситься такою своею добродѣтелію; потому что сія ихъ другъ къ другу привязанность утверждается на взаимномъ ихъ доброжелательствѣ.

Но, *Аще любите*, глаголетъ Христосъ *любящія вы, кая вамъ благодать есть? ибо и грѣшницы любящія ихъ любятъ*. Лук. гл. 6. ст. 32.

Впрочемъ, ежели дружество составляется еще по причинѣ участія въ какомъ нибудь порочномъ дѣлѣ, въ какомъ нибудь совѣтѣ нечестивыхъ, или когда снискивается оно для низкой какой собственнополезности, или для прикрытія гнусныхъ пороковъ, яко такихъ союзовъ, которыми не рѣдко злонамѣренные

ные люди между собою связываются, въ то время дружество сїе не токмо злочестиво, но и совсѣмъ богопротивно и законопреступно.

Но на конецъ и самое безпристрастное дружелюбїе, нѣкоторымъ токмо предпочтительно оказываемое, не заслуживаетъ, какъ выше сказано, отъ Христа, по ограниченности своей, отмѣннаго одобренїя.

Къ симъ съ благонамѣренною невнимательностїю пропущеннымъ въ Евангелїи непрямымъ добродѣтелямъ, присовокупить должно и тѣ случаи, которые Христосъ покрылъ молчанїемъ, сколь они въ мiрѣ семъ ни важны быть кажутся, а именно: онъ не упоминаетъ нигдѣ опредѣлительно о градоначальствѣ и народоправительствѣ, также о правѣ войны и мира.

О семъ, сказую, не далъ онъ нигдѣ знать. Причина же сему уповательно та, что въ разсужденїи сихъ предмѣтовъ не можно было учинить никакихъ, о безвредности оныхъ увѣрить могущихъ, положенїй такъ, чтобы въ предписанїи о томъ правилъ, чистота и непорочность Христова ученїя осталась навсегда въ своемъ совершенствѣ; и чтобы, при произведенїи

оныхъ

онныхъ въ дѣйство, соблюдена была совершенная точность между столь несовершенными тварьми, каковы суть люди, нападающїе всегда одинъ на другаго, и безпрестанно между собою противоборствующїе.

На примѣръ: естьли бы запретилъ Христосъ, чтобъ вовсе никто предержащей власти не противился; то чрезъ то положилъ бы онъ основанїе неограниченному преобладанїю, (Despotisme); и слѣдственно здѣлалъ бы людей совершенными рабами.

Естьли же бы одобрилъ онъ явно какое нибудь Вышнимъ сопротивленїе; то подалъ бы чрезъ то случай ко всякому непокорству законной верховной власти.

Равнымъ образомъ, естьли бы запретилъ въ точныхъ выраженїяхъ войну; то отдалъ бы чрезъ сїе ревностныхъ послѣдователей своему ученїю на безпрестанное терзанїе и озлобленїе всякому злочестиво ратующему.

Естьли бы, сказую, дозволена была отъ него война; то позволено было бы купно съ нею и всякое хищенїе и смертоубїйство, яко неизбѣжныя слѣдствїя оной.

Но разсмотримъ, каковы суть сверхъ того новыя нравонаставленїя Христова ученїя, соотвѣтствующїя

щія существенно предмѣту пріуготовляющему насъ, какъ выше сказано, къ селеніямъ небеснымъ.

Главнѣйшія изъ оныхъ суть: нищета духовная, прощеніе и оставленіе учиненныхъ намъ обидъ, любовь ко всему роду человѣческому; къ чему присовокупить должно: сокрушеніе сердца, т. е. истинное раскаяніе о содѣянныхъ нами въ противность ученію Христову преступленіяхъ; къ сему причислить также слѣдуетъ вѣру твердую, и ревностнѣйшую усердность къ исполненію всѣхъ Христовыхъ заповѣданій, съ совершеннымъ уничиженіемъ себя предъ Всеблагимъ тварей Зиждителемъ, и съ устраненіемъ навсегда отъ міра сего, т. е. съ совершеннымъ къ нему безпристрастіемъ, во всѣхъ жизни нашея обстоятельствахъ.

Сіи то добродѣтели, какъ вышеобъявленному открытому Христомъ законоученію сродны, такъ и къ достиженію въ будущей жизни вожделѣннаго онаго блаженства для насъ необходимо нужны.

Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Мат. гл. 5. ст. 3.

Чрезъ нищету духовную разумѣется здѣсь кроткое, смиренное и всякой законной власти благопокорное

духа

духа нашего расположенїе, чуждое всякаго тщеславїя, непамятозлобное и удаленное отъ всякой жестокости; а сїе то и есть столь новое и столь противоборное мыслямъ всѣхъ Языческихъ нравоучителей внушенїе, что они почли оное за порочное и за презрѣнїя достойное духа человѣческаго состоянїе, могущее по мнѣнїю ихъ привести людей къ пожертвованїю славою своего отечества, и собственною своею честїю постыдному малодушїю; такъ какъ многїе и изъ Христїанъ суть о семъ таковыхъ же мыслей, о коихъ даютъ они знать не токмо неисполненїемъ сей спасительной добродѣтели, но и совершеннымъ оной отверженїемъ, не взирая на точное о томъ заповѣданїе человѣколюбивѣйшаго своего Учителя.

Въ слѣдствїе чего видимъ мы, что отмщеваютъ они за самомалѣйшїя личныя имъ досады самымъ мучительнѣйшимъ образомъ, и истребляютъ одинъ другаго за мнимое поврежденїе чести; такъ какъ и цѣлыя Державы воюя за маловажную иногда купледѣйственную выгоду, за мнимый въ могуществѣ ихъ перевѣсъ, за пустое въ первоначалїи преимущество, истребляютъ сонмы народовъ огнемъ и мечемъ.

Мы видимъ, съ какимъ неистовствомъ поощряютъ люди другъ друга ко мщенію, и силятся подвизаться въ томъ до послѣдняго издыханія.

При совершенномъ изнеможеніи вонзаютъ они дрожащими руками мечи и копія въ утробу мнимыхъ своихъ супостатовъ, и что еще неистовѣе, видимъ, что всѣ такія буйственныя свирѣпости одобряются дѣеповѣдателями, превозносятся пѣснопѣвцами, представляются съ великолѣпными убранствами и рукоплесканіями на позорищахъ, восхваляются въ судоначальствахъ и ублажаются на священныхъ амвонахъ.

Но долговременная къ какому нибудь злоупотребленію привычка не можетъ никогда превратить естества вещей: такъ какъ и повсемственное заблужденіе не въ состояніи уничтожить непреложность истинны.

Не для высокомѣрія сотворенъ человѣкъ; но для смиренномудрія, кротости и терпѣнія.

Нищета оная духовная толико Христомъ ублажаемая, есть существенный жребій человѣка на землѣ, яко твари зависящей отъ толикихъ надобностей, и требующей толикаго о себѣ попеченія.

Единое

Единое токмо сїе качество, т. е. кроткое, незлобивое и миролюбивое духа нашего расположенїе, можетъ доставить намъ въ юдоли сей спокойное пребыванїе, и предуготовить насъ постепенно къ будущему блаженству.

Однако таковое важное для жребїя человѣческаго нравонаставленїе со всѣми своими послѣдствїями, дотолѣ оставалось по естественному нравоученїю въ неизвѣстности, пока не обнародовано оно Христомъ уподобительно въ разсужденїи нашего незлобїя тако: *Оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ: тацѣхъ бо есть царствїе Божїе. Аминь глаголю вамъ, иже аще не прїиметъ царствїя Божїя яко отроча, не имать внити въ не.* Марк. гл. 10. ст. 14.

Также и другое не меньше новое, сколь и превосходное увѣщанїе о прощенїи обидъ врагамъ нашимъ Христосъ съ отмѣнною чувствительностїю намъ внушаетъ, когда заповѣдалъ о томъ ученикамъ своимъ глаголя: *Слышасте яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: Любите враги ваша, благословите клянущїя вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящїя вы.* Мат. гл. 5. ст. 43.

 Сїе

Сїе наставленїе было новое, и въ дѣйство никѣмъ дотолѣ непроизведенное, пока на конецъ не внушено оно ученїемъ Христовымъ, и не запечатлѣно самымъ его примѣромъ. Ибо самые премудрые нравоучители у самыхъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ и въ самыя просвѣщеннѣйшїя времена, представляли всегда рвенїе ко мщенїю, какъ знакъ возвышеннаго духа; а удовлетворенїе сей страсти, какъ высочайшее добро, которое могъ только имѣть щастливѣйшїй въ свѣтѣ человѣкъ.

Но сколь возвышеннѣе и въ основанїи своемъ благороднѣе прощенїе обидъ! Оно тѣмъ для рода человѣческаго спасительнѣе и въ слѣдствїяхъ своихъ величественнѣе, что къ произведенїю онаго въ дѣйство требуется сердце прямо великодушное, и на всѣ напасти спокойно взирающее. Ибо оно одно только можетъ вперить въ насъ столько твердости, чтобъ сносить, причиняемыя намъ злодѣянїемь и буйностїю, обиды и наглости благодушно, и взирать на причиняющихъ намъ оныя паче съ сожалѣнїемъ, нежели съ негодованїемъ; оно одно можетъ внушить намъ, что претерпѣваемыя нами злоключенїя, суть только часть тѣхъ бѣдствїй, которыя мы въ юдоли сей

при

при опытномъ нашемъ подвиготворенїи сносить должны; оно одно въ состоянїи одобрять въ насъ тѣ утѣшительныя мысли, что превозмогать зло добромъ, есть славнѣе всѣхъ побѣдъ.

Спасительнѣйшая есть сїя добродѣтель (прощенїе обидъ) по тому, что миролюбивостїю своею можетъ прекратить оныя безконечныя продолженїя мщенїй.

Ибо всякая новоотмщенная обида побуждаетъ противную сторону ко взаимному же мщенїю; а сїе не могло бы имѣть никакого конца.

Но естьли бы мы сохраняли еще съ сею великодушною добродѣтелїю оное заповѣданїе Христово: *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ*; то сїе любезное непамятозлобїе искоренило бы всякую заматерѣвшую въ насъ злобу такъ, что мы въ жизни нашей никакихъ бы себѣ враговъ не имѣли.

И по истиннѣ, сколь несравненно славнѣе въ семъ случаѣ крѣпость и благодушїе мучениковъ, сносившихъ съ толикою приверженностїю ко Всевышнему самыя жестокїя мученїя, и молившихъ его съ излїянїемъ сердца, чтобъ отпустилъ онъ Мучителямъ всю вину свирѣпствованїя ихъ надъ ними; нежели

 яростн-

яростное оное, или лучше сказать, зверское языческихъ Героевъ разженіе, дышущее прещеніемъ и убивствомъ въ пролiянiи крови многихъ неповинныхъ. (*

Но сколь ни благородна и пользою своею между прочими человѣческими дѣйствiями ни превосходна сія добродѣтель; однако до открытія Христіанскаго ученія не токмо не была она никѣмъ производима въ дѣйство, но и презираема была со всякимъ ругатель-

*) Здѣсь небезприлично упомянуть о томъ Святаго Златоуста словѣ, коимъ Флавіянъ Епископъ испрашивалъ у Императора Θеодосія Великаго помилованія граду Антіохіи, съ прощеніемъ ему вины его, которою вышедшіе нѣкогда изъ терпѣнія Антіохійцы, сего склоннаго къ гнѣву, но впрочемъ великодушнаго Государя раздражили такъ, что онъ намѣревалъ было истребить градъ сей до основанія; отъ чего однако Монархъ сей убѣдительною сего священнаго Витіи рѣчью воздержался; и съ кротостію сердца оставилъ граду его вину. Въ словѣ семъ С. Златоустъ представилъ пользу слѣдствій произходящихъ отъ прощенія обидъ, съ толикою убѣдительностію, что изслѣдователи прямаго краснорѣчія не усумнились поставить оное въ числѣ самыхъ превосходныхъ примѣровъ мужественнаго древняго витійства. бесѣд. 21. къ Антіох. Народ.

тельствомъ, какъ слабость духа, родъ человѣческій столь унижающая; хотя она въ самомъ дѣлѣ есть весьма надежное средство къ прекращенію всякихъ враждою наносимыхъ намъ въ жизни сей бѣдствій; равно какъ и самое спасительное упражненіе въ пріуготовленіи насъ къ будущей жизни.

Третіе заповѣданіе ученіемъ Христовымъ внушаемое, и болѣе всего родъ человѣческій къ исполненію своему побуждающее, есть Любовь ко всѣмъ.

Но въ чемъ она состоитъ, можемъ мы узнать изъ приводящаго насъ въ удивленіе ея описанія слѣдующими словами: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ. Любы не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ, вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ.* 1. Кор. гл. 13. ст. 4.

Здѣсь видимъ мы изящнѣйшее совокупленіе пресвѣтлыхъ человѣческихъ добродѣтелей, въ единой Любви заключающееся, и состоящее не, какъ многіе думаютъ, въ воздвигнутіи уединенныхъ наипаче обителей,

телей, ни въ сооруженіи страннопріимныхъ храминъ для нищеты, терпящей иногда нужду по своимъ порокамъ, ни въ снабдѣніи милостынею дѣлающихся въ случаѣ скудными по причинѣ своей лѣности, и безразсудному расточенію своихъ имѣній; но въ томъ кроткомъ, миролюбивомъ и ревностномъ духа расположеніи, которое, по сей любви къ ближнему, занимается ежеминутно, или дѣйствіями благотворности, или качествами терпѣнія, смиренномудрія и благоснисхожденія въ разсужденіи разныхъ въ жизни сей представляющихся намъ случаевъ.

Таковая благотворительная и миролюбивая дѣятельность, въ состояніи здѣлать насъ не токмо способными къ наслажденію вожделѣннымъ онымъ блаженствомъ въ грядущемъ вѣцѣ, но можетъ устроить щастіе наше нѣкоторымъ образомъ и въ настоящей жизни.

А сіе то и есть совсѣмъ новое въ законодательствѣ смертныхъ, внушеніе, такъ какъ самъ Виновникъ онаго о томъ въ слѣдующихъ словахъ изьясняется: *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.* Іоан. гл. 13. ст. 34.

Сія

Сія склонность къ благотворенію должна быть отличительнымъ свойствомъ исповѣдниковъ Христіанства, должна быть свидѣніемъ приверженности ихъ къ Христову ученію, и знаменіемъ являющимъ въ нихъ отмѣнную ревность къ миролюбію.

Упоминаемая здѣсь взаимная другъ къ другу любовь, есть не иное что, какъ нелицемѣрная усердность къ ближнему, заключающая въ себѣ, какъ выше сказано, всѣ природу человѣческую возвышающія добродѣтели, смиренномудріе, терпѣніе, кротость и благотворительность.

Безъ сихъ къ благоденствію человѣческому способствующихъ средствъ, были бы мы въ безпрестанномъ раздорѣ, устремлялись бы всегда на взаимную пагубу; но стяжавъ сію заповѣданную Христомъ любовь, будемъ имѣть и всѣ сіи средства; ибо добродѣтель сія столь въ дѣйствіяхъ своихъ возвышенна, въ прозорливости и благотворительности столь велика, въ пособіяхъ къ исправленію нашихъ погрѣшностей, и къ уменьшенію всякихъ преступленій столь изобильна, въ стараніи къ отвращенію человѣческихъ бѣдствій столь ревностна, что естьли бы мы гласу внушеній ея послѣдовали, вдругъ свобо-

 дились

дились бы отъ всѣхъ злоключенїй, происходящихъ отъ пылкихъ нашихъ страстей, отъ гнѣва, зависти, мщенїя, злобы, и прочихъ духу нашему враждебныхъ возмущенїй, которымъ мы почти безпрестанно подвержены бываемъ, по причинѣ неосторожнаго обращенїя нашего съ предмѣтами, страсти сїи въ насъ возбуждающими.

Сїя утвердившаяся въ насъ всеобщая любовь сохранила бы духъ нашъ въ вожделѣнномъ спокойствїи, и прїуготовила бы оной нечувствительно къ водворенїю въ селенїяхъ небесныхъ, такъ, что мы отходя отъ мїра сего, вперившаго въ насъ таковыя благотворительныя и миролюбивыя расположенїя, прошли бы, аки чрезъ постепенныя нѣкїя возвышенїя, въ страны превыспреннїя почти нечувствительно.

Внушенїе таковаго миролюбїя и благотворности, есть спасителнѣйшее въ мїрѣ семъ ученїе, служащее основанїемъ всему Христїанскому жительству. Оно есть средство, чрезъ которое прїобрѣтается единственно вожделѣнное оное безмятежное и всякихъ утѣхъ исполненное состоянїе, соблюдаемое на небесѣхъ для подвизающихся въ исполненїи сей новой Христовой заповѣди, по которой прямые его послѣдователи

могутъ

могутъ достигать въ безмолвныя оныя жилища праведныхъ, въ которыя естьли бы приняты были кичливые, многомятежные и мстительные міра сего Герои, возмутили бы въ немъ всю тишину, и поколебали бы все благоустройство подобными же неустроеніями, каковыми смущали они прежде свѣтъ сей.

И сего ради всѣ такіе неспокойные духи должны исключены быть отъ сего вожделѣннаго въ вѣчности жребія, не токмо въ наказаніе за произведенныя ими въ сей жизни неустройства, но и для той неспособности, по которой они безъ предварительнаго пріуготовленія не могутъ ощущать непорочныхъ и безмятежныхъ тамо наслажденій.

Подобнымъ образомъ и раскаяніе, или сердечное сожалѣніе о содѣянныхъ нами преступленіяхъ, есть новое для смертныхъ наставленіе, не въ иномъ какомъ, какъ въ Христіанскомъ ученіи предлагаемое единственно съ тѣмъ, дабы чрезъ возбуждаемое въ насъ столь часто въ жизни сей умиленіе, учинитъся намъ достойными чистѣйшихъ оныхъ горнихъ утѣхъ. Ибо посредствомъ сей единственно предъ Богомъ нашей умиленности, омываемся мы отъ тѣхъ нечи-

стопїъ, которыя намъ на поприщѣ мїра сего съ разныхъ сторонъ приражаются и мѣшаютъ тещёи намъ безпрепятственно.

Но загладить можетъ разныя, чинимыя нами въ семъ подвигѣ, преткновенія только то сокрушеніе, чрезъ которое перемѣняемъ мы совсѣмъ свойство прежняго нашего душевнаго расположенія, съ твердымъ намѣреніемъ, что мы впредь отъ всякихъ строптивостей въ теченіи нашемъ удаляться станемъ.

Таковое наше обращеніе и исправленіе называется по словамъ Писанія *возрожденіемъ*, или *пакибытіемъ*.

Безплодное же оное, и токмо одною печалію оказываемое раскаяніе о прежнихъ нашихъ злодѣяніяхъ, равно какъ и самое съ пренебреженіемъ и гордостію оказываемое недругамъ нашимъ прощеніе обидъ, не здѣлаетъ насъ ни мало чистыми предъ Богомъ, какъ скоро не будемъ мы ощущать истиннаго сокрушенія въ нашемъ сердцѣ; такъ точно, какъ тѣло зараженное тлетворнымъ какимъ недугомъ, не можетъ получить совершеннаго исцѣленія, буде не употребится на то самое дѣйствительное и пристойное врачевство.

Поче-

Почему всякъ о своихъ преступленіяхъ внутренно сожалѣющій, долженъ съ ревностнѣйшимъ усердіемъ прилагать стараніе, дабы перемѣнить прежнюю свою порочную жизнь, и чрезъ такое премѣненіе, по словамъ Писанія, совершенно *возродиться*.

Въ противномъ случаѣ всякъ, по изъявленіи имъ раскаянія, можетъ изъ настоящихъ своихъ ощущеній заключить о будущемъ своемъ въ грядущей жизни жребіи, т. е. можетъ постигать, каково будетъ его тамо состояніе, по соображенію всѣхъ своихъ дѣйствій въ настоящемъ своемъ положеніи.

Естьли таковый чувствуетъ въ себѣ кичливую, неспокойную, мстительную и къ какому либо злодѣянію разжигающую его склонность; также естьли ощущаетъ стремленіе къ вожделѣніямъ, сладострастіямъ и многомятежностямъ міра сего: то совершенно увѣренъ быть долженъ, что, естьли отъидетъ онъ въ такомъ состояніи отъ міра сего, входъ ему въ сіи блаженныя селенія будетъ возбраненъ; не токмо потому, что онъ обрѣтающихся тамо чистѣйшихъ наслажденій не заслуживаетъ, но и потому, что находясь безъ надлежащаго къ тому предуготовленія, не можетъ оныхъ чувство-

 вать,

вать, но по возмутительнымъ движенїямъ своего духа станетъ еще возмущать вожделѣнное состоянїе и прочихъ въ спокойномъ радованїи тамо блаженствующихъ.

Паки: Вѣра есть отмѣнное въ Христовомъ законоуставленїи нравоученїе, столь новаго свойства, что въ древнихъ философскихъ реченїяхъ не было даже выраженїя свойственнаго къ означенїю настоящаго ея смысла, ниже существовало самое объ ней понятїе, изображенное гдѣ либо подъ нынѣшнимъ ея реченїемъ.

Ибо по Еллински πιστις а по латинѣ fides, которое переводимъ мы *Вѣра*, ни у одного древняго Еллинскаго и Латинскаго писателя не употреблено въ такомъ разумѣ, въ какомъ постановлено оно въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ означаетъ оно вообще смиренное, кроткое, миролюбивое и чистосердечное духа нашего расположенїе, при томъ вѣрованїе въ Бога съ ревностнѣйшею нашею къ нему приверженностїю, и несумнѣннымъ упованїемъ на его обѣтованїя.

Естьли же употребляется слово сїе (Вѣра) къ означенїю особливо Христїанскаго законоположенїя; то разумѣется подъ нимъ только слѣдующая главная

онаго

онаго истинна, а именно: что Христосъ былъ Сынъ Божїй, т. е. по восточному свойстворѣчїю Мессїя оный предвозвѣщенный Пророками, чаянный Iудеями, и посланный отъ Бога въ мїръ, возвѣстити людемъ путь правый, сказати судъ грядущїй, увѣрить ихъ о жизни будущей, и умрети во удовлетворенїе за прегрѣшенїя рода человѣческаго.

Таковой вѣры требовалъ Христосъ у всѣхъ тѣхъ, кои желали быть его учениками, въ разсужденїи предлагаемаго имъ ученїя.

Всякъ, кто не признаетъ Христа, пожившаго на землѣ въ вышеобъявленномъ качествѣ, для открытїя роду смертныхъ спасительныхъ оныхъ истиннъ, тотъ ему не вѣритъ, и не есть Христїанинъ; на противъ того, кто его на сей конецъ отъ Бога посланнымъ быти исповѣдуетъ, тотъ ему вѣритъ, и по наблюденїю всѣхъ его заповѣдей, есть совершенный Христїанинъ.

Но нещастное слово сїе *Вѣра*, стало на конецъ въ столь превратныхъ смыслахъ понимаемо, и по злоухищренїю многихъ столь различными изворотами искажено, что съ прошествїемъ времени, разумѣемое подъ онымъ ревностное исповѣданїе Христїанства,

поте-

потеряло на конецъ у людей то о себѣ мнѣнїе, по которому считалось оно у нихъ всегда главною Христїанскою добродѣтелїю.

Но не взирая на то, естьли отнесть рѣчь сїю къ первѣйшему ея простому значенїю, подъ коимъ разумѣется, какъ выше сказано, не что иное, какъ кроткое, миролюбивое, чистосердечное и благотворное, по Евангельскому ученїю, духа нашего расположенїе, съ совершеннымъ упованїемъ во всѣхъ случаяхъ на всеблагаго тварей Зиждителя, то такое изображаемое симъ реченїемь души нашей качество, будетъ составлять непремѣнно добродѣтель, укрощающую въ насъ всякое высокомѣрїе, низлагающую необузданное страстей стремленїе, и истребляющую всякое суетности нашей ласкающее самолюбїе.

Естьли же принять Вѣру въ пространнѣйшемъ еще значенїи, а именно: что она есть, по Апостолу, *уповаемыхъ извѣщенїе, вещей обличенїе невидимыхъ*; то заключаетъ она тогда понятїе какъ о бытїи Бога, такъ и о будущемъ нашемъ состоянїи; и въ такомъ случаѣ будетъ она уже не токмо превосходная въ разсужденїи нравовъ человѣческихъ добродѣтель, но и самая священнѣйшая для людей наука.

Ибо чрезъ просвѣщенїе наше въ сихъ спасительныхъ ея истиннахъ откроется, что она есть источникъ всѣхъ тѣхъ возвышенныхъ побужденїй, коими смертные одушевляются всегда съ чистѣйшимъ услажденїемъ къ произведенїю всякаго блага на землѣ.

Всякъ видитъ, что прїемлемая въ такихъ понятїяхъ Вѣра, не должна быть лишена своего преимущества, т. е. онаго благоговѣйнаго уваженїя, чтобъ почитать ее существенною Христїанскою добродѣтелїю, не взирая, что нѣкоторые въ своемъ суемудрїи сїе оспориваютъ представляя, что преклоненїе наше къ вѣрованїю чего нибудь, зависитъ отъ степени убѣжденїя нашего въ истиннѣ предлагаемой намъ вещи. Но я утверждаю, что преспѣянїе въ Христовой вѣрѣ есть нѣкоторымъ образомъ произвольное наше дѣйствїе, потому что чрезъ удаленїе наше отъ мїрскихъ вожделѣнїй, и чрезъ безпристрастное разсужденїе наше о ея свойствѣ, можемъ мы въ ней спасительно утверждаться.

Произвольнымъ дѣйствїемъ называю я Вѣру сїю по тому, что, въ случаѣ различнаго нашего къ ней расположенїя, можно бы внушенїямъ ея внутренно вѣрить, и можно бы не вѣрить, смотря по разнымъ нашимъ вы-

годамъ и обстоятельствамъ въ общежительствѣ, также по различнымъ нашимъ къ міру сему пристрастіямъ, которымъ предавшись буйственно, нимало почти ученію Христову не внемлемъ; чему ежедневные видимъ мы примѣры. Въ семъ случаѣ въ волѣ нашей, закрыть душевныя наши очи предъ лучезарнымъ сіяніемъ Евангельскихъ истиннъ, какъ скоро онѣ по развратности нашей для насъ несносны; такъ какъ закрываемъ мы по волѣ нашей тѣлесное наше зрѣніе предъ самыми прекрасными, но по разнымъ случаямъ для насъ нестерпимыми вещьми.

Паки въ волѣ нашей состоитъ, углубляться суемудреннымъ проницаніемъ въ смутные сумраки буіяго недоумѣнія, (Scepticisme) и боязливой недовѣрчивости; по тому что мы *возлюбили тьму паче, неже свѣтъ, яко лукава суть дѣла наша.* Іоан. гл. 3. ст. 19.

Сего думаю довольно для показанія тѣмъ, кои умствуютъ, что Вѣра, т. е. привязанность къ Христову ученію, не есть ни добродѣтель, ни порокъ; но есть, по мнѣнію ихъ, слѣдствіе ума нашего невольное, происходящее единственно отъ неотрицаемаго убѣжденія, на которое разумъ вѣрующихъ необходимо долженъ согласиться.

Сми-

Смиренномудріе о себѣ, т. е. невысокомѣрное мнѣніе о добрыхъ нашихъ дѣлахъ, есть также нравственная Христіанская добродѣтель, единственно ученіемъ Христовымъ внушаемая, и требующая отъ насъ, чтобы мы собственныя наши добрыя дѣла приписывали Творцу нашему, и признавали бы, что мы по собственной нашей способности не можемъ творити ничесоже благое, аще не будемъ вспомоществуемы въ томъ благодатіею Божіею.

Сіе наставленіе кажется съ перваго виду противоположнымъ свободному нашему благихъ дѣлъ произведенію, и аки бы лишаетъ оно насъ всей заслуги въ твореніи нами всякаго добра; но по обстоятельнѣйшемъ изслѣдованіи откроется, что истинну сію доказать можно какъ разумомъ, такъ и самымъ опытомъ, въ томъ, что такое отношеніе благихъ дѣлъ къ нашему Зиждителю, не лишаетъ насъ ни свободной нашей воли, ниже отъемлетъ у насъ принадлежащую намъ заслугу, когда творимъ мы дѣла благія.

Впрочемъ сія ученіемъ Христовымъ вперяемая въ насъ смиренномудренность о добрыхъ нашихъ дѣлахъ, по тому еще почесться должна любезнѣйшею

добродѣтелїю, что чрезъ производимую въ насъ кротость, добродушїе и приверженность ко Творцу, дѣлаетъ она насъ болѣе прїятными какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми.

Но какъ добродѣтель сїя, столько же несовмѣстна была съ киченїемъ и самоудовольствїемъ древнихъ философовъ, сколь нынѣ несогласна она съ дерзновенньмъ умствованїемъ такихъ богоисповѣдниковъ, которые по натуральному своему разсудку признаютъ Бога Зиждителемъ всѣхъ тварей, но по мечтательному нѣкоему тонкоумїю отвергаютъ всю пользу откровенїя, которымъ благоволилъ Богъ возвѣстить роду человѣческому спасительныя для него истинны: то и почесться должна она единственно Христїанскою добродѣтелїю, которая до проповѣданїя Евангелїя не была никѣмъ ни внушаема, ни въ дѣйство производима.

Также устраненїе отъ мїра сего, т. е. отверженїе въ немъ всякихъ житейскихъ попеченїй, есть заповѣданїе въ единомъ только ученїи Христовомъ предлагаемое; но столь оно при своей новости маловажнымъ быть кажется, что едва кто изъ свѣтолюбцевъ поставляетъ внушаемую ему сїю добродѣтель нужною къ своему спасенїю, либо признаетъ ее за настоящую добродѣтель.

Подъ именемъ устраненія отъ міра сего не разумѣю я удаленія отъ гражданскихъ обществъ, или уклоненія отъ всякаго съ людьми обращенія, либо неисходимаго заключенія себя въ мрачные пустынническіе вертепы; нѣтъ, благоразумное трудолюбіе и дѣятельность, общеніе и благотвореніе, не были никогда въ Христіанскихъ обществахъ соблазнительнымъ жительствомъ.

Ниже воспящается чрезъ такое отъ міра сего устраненіе, благословенное честей и имѣній стяжаніе; такъ какъ не возбраняется чрезъ то и умѣренное о житейскомъ нашемъ состояніи раченіе: но запрещается токмо то жадное и многомятежное о излишнемъ пріобрѣтеніи попеченіе, для котораго дѣлаемъ мы всегдашнее напряженіе нашихъ силъ и мыслей, занимаяся симъ единственно чрезъ все теченіе нашей жизни.

Таковая многомятежность запрещается потому, что не соотвѣтствуетъ она внушаемому ученіемъ Христовымъ спокойствію души нашей, безъ коего не можно намъ здѣлаться способными къ наслажденію въ грядущей жизни, неизреченнымъ онымъ блаженствомъ.

Мы гоняемся за тщетными призраками, и мечтательными блистательностями міра сего, изнемогаемъ и умираемъ въ семъ нашемъ томленіи; а при кончинѣ дней нашихъ ласкаемъ себя надеждою, что естьли мы не учинили страшныхъ какихъ злодѣяній, будемъ приняты въ блаженныя оныя селенія.

Но сему быть не можно, по тому, что безъ предварительнаго устраненія въ жизни сей отъ возмутительныхъ попеченій, не можемъ мы, какъ выше сказано, пріуготовить себя къ ощущенію блаженнаго онаго состоянія въ вѣчности.

Таковая добродѣтель была язычникамъ вовсе неизвѣстна; ибо совершенное къ міру сему безпристрастіе не было у нихъ никогда предмѣтомъ народнаго законоученія; но всѣ добродѣтели ихъ были совокуплены съ житейскою многомятежностію, относящеюся или къ собственной ихъ славѣ, или къ мнимому общественному благу.

Христіанство же исполняя сію добродѣтель, имѣетъ въ виду своемъ несравненно возвышеннѣйшій предмѣтъ, сирѣчь: блаженное оное водвореніе въ странахъ превыспреннихъ; о чемъ, ежели чрезъ всегдаш-

дашнее наше устраненіе отъ міра сего, и чрезъ совершенное наше къ нему безпристрастіе, не будетъ приложено отъ насъ въ жизни сей стараніе, вся надежда, къ достиженію сего вожделѣннаго жребія въ вѣчности, будетъ тщетна.

Впрочемъ таковое о горнемъ ономъ предмѣтѣ раченіе, не запрещаетъ намъ наслаждаться благословенными и невинными выгодами въ настоящей нашей жизни, гдѣ мы, по подобію путешественниковъ, можемъ иногда на поприщѣ теченія нашего утѣшаться различными при пути онаго находящимися предмѣтами; однако безъ приложенія къ нимъ нашего сердца, и безъ дальнаго для оныхъ съ прямой стези совращенія.

Словомъ; великій оный закона Христіанскаго учредитель, положилъ съ самаго начала противоборствовать всѣмъ ложнымъ основаніямъ языческихъ добродѣтелей, дабы ввести на мѣсто оныхъ новое нравонаставленіе, какъ въ разсужденіи предписываемыхъ къ тому средствъ, такъ и самыхъ началъ, по которымъ бы всѣ благія человѣческія дѣйствія производились, не взирая, что мнимыя сіи добродѣтели были у язычниковъ чрезъ толикіе вѣки уже въ славѣ и отмѣнномъ уваженіи.

Добро-

Доброты же преимущественно у древнихъ прославляемыя были: возвышенный духъ, мнимое неустрашимое мужество, неумытный гнѣвъ. (непримиримая вражда.) У нихъ чрезъ слова:

Стремителенъ, гнѣвливъ, неумолимъ, жестокъ, изображалось преимущество духа самыхъ славныхъ ихъ Героевъ, такъ какъ возглашаетъ сїе одинъ знаменитѣйшїй ихъ пѣснопѣвецъ:

Impiger, iracundus, inexorabilis, acer. То есть:

Скоръ, гнѣвливъ, жестокъ, неумытенъ, яръ, непреклоненъ. *)

Но всѣмъ симъ свойствамъ языческихъ Героевъ, свойство геройствующаго Христїанина вовсе противоположно. Ибо Христїанское ученїе внушаетъ всегда нищету духа, кротость, терпѣнїе и прощенїе за учиненныя обиды: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую.* Мат. гл. 5. ст. 39.

Лю-

*) Сїи изображенныя латинскимъ стихомъ свойства языческихъ Героевъ представлены здѣсь и на россїйскомъ, римскимъ стопосложенїемъ, дабы показать самымъ теченїемъ слова сколько нибудь, напряженїе и стремительность духа древнихъ сихъ Витязей.

Любимое нравовъ свойство, какъ выше сказано, у язычниковъ было, пылкая предпрїимчивость, честолюбїе, и кичливая неустрашимость, по дѣйствїю которыхъ стремились они чрезъ всѣ затрудненїя и опасности, прїобрѣтать великїя стяжанїя, а прїобрѣтши поставляли себѣ въ славу иждивать оныя въ суетахъ, великолѣпїи и сладострастїи.

Но по ученїю Христову, какъ то, такъ и другое прямому Христїанину дѣлать запрещается, т. е: какъ прїобрѣтать безмѣрно многїя стяжанїя, такъ и расточать оныя порочно, или сохранять съ чрезвычайнымъ попеченїемъ, или же прилагать къ нимъ съ крайнимъ пристрастїемъ свое сердце.

Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, и проч. *Не пецытеся глаголюще: что ямы, или что пїемъ, или чимъ одеждемся? всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ.* Мат. гл. 6 ст. 19. 31. 32.

Главный предмѣтъ такъ называемыхъ, возвышенныхъ великодѣйствїй у язычниковъ, была безсмертная слава.

Стремясь къ оной, возглашали стихотворцы свои пѣснословія, Герои сражались въ ратныхъ поляхъ, и обагрялись кровію, пылкіе любители отечества умирали за мечтательное иногда благоденствіе онаго съ высокомѣрною твердостію.

Таковыя ревностныя побужденія къ предпріятію самыхъ многотрудныхъ дѣлъ, внушаемы имъ были наипаче пѣснотворцами, философами и законодавцами, яко средства могущія снискать имъ безсмертное прославленіе за таковые ихъ подвиги.

Но что речетъ Христіанскій Законодавецъ въ такомъ случаѣ своимъ ученикамъ? *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждену̀тъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* Мат. гл. 5. ст. 11.

Кратко сказать; превосходство Христіанскаго ученія столь отмѣнно отъ языческаго нравонаставленія, что я смѣло утверждать могу, что самыя возвышенныя ихъ добродѣтели, болѣе противны

свойству Евангельскаго ученія, и болѣе несходны съ главнымъ предмѣтомъ онаго, нежели самые гнусные ихъ пороки сладострастія и плотоугодія.

Брутъ, умерщвляющій утѣснителя отечественной его страны, и исторгающій мщеніе изъ рукъ Того, Которому единому достоитъ располагать справедливымъ мщеніемъ, или Катонъ, умерщвляющій себя отъ негодованія за то, что не могъ преодолѣть противной себѣ стороны, оставили свѣтъ сей съ несравненно хуждшимъ расположеніемъ духа, въ разсужденіи вѣчности, нежели какъ вышли изъ онаго Мессалина, Геліогабалъ и имъ подобные.

Впрочемъ ничто, можетъ быть, столько не способствовало къ превращенію прямой цѣны Христіанскаго ученія, какъ неосторожное оное внушеніе пышныхъ языческихъ обрядовъ, и мнимо великій духъ изъявляющихъ ихъ поведеній, которыя вперяются въ насъ во время воспитанія нашего въ училищахъ, гдѣ при изученіи языковъ и древностей, почерпаемъ мы нерѣдко и ложныя понятія о добродѣтеляхъ и нравахъ, противоборствующихъ совсѣмъ ученію Христову.

Мы удивляясь тамъ краснорѣчїю языческихъ дѣеписателей и Витїй, удивляемся купно и Геройскимъ дѣйствїямъ, почитавшимся у нихъ за прямыя добродѣтели, которыя однако ученїе Христово вовсе отвергаетъ; стремимся послѣдовать побужденїямъ любочестїя древними толико уважаемаго, которое однако Христомъ уничтожается; силимся подражать свойствамъ древнихъ Героевъ, защищавшихъ иногда съ пристрастїемъ отечественные свои предѣлы; чудимся мужеству несправедливыхъ завоевателей и неустрашимости самоубїйцевъ, не взирая, что таковые поступки Евангелїемъ запрещаются.

Изъ соглашенїя же между собою таковыхъ противоборствующихъ основанїй, на коихъ утверждаются языческїя и Христїанскїя добродѣтели, родилось чудовищное въ законоположенїи нѣкоторыхъ Христїанъ смѣшенїе жестокости и благотворенїя, варварства и человѣколюбїя, хищенїя и правдохраненїя, кровопролитїя и благочестїя, мщенїя и великодушїя, хладнокровїя къ Вѣрѣ и пылкой къ ней ревности, удручавшей свѣтъ чрезъ толико вѣковъ крестовыми походами, лжесвященными войнами, смѣшными ополче-

нїями,

ніями, похожими на сраженія описываемыхъ оныхъ странствующихъ рыцарей, и пагубнымъ за честь единоборствомъ, изъ коихъ наипаче сіе последнее будучи и по сіе время въ своей силе, употребляется съ толикимъ ослепленіемъ и буйствомъ, въ противность спасительному Христову ученію.

Я не покушаюсь испровергать чрезъ сіе достохвальныхъ основаній мужества, любленія своего отечества, или справедливаго любленія своей чести, коими побуждаются великія души къ произведенію между смертными вожделеннаго благоустройства.

Все сіи качества могутъ быть полезны; а можетъ быть и нужны оне въ разсужденіи нынешняго времени, и настоящаго делъ положенія, такъ, что находящіеся въ различныхъ состояніяхъ люди могутъ при таковыхъ своихъ свойствахъ почесться въ разсужденіи званія своего, достохвальными должности своей наблюдателями; но утверждаю только, что при сихъ единственно добродетеляхъ не могутъ они считаться прямыми ученія Христова исповедниками.

Развратный сластолюбецъ можетъ со всею своею соблазнительною жизнїю почесться Христїаниномъ, хотя и худой будетъ въ немъ ученїя Христова исполнитель, доколѣ онъ на поприщѣ Христїанскаго своего теченїя будетъ преодолѣваться низкими своими страстьми и вожделѣнїями: однако въ такомъ случаѣ слабостїю своею токмо противорѣчить будетъ онъ Христїанскому ученїю, а не твердымъ своимъ въ томъ мнѣнїемъ.

Напротивъ того человѣкъ, полагающїй главнымъ предмѣтомъ всѣхъ своихъ дѣйствїй одну свою честь, сколько бы онъ добродѣтеленъ ни былъ, не можетъ считаться прямымъ Христїаниномъ потому, что онъ честь поставляетъ въ жизни своей единственнымъ своимъ старанїемъ, и по безмѣрному своему къ ней пристрастїю защищаетъ оную, какъ крайнее свое благо; хотя такое чрезмѣрное объ ней попеченїе совсѣмъ противно Христїанской Вѣрѣ.

Скажу на конецъ, что отмѣнность Христїанскаго ученїя отъ всѣхъ прежнихъ законоположныхъ и нравственныхъ учрежденїй, существовавшихъ до прo-

повѣданія Евангелія, въ разсужденіи своего изящества, столь ощутительна, что тотъ развѣ токмо о превосходствѣ его усумнится, кто утверждать станетъ, что кротость, терпѣніе, прощеніе обидъ и благотворность, не столь для рода человѣческаго вожделѣнны, и не столь въ мірѣ семъ полезны, какъ высокомѣріе, возмутительный духъ, мщеніе, злоба; и что чрезъ презрѣніе богатствъ менѣе оказывается великодушія, нежели чрезъ скверностяжательное и всякимъ подлымъ обманомъ умножаемое оныхъ пріобрѣтеніе; также, что сообщеніе бѣднымъ избытка своихъ стяжаній не столь похвально, сколь похвальна гнусная оныхъ бережливость, или постыдное оныхъ иждивеніе во сластехъ; или же, что дѣйствительное безсмертіе въ горнихъ оныхъ селеніяхъ ни мало, по здравому нашему разсудку и по внутреннему своему превосходству, непредпочтительно предъ тою мнимо безсмертною славою, коею насъ нѣкоторая часть людей ублажаетъ здѣсь лишь на время, и которая почесться можетъ иногда жертвою приносимою отъ буйственной части народа, другой подобнымъ же образомъ во мнѣніи своемъ объюродѣвшей части людей.

Нѣтъ

Нѣтъ: таковую поносную почестей жертву долженъ всякъ благоразумный внутренно презирать, тѣмъ паче, что честной и добродушной человѣкъ едва ли какое за добродѣтели свои въ мірѣ семъ получаетъ воздаяніе.

ЗАКЛЮ-

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ уповаю я, Истинна сихъ предложеній довольно мною доказана, а именно:

1) Что есть въ наши времена *Книга* называемая *Новый Завѣтъ*, о которой извѣстна уже почти вся вселенная.

2) Что выбранныя изъ книги сей законоучительныя истинны, можно представить въ новой непреоборимости доказательствъ, могущихъ удостовѣрить всякаго, что начертанное въ Новомъ Завѣтѣ ученіе, есть совсѣмъ отмѣнное, какъ въ разсужденіи своей цѣли, такъ и самыхъ его наставленій; ученіе различествующее отъ всѣхъ явльшихся дотолѣ въ Мірѣ семъ законоположеній, и превосходящее изяществомъ своимъ всѣ прежнія о томъ человѣческія умствованія.

3) Что изъ Книги сей можно составить также совокупность чистѣйшаго нравоученія; поелику каждое

нравственное наставленїе основанное на здравомъ разсудкѣ, представлено въ ней съ существеннѣйшею непорочностїю и совершенствомъ, превышающимъ всѣ прочїя о томъ внушенїя самыхъ премудрыхъ и просвѣщеннѣйшихъ въ древности нравоучителей. Представленїе таковаго нравоученїя тѣмъ будетъ для смертныхъ спасительнѣе, что о нравоученїяхъ основанныхъ на ложныхъ и вредныхъ началахъ, совсѣмъ въ Книгѣ сей не упоминается, а находятся напротивъ того въ ней многочисленныя, совсѣмъ новыя наставленїя, соотвѣтствующїя весьма свойственно новому Вѣры сея предмѣту.

Заключенїе мое о сихъ предложенїяхъ есть то, что каждое изъ нихъ по здравому разсудку почесться должно непреложно справедливымъ.

А когда онѣ справедливы, то неминуемо слѣдуетъ, что такое Христїанскаго законоположенїя и его нравоученїя превосходство, не могло никогда быть дѣломъ обыкновеннаго человѣка, или какого нибудь общества на то согласившагося; а тѣмъ паче не могло оно произойти отъ тѣхъ худородныхъ, ни мало неискусныхъ и совсѣмъ невелерѣчивыхъ простолюдимовъ, которые оное съ толикимъ успѣхомъ во всемъ мїрѣ распространили; слѣдственно совершилось все сїе

со-

содѣйствїемъ Божїимъ, и должно непремѣнно производить начало свое отъ самаго Бога.

Сей доводъ, а именно: что Христїанскїя истинны открыты роду человѣческому содѣйствїемъ Божїимъ, равняется убѣдительностїю своею съ тѣмъ непреоборимымъ доказательствомъ, которымъ утверждается, что Вселенная сїя есть творенїе невидимой Десницы Божїей.

Мы съ удивленїемъ взираемъ на небо, на землю и на все тамо находящееся.

Съ священнымъ ужасомъ разсматриваемъ столь умаленныя твари животныхъ, что чувства наши едва представить намъ могутъ какїе либо знаки ихъ жизненности, и различнаго ихъ образованїя.

Созерцаемъ съ благоговѣнїемъ непостигаемую воображенїемъ нашимъ огромность круговъ небесныхъ, съ безмѣрнымъ онымъ пространствомъ, въ коемъ они обращаются, и, теряясь въ разсужденїи сего, въ мысляхъ нашихъ, удостовѣряемся, что таковымъ огромностямъ отнюдъ не можно сотворєннымъ быть отъ смертныхъ; почему и заключаемъ необходимо, что должны онѣ произведены быть какимъ нибудь всемогущимъ Существомъ.

Подобнымъ образомъ, представляя себѣ и въ ученіи Христовомъ начертаніе такихъ истиннъ, о которыхъ чрезъ толико вѣковъ никто изъ просвѣщеннѣйшихъ въ свѣтѣ народовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя превосходствомъ своихъ внушеній превышаютъ всѣ преждебывшія, о законоположеніи и нравоученіи человѣческомъ, умствованія, согласиться должны мы, что открытіе таковыхъ истиннъ есть сверхъ силъ разума человѣческаго; а по сему и заключить слѣдуетъ, что какъ огромныя свѣтила небесныя суть дѣла Всесильнаго Зиждителя, такъ и открытіе Христіанскаго законоученія есть плодъ Творца разумовъ.

Также и распространеніе сего наставленія не меньше удивительно, какъ и откровеніе онаго, превосходящее, какъ выше сказано, всѣ человѣческія умствованія.

Всякому извѣстно, что чрезъ весьма небольшое число лѣтъ распространилась Вѣра Христова во всѣхъ частяхъ Азіи и Европы, да и то чрезъ малочисленную дружину весьма незнатныхъ въ свѣтѣ людей.

Сіе произшествіе случилось въ то время, когда языческое ученіе о многобожіи и сродномъ оному благо-

благонравіи было въ превеликомъ уваженіи, которому простой народъ вѣровалъ, и которое тогдашніе вельможи со всякимъ усиліемъ подкрѣпляли.

Произошло, сказую, въ то время, когда всѣ знатные люди самыхъ просвѣщенныхъ и остроумнѣйшихъ народовъ, чествовали по заблужденію своему усердными жертвоприношеніями, соблазнительныхъ Боговъ своихъ, и во всякихъ важныхъ приключеніяхъ старались узнать волю ихъ, чрезъ самыя сіи жертвоприношенія, и чрезъ прорицалища.

Нѣтъ нужды доискиваться: жрецовъ ли ухищреніямъ, или кознямъ злаго духа приписывать должно такія прорицанія.

Дѣло состоитъ въ томъ, что люди приступавшіе съ такими жертвами къ мнимымъ своимъ Богамъ, и прибѣгавшіе для узнанія жребія своего въ разныхъ случаяхъ къ прорицалищамъ, не могли по предводительству своего разсудка открыть несообразности таковыхъ дѣйствій, и оныя по внушенію своего разума отринуть.

Но вдругъ послѣдовалъ чудный оборотъ. Храмы языческіе отъ проповѣданія нѣсколькихъ рыбарей

 опу-

опустѣли, прорицалища боговъ ихъ здѣлались безгласными.

Вотъ какое чудо! Что же думать о прочихъ слѣдствіяхъ сей Вѣры? пусть всякъ безпристрастно разсудитъ.

Что касается до рыбарей, учинившихъ въ проповѣданіи ученія Христова столь быстротечные успѣхи, то самое сіе служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что *посланіе ихъ бысть не отъ человѣкъ*, но такое посланіе, которое въ состояніи убѣдить всякаго, что ни начинаніе, ни совершеніе сего дѣла, не могло произведено быть безъ отмѣннаго Божія содѣйствія.

Впрочемъ, какъ много святость сего Божественнаго ученія нарушена, и колико оно превратными непросвѣщенныхъ вѣковъ понятіями обезображено; также сколько примѣшалось къ нему всякихъ притворствъ, несообразностей и благочестіемъ прикрытыхъ обмановъ, никакая, можетъ быть, ученость и проницаніе рѣшить нынѣ не въ состояніи, равно какъ и показать никто съ точностію не можетъ: въ которое время взяли силу свою низкія оныя, Вѣру безславящія, хитросплетенія.

До-

Достовѣрно только, что естьли кто безпристрастно и со тщанїемъ въ существенное содержанїе сего ученїя вникнетъ, и разсудитъ зрѣло о всей онаго изящности и новости, а при томъ представитъ себѣ способъ, посредствомъ котораго оно сперва въ мїрѣ семъ распространилось, и кто таковые были дѣло сїе совершившїе, также, сколь никакому сомнѣнїю неподвержены тѣ писанїя, въ которыхъ объ ономъ (о ученїи Христовомъ) упоминается, никогда вообразить себѣ не можно, чтобъ могло оно произойти отъ какого либо стеченїя обстоятельствъ, или отъ предумышленнаго какого коварства, и слѣдовательно, чтобъ процвѣтающїй нынѣ во Вселенной Христїанскїй законъ, и произходящїя отъ него спасительныя добродѣтели, имѣли началомъ своимъ нечестивый какой нибудь и низкїй ковъ человѣческаго злоумышленїя.

Сверхъ сего, можетъ ли кто нибудь подумать, чтобъ такое ученїе не отъ особливыхъ людей произходило? когда Грецїя и Римъ, возвысившїеся во свое время на толикую степень просвѣщенїя въ наукахъ, не могли, въ разсужденїи таковаго законоположенїя, ничего подобнаго здѣлать, и чтобъ сынъ убогаго

Тек-

Тектона съ дванадесятью скудныхъ и некнижныхъ рыбарей и рукодѣловъ, своихъ послѣдователей, безъ всякой преестественной силы могъ разсудкомъ простаго человѣка дойти до того, чтобъ изобрѣсть и утвердить столь возвышенное Богопочитанїе, и соотвѣтствующее оному всесовершенное нравоученїе для рода смертныхъ, учредить, сказую, такое законоположенїе, о которомъ ни Платонъ, ни Цицеронъ, ни прочїе древнихъ вѣковъ мудрецы, со всѣмъ своимъ умовоспаренїемъ и помыслить не могли; и чтобъ сей Тектоновъ сынъ, съ сими бѣдными и никакой учености невѣдущими людьми, по единому проницанїю своего разума, выключилъ изъ сего законоученїя всѣ ложныя добродѣтели, коимъ хотя весь свѣтъ и цѣлые вѣки чудилися, однако одинъ онъ въ опроверженїи оныхъ почти мгновенно успѣлъ, и предложилъ на мѣсто оныхъ совершенныя и прямыя добродѣтели, не взирая, что онѣ отъ мудрецовъ и Владыкъ мїра сего были столь презираемы и обращаемы въ посмѣянїе; и что еще чуднѣе, чтобъ симъ послѣдователямъ Христовымъ, при всей ихъ простотѣ, удалось прибрать къ себѣ толикое множество сообщниковъ во всѣхъ тѣхъ народахъ, коимъ проповѣдывали они свое благовѣстїе, не смотря на то поношенїе и стыдъ,

коимъ

коимъ они за всѣ свои труды и ревность были покрыты.

Кто же можетъ повѣрить, чтобъ сіи люди здѣлались обманщиками единственно для того, дабы распространить истинну? чтобъ здѣлались беззаконниками не для чего инаго, какъ только для наученія честности, и мучениками, нимало не предвидя себѣ изъ того ни почестей, ниже другихъ какихъ житейскихъ выгодъ?

Но естьли бы и все сіе могло случиться; то по крайней мѣрѣ возможно ли вообразить, чтобъ люди сіи будучи столь малочисленны и столь маловажны, могли безъ особливаго Божія содѣйствія распространить чрезъ толь краткое время сію Вѣру, почти во всѣхъ частяхъ извѣстнаго тогда міра? не взирая на тѣ преграды, которыя имъ противоположены были въ мірѣ семъ отъ плотскаго вожделѣнія, отъ любостяжанія, отъ любочестія, отъ разныхъ предразсужденій и пристрастій, и отъ самаго человѣческаго разума.

Въ состояніи ли были, столь ни чего незначущіе простолюдимы восторжествовать надъ властію Государей, надъ проницательными Царедворцами, про-

зорливыми областеправителями, и усердными пользъ государственныхъ наблюдателями, надъ силою привычки, надъ лжесвятствомъ и слѣпымъ ревнованїемъ по разнымъ богослуженїямъ, надъ корыстолюбїемъ и ухищренїемъ жрецовъ, надъ высокоумїемъ Любомудрцевъ, надъ витїйствомъ Риторовъ; словомъ: надъ всѣми противоборствовавшими въ томъ препятствїями, безъ всякаго чрезъестественнаго пособїя, свыше имъ низпосланнаго?

Вѣрятъ иногда страннымъ дѣйствїямъ, мнимо въ творенїяхъ природы совершающимся, о коихъ однако по опыту извѣстно, что противорѣчатъ онѣ вовсе естественному вещей теченїю.

Въ такомъ случаѣ оказываютъ люди сїи болѣе вѣроятности вещамъ несообразнымъ, нежели незаключающему въ себѣ никакого противорѣчїя ученїю Христову.

Симъ образомъ превратное воображенїе, по одной легковѣрности своей, обрѣтаетъ причину невѣрствїя въ самыхъ уму человѣческому сродныхъ истиннахъ, а въ противныхъ оному несообразностяхъ не усматриваетъ никакого заблужденїя.

Но

Но положимъ, что сіи, столь превратнаго понятія умствователи, справедливо по мнѣнію своему, поступаютъ, и не безъ утверждаютъ причины, что откровеніе, по усмотрѣнію ихъ, есть не иное что, какъ священное баснословіе; то можетъ ли при всемъ томъ отъ вѣрованія оному произойти какое зло?

Здѣлаетъ ли оно державствующихъ безчеловѣчными въ ихъ властоначаліи, и подвигнетъ ли подданныхъ къ преслушанію? произведетъ ли оно въ богатыхъ болѣе ожесточенія къ бѣднымъ, или въ бѣдныхъ болѣе неустройства въ разсужденіи общаго покоя? содѣлаетъ ли оно отцовъ и матерей непріязненными къ ихъ дѣтямъ? мужей къ ихъ женамъ, или женъ къ ихъ мужамъ, господъ къ ихъ рабамъ, или рабовъ къ ихъ господамъ? Учинитъ ли оно кровныхъ и ближнихъ враждующими всегда другъ на друга, или паче не содѣлаетъ ли ихъ усерднѣйшими и добродѣтельнѣйшими во всякомъ родѣ ихъ состоянія?

И такъ, нѣтъ никакого преступленія въ вѣрованіи Откровенію; равно какъ нѣтъ и никакого бѣдствія отъ слѣдствій таковаго вѣрованія.

Нѣтъ преступленія потому, что отнюдъ не можно быть виноватымъ за преклоненіе на такую Вѣру,

 кото-

которая въ состоянїи была убѣдить самыхъ добронравныхъ и просвѣщеннѣйшихъ изъ рода человѣческаго въ томъ, что она къ извѣствованїяхъ своихъ неложна.

Но хотя бы по чьему нибудь мнѣнїю ученїе Христово и казалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не столь для насъ вразумительнымъ; то и тутъ представить себѣ должно, что угодно было Творцу, по непостижимымъ судьбамъ его, приводить насъ такимъ, а не другимъ образомъ къ спасительному, кроющихся тамо истинъ, познанїю.

А по сему, въ разсужденїи склоненїя ума человѣческаго къ выгоднѣйшей и безподозрительнѣйшей Вѣрѣ, и по ощущенїю смертными въ себѣ къ Существу благотворному усерднѣйшей любви, которая, по словамъ Апостола, *всему вѣру емлетъ*, и слѣдуетъ воспрїять ученїе Христово съ ревностнѣйшимъ благодаренїемъ, нежели отвергать оное съ кощунствомъ, по киченїю и буйности нашего воображенїя.

Бѣдствїй же никакихъ отъ вѣрованїя таковому ученїю не должно опасаться для того, что ежели Христїанство есть вымышленная повѣсть, то оно есть по крайней мѣрѣ такая повѣсть, которой

вѣро-

вѣрованїе почесться должно единственнымъ средствомъ къ удержанїю людей во всегдашнемъ благоустройствѣ, спокойствїи и единодушїи.

Также повѣсть сїя служитъ къ утѣшенїю насъ въ скорби нашей, равно какъ и къ возстановленїю духа нашего, во время приближающагося къ намъ часа смертнаго.

Впрочемъ, какїя бы ни были умствованїя о Богопочитанїи у языческихъ философовъ, и какїя бы добродѣтели ни производили нынѣшнїе мудрецы отъ естественнаго Боговѣдѣнїя, т. е. отъ признанїя высочайшаго Существа безъ всякаго чрезъестественнаго откровенїя, или вдохновенїя свыше; однако все сїе не заслуживаетъ отмѣннаго вниманїя; ибо тотъ свѣтъ, который просвѣщалъ прежде языческихъ любомудрцевъ, совсѣмъ нынѣ померкъ отъ блистательнаго свѣта евангельскаго.

Мы не можемъ нынѣ произвесть никакого умствованїя о понимаемомъ нами, по внушенїю природнаго нашего разсудка, боговѣдѣнїи, сирѣчь: о мнимомъ чистѣйшемъ философскомъ Богопочитанїи, которое бы въ наши времена изъ сего источника, т. е. отъ евангельскаго ученїя не проистекало. Ибо и естественное

ное Боговѣдѣнiепредставляемое въ случаѣ, въ своемъ совершенствѣ, будетъ почти тоже, что и Христiанство. Впрочемъ, естьли мы вовсе Христово ученiе отвергаемъ, то у насъ уже никакой Вѣры не останется; ибо видимъ, что тѣ, кои отрицаются совсѣмъ Евангелiя, почти никогда долго не пребываютъ и въ простомъ Боговѣдѣнiи; но спѣшатъ свергнуть съ себя тяжкое для нихъ бремя совѣсти и нравоученiя.

ПРЕРѢКАНIЯ И ОТВѢТЫ.

Такимъ образомъ, когда доказано, что Христiанская Вѣра происходитъ отъ Бога, то всѣ возраженiя, сколь бы онѣ многочисленны ни были, и сколько бы ни казались правдоподобными, не могутъ поколебать отнюдъ сего незыблемаго положенiя.

Ибо когда единожды будетъ утверждено, что Вѣра сiя въ истиннѣ своей непреложна, то она уже никакому сомнѣнiю не можешъ быть подвержена.

Но поелику разными збивчивыми и хитросплетенными прерѣканiями уловляются нерѣдко самые добродушные и нелицемѣрные Христiане; то намѣренъ я здѣлать на важнѣйшiя изъ сихъ противорѣчiй, нѣкоторыя мои замѣчанiя, кои бы отвратили, или по крайней

ней мѣрѣ уменшили сколько нибудь, безпокоящее ихъ въ томъ недоумѣніе.

Здѣсь долженъ я предварительно дать знать, что самое непреодолимое, и наиболѣе всего умъ нашъ въ сомнѣніе о Вѣрѣ Христовой приводящее препятствіе, происходитъ отъ самолюбивыхъ нашихъ пристрастій, отъ буйныхъ стремленій къ прелестямъ міра сего, и отъ привязанности нашей къ собственнымъ нашимъ выгодамъ; ибо сіе наипаче бываетъ причиною, что мы не можемъ столь усердно обратить вниманія нашего къ безпристрастному разсмотрѣнію ученія Христова, а тѣмъ паче произвести оное въ дѣйство.

Ибо Вѣра Христова не менѣе требуетъ отъ насъ дѣйствія нашей воли, какъ и дѣйствія нашего разума; и мы многократно впадаемъ въ невѣрствіе по непреклонности къ Евангельскимъ истиннамъ первой, нежели по неусмотрѣнію въ нихъ удостовѣренія симъ послѣднимъ.

Въ разсужденіи Вѣры, сказую, наипаче воля наша должна утверждать насъ въ тѣхъ мысляхъ, что ученіе Христомъ проповѣданное есть сверхъестественное откровеніе; ибо какъ скоро желаемъ мы усердно, чтобъ предлагаемое какое либо мнѣніе было справед-

ливо, то уже весьма недалече отстоимъ отъ того, чтобъ почитать оное во всемъ истинствующимъ.

Почему, для спокойствія всѣхъ добродушныхъ, весьма бы нужно было, чтобъ сіе ученіе утверждалось на самыхъ непреоборимыхъ доказательствахъ, въ разсужденіи убѣжденія въ томъ нашего разума, такъ какъ представляется оно благотворнымъ и человѣколюбія исполненнымъ въ разсужденіи самыхъ строптивыхъ и жестоковыйныхъ, какъ скоро предпріемлютъ они твердое намѣреніе отъ своихъ злодѣяній обратиться.

Въ семъ случаѣ едино токмо ученіе Христово, какъ по нравственнымъ, такъ и по законоположнымъ своимъ наставленіямъ, обѣщаетъ прегрѣшившимъ совершенное оставленіе ихъ вины, не такъ какъ сіе бываетъ въ житейскихъ поведеніяхъ, гдѣ налагаемое за преступленіе наказаніе, есть долгъ платимый справедливости отъ преступника, которому истязаніе за его вину никакъ оставлено быть не можетъ, безъ совершеннаго за оную удовлетворенія.

Раскаяніе же въ общежительныхъ случаяхъ не можетъ почесться удовлетвореніемъ за пороки; оно

въ

въ состоянїи токмо возбудить желанїе въ преступникѣ къ перемѣненїю его мыслей съ твердымъ намѣренїемъ, что онъ впредь подобнаго дѣлать не станетъ; однако сей раскаявающїйся не имѣетъ права требовать, чтобъ при такомъ его расположенїи, истязанїе за прошедшее его злодѣянїе было ему оставлено: сїе объяснить можно общежительнымъ же примѣромъ.

Естьли кто чрезъ расточительность свою наживетъ долги, то раскаянїе можетъ здѣлать его осторожнымъ, и воспрепятствуетъ ему подвергать себя впредь такому безпокойному случаю; но не въ состоянїи оно уничтожить долговыхъ его обязательствъ, и за оныя останется онъ всегда въ отчетѣ, буде не здѣлаетъ на конецъ удовлетворенїя, или самъ, или вмѣсто его кто другой.

Напротивъ того удовлетворенїе за преступленїя наши, выполняется въ Христїанствѣ чрезъ единое токмо истинное сокрушенїе нашего сердца, которое и уничтожаетъ всѣ прежнїя наши вины, естьли только раскаянїе бываетъ въ самой вещи искренно, и самымъ дѣломъ производится.

Чтобъ истинна таковаго удостовѣренїя была непреложна, т. е. чтобъ чрезъ едино сожаленїе о зло-

дѣяніяхъ могли оставляться человѣку его вины, всякъ безъ сумнѣнія усердно пожелаетъ, выключая развѣ злочестиво въ своемъ намѣреніи упорствующихъ, которые по буйственному своему киченію силятся нарочно пребыть въ своей нераскаянности, нежели оказать низкое какое нибудь, по ихъ мнѣнію, сокрушеніе сердца и умиленіе; таковые вѣчнаго своего нещастія самы бываютъ причиною.

Почему, желающій быть прямо добродѣтельнымъ, долженъ облобызать усердно Христіанское ученіе, по тому что онъ найдетъ въ немъ самое надежнѣйшее средство къ предохраненію себя отъ всѣхъ порочныхъ вожделѣній; а чрезъ то и отъ зловредныхъ слѣдствій; равно какъ обрящетъ тамо и наилучшее утѣшеніе во всякой скорбѣ и тѣснотѣ, въ самомъ болѣзненномъ мученіи и крайнемъ злополучіи, съ незыблемымъ благоденствія своего утвержденіемъ, безъ коего духъ человѣческій никогда спокоенъ быть не можетъ.

Невѣрствіе же происходитъ иногда и отъ того, естьли кто привязанъ къ преобладающей имъ какой нибудь пылкой страсти, или предался непомѣрному исканію шумныхъ житейскихъ увеселеній, противоборствующихъ Христову ученію, которое почитая онъ

при

при таковомъ своемъ удовольствіи для себя крайне безпокойнымъ, и представляя себѣ, что онъ при исповѣданіи вѣры Христіанской, долженъ или вовсе отстать отъ таковыхъ своихъ вожделѣній, или держась оныхъ, терпѣть безпрестанное за то угрызеніе совѣсти, выдумываетъ противъ Христіанства разныя прекословія, и пріемлетъ на конецъ рѣшительность здѣлаться совсѣмъ невѣрствующимъ, для защищенія единственно своей порочной склонности.

Съ таковыми не хочу я вступать ни въ какое словопреніе, ниже стараться здѣлать малодушныхъ сихъ чрезъ умствованія мои злощастными въ свѣтѣ страдальцами, когда они, кромѣ сихъ наслажденій, другаго благороднѣйшаго въ немъ для себя удовольствія не видятъ.

Но что касается до тѣхъ, которые соглашаясь, что ученіе Христово есть справедливо, пріемлютъ однако выше упомянутыя прекословія въ нѣкоторое уваженіе, предложу я здѣсь нижеслѣдующіе отвѣты, которые при всей своей краткости будутъ, уповаю, достаточны къ показанію имъ всей неосновательности и легкомыслія въ умствованіи таковыхъ прекословителей.

И какъ изъ сихъ противорѣчїй есть такїя, въ коихъ дѣлается покушенїе, чтобъ испровергнуть совсѣмъ откровенїе для того, что оно для людей вовсе безполезно; а безполезно потому, что будто довольно для человѣка и одного здраваго разсудка къ познанїю тѣхъ правилъ и средствъ, коихъ знанїя и исполненїя Богъ отъ насъ требуетъ, ежели только люди захотятъ слѣдовать внушенїямъ своего разума, и предаться во всемъ его руководству.

ОТВѢТСТВУЮ.

Сомнѣнїя нѣтъ, что Предки наши въ самыя первоначальныя времена, получали чрезъ разные случаи свѣденїе о единомъ Богѣ, и о нѣкоторыхъ его свойствахъ; но они бывъ намъ подобострастны, имѣли всегда то предубѣжденїе, что приписывали такое знанїе собственному своему проницанїю; почему нынѣ весьма трудно опредѣлить: какъ высоко человѣческїй разумъ могъ бы самъ собою воспарить, чтобъ открыть что нибудь, подобное возвѣщеннымъ ему въ Писанїи истиннамъ, о Существѣ Божїемъ и сродномъ Ему поклоненїи.

И такъ, дабы судить о семъ безпреткновенно, надлежитъ обратиться къ тѣмъ отдаленнымъ предѣламъ

міра, гдѣ сверхъестественное откровеніе и понынѣ еще неизвѣстно, и тогда то увидимъ, что люди сихъ странъ, хотя не меньше насъ снабдѣны естественнымъ понятіемъ и разсудкомъ, однако и по сіе время не могли дойти до того, чтобъ здѣлать между собою какія нибудь учрежденія о вѣрѣ, или о нравоученіи; и что говорю, не могли сего здѣлать, они естественнымъ своимъ проницаніемъ не дошли и до того, чтобъ здѣлать гвоздь, или сѣкиру, либо другое какое нужное для своихъ потребъ орудіе; изъ чего совершенно заключить можемъ, что человѣческій разумъ не токмо не могъ вообразить никогда подобныхъ откровенію истиннъ, но и не въ силахъ былъ почерпнуть изъ мнимаго естественнаго своего проницанія, какое либо простое нравоученіе, или понятіе о пользѣ общежительнаго благоустройства: слѣдовательно всѣ первоначальныя, какъ о наукахъ, такъ и о законахъ размышленія, съ различными ихъ полезными для смертныхъ предпріятіями, произошли единственно отъ сего источника, т. е. отъ полученнаго людьми въ самыя первобытныя времена, нѣкотораго вышеестественнаго откровенія въ томъ, какимъ образомъ устроять имъ богоугодно жизнь свою на земли.

Таковыя сего спасительнаго источника струи проліялись сперва на востокѣ, а оттуда потекли онѣ многочисленными исходищами къ разнымъ предѣламъ міра.

Разлитіе и напоеніе оными разныхъ народовъ видѣть можно, читая всемірную исторію.

Напротивъ того, куда сіи потоки еще не достигли, тамъ люди не токмо безъ наукъ, но и безъ всякаго просвѣщенія въ богопочитаніи и прямомъ нравоученіи; ибо они, будучи сами собою недостаточны къ изобрѣтенію средствъ для таковаго просвѣщенія, пребываютъ и по сіе время въ первобытномъ своемъ мракѣ и невѣденіи; что и доказываетъ совершенно, что хотя человѣческой разумъ и способенъ производить удивительные успѣхи въ разныхъ знаніяхъ и художествахъ, однако пребылъ бы онъ во всегдашнемъ невѣденіи, естьли бы ему сперва не показанъ былъ путь отъ такого преестественнаго Откровенія.

А сіе то по истиннѣ и есть причиною тѣхъ отмѣнныхъ преимуществъ, которыя одна часть человѣческаго рода, откровеніемъ озаренная, оказала въ нравоученіи, возвышенномъ изслѣдованіи существъ невещественныхъ,

ныхъ, въ правительственномъ благоустройствѣ, въ законоположеніи, въ купледѣйствѣ и въ самыхъ рукодѣліяхъ предъ другою, равнымъ же понятіемъ снабдѣнною, но неполучившею таковаго откровенія, частію народа, которой бывъ отдѣленъ отъ перваго морями, или неприступными горами и стремнинами, находится въ такомъ состояніи, что мало чѣмъ различествуетъ отъ безсловесныхъ, т. е. безъ всякаго благоустройства, безъ законовъ, безъ благонравія и даже безъ одѣянія и покрова.

Сіи нещастные лишаютъ одинъ другаго жизни для удовлетворенія своей мести, не щадятъ другъ друга для утоленія своей алчбы.

Такой чувствительной разности не могла быть, говорю, никакая другая причина, кромѣ чрезъестественнаго откровенія, которое подавъ смертнымъ поводъ къ упражненію въ разныхъ полезныхъ знаніяхъ художествахъ, открыло купно имъ и благословенныя и общежительныя выгоды, коихъ дикіе народы лишены, потому что о таковомъ откровеніи не имѣли они ни малѣйшаго понятія.

Кажется, что сіе всякаго вниманія достойное различіе служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, хотя онаго,

мо-

можетъ быть, на сїе и никогда не употребляли, а именно: что чрезъестественность откровенїя была для рода человѣческаго необходимо нужна, и что тѣ преимущества, по которымъ современные народы толико въ выгодахъ своихъ различествуютъ, могутъ однѣ опровергнуть все то, что приводится вопреки таковому откровенїю, а особливо изпровергаютъ онѣ то суемудренное положенїе, по которому утверждаютъ нѣкоторые, что до существеннаго Богопочитанїя достигнуть могли люди и по дѣйствїю естественнаго своего разума.

Впрочемъ, какъ разумъ нашъ, будучи въ натуральномъ своемъ состоянїи, не можетъ никогда изобрѣсть истиннъ подобныхъ откровенїю, а безъ сего не въ состоянїи просвѣтиться и въ наукахъ, такъ будучи онымъ озаренъ, естьли станетъ умствовать самъ о боговѣдѣнїи, послѣдуя стремленїямъ пылкаго своего воображенїя, а не представленнымъ ему въ томъ открытїи истиннамъ, въ вящшїя и многоопаснѣйшїя впадаетъ заблужденїя, нежели въ какихъ бы онъ находился, пребывая въ дикомъ своемъ состоянїи.

Нѣтъ такихъ непристойностей и сумозбродствъ, которыхъ бы онъ тогда не почелъ правильными, мнимо здраваго своего разсудка умствованїями.

Одни

Одни изъ таковыхъ откровенію невнимавшихъ, но собственнымъ своимъ воображеніемъ увлеченныхъ умствователей, отрицали бытіе Божіе, и отметали чаяніе будущей жизни; Иные думали, что порокъ и добродѣтель не имѣетъ ни какой между собою разности, и что умертвить человѣка, или вспомоществовати въ его нуждахъ, есть дѣло равнаго достоинства.

Были и такіе, которые вопреки собственному своему испытанію мечтали, что они въ дѣйствіяхъ своихъ вовсе лишены свободы; многіе утверждали, что нѣтъ въ нихъ ни души, ни разума, производящаго въ нихъ размышленіе, не взирая ни мало на свидѣтельство въ томъ собственной ихъ совѣсти; другіе силились доказать, что самыя представляющіяся имъ вещества не существуютъ, въ противность удостовѣренія о томъ собственными своими чувствами.

При томъ входя въ подробное изслѣдованіе однихъ тѣлъ естественныхъ, мнимый здравый нашъ разсудокъ въ состояніи внушить намъ ложныя оныя воображенія, аки бы въ существѣ вещей не было ничего для насъ вѣрнаго.

Почему, иной раздробляя самомалѣйшія тѣлъ частицы, силится утонить ихъ до непримѣтнаго праха; потомъ дошедъ до невидимости оныхъ, никакого уже вещества ему не представляющей, старается увѣрить всѣхъ, что нѣтъ въ тѣлахъ никакого существеннаго и дѣйствительнаго основанія.

Послѣ таковыхъ разума человѣческаго претыканій въ вещахъ естественныхъ, я отдаю на разсужденіе всякому благоразумному: сколь пристойно полагаться на мнимый нашъ здравый резсудокъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково есть Христіанское Богопочитаніе и благонравіе.

Уже непреоборимо доказано, что Греки и Римляне въ самыя цвѣтущія времена своего любомудрія, не въ силахъ были здѣлать подобнаго Христіанскому закона.

Равнымъ образомъ утверждать можно, что источники человѣческихъ добродѣтелей, полагаемые новѣйшими философами въ созерцаніи красоты вещей, въ представленіи себѣ благоустройства во всѣхъ произведеніяхъ природы, и въ познаніи нравственныхъ истиннъ совѣстію намъ внушаемыхъ, не могутъ быть

ни-

никогда прямымъ побужденіемъ къ чистѣйшему благонравію: но симъ спасительнымъ для смертныхъ качествомъ одолжены мы единственно Богодохновенности Писанія.

Ибо видимъ, что многіе признавая истинну, красоту и благоустройство вещей, бываютъ совсѣмъ тѣмъ злонравы.

Впрочемъ находятся и такіе, кои хотя и признаютъ откровеніе для человѣка нужнымъ, и полагаютъ, что всѣ спасительныя истинны онаго непремѣнно отъ Бога происходятъ; однако говорятъ, что не всѣ писанія, т. е. не всѣ статьи Ветхаго и Новаго Завѣта, по существу своему могутъ почесться Божественнымъ откровеніемъ потому, что въ нихъ находятся ощутительныя потрѣшности и явныя противорѣчія, баснословныя повѣствованія, ложныя дѣянія и ложныя умствованія, что никакъ не можетъ произойти отъ Премудраго и Всеистиннаго Законоположника.

На сіе отвѣтствую, что такія писанія не суть въ самомъ дѣлѣ откровеніе Божіе, но токмо нѣкоторая случайность при возвѣщеніи таковаго откровенія произшедшая.

Самое откровенїе происходитъ отъ Бога; а исторїя обстоятельствъ причисляемыхъ къ откровенїю, произходитъ отъ людей.

Но по сему непреложность откровенїя не подвержена ни малѣйшему сумнѣнїю.

Удостовѣренїе объ немъ, есть гласъ нашей совѣсти, внушающїй намъ, что истинны онаго неизмѣнны.

Ибо естьли въ сихъ книгахъ содержится столь изящное ученїе, котораго никто изъ смертныхъ по естественному умопостиженїю открыть не могъ; то ни воображаемый, ни дѣйствительно, по мнѣнїю нашему, усматриваемый въ другихъ ихъ статьяхъ недостатокъ, не долженъ вперять въ насъ такихъ мыслей, чтобъ провозвѣстники превосходнаго сего ученїя не были вдохновенны свыше; слѣдовательно доказательство мое о вышеестественности откровенїя будетъ всегда въ своей силѣ.

Положимъ, что Моисеево повѣствованїе о сотворенїи мїра, въ разсужденїи младенчествовавшихъ тогда умовъ человѣческихъ, основано было не на точномъ естествовѣдѣнїи, но на простонародномъ мнѣнїи, а именно: что земля сїя есть не что иное, какъ

про-

пространная нѣкая равнина, а сверкающія надъ нами звѣзды, суть горнія свѣтила, повѣшенныя на тверди небеснѣй для освѣщенія земнородныхъ; то будетъ ли изъ того слѣдовать, чтобъ Моисей не могъ быть орудіемъ Божіимъ, для преподанія Іудеямъ приличествовавшаго имъ закона? надлежало ли ему для того, чтобъ здѣлаться законоположникомъ у сего народа, знать предварительно Коперниково и Невтоново мнѣніе о небесныхъ кругахъ? или можно ли Іисуса Христа порицать лжеучителемъ за то, что Моисей не былъ Астрономъ?

Согласимся еще и на то, что исторія о искушеніи Іисусъ Христовомъ въ пустынѣ, такъ какъ и о діяволахъ вшедшихъ во стада свиныя, со многими другими обстоятельствами, о коихъ упоминается въ Новомъ Завѣтѣ, и кои толь часто мнимыми мудролюбцами обращаются въ кощунство, суть повѣствованія приноровленныя къ невѣжеству тогдашнихъ временъ, и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были писаны, и что цѣль сей повѣсти была единственно та, чтобъ въ мысляхъ простаго народа здѣлать сильнѣйшее впечатлѣніе о могуществѣ и святости Іисусъ Христовой; то препятствуетъ ли сіе изяществу превосходнаго его ученія?

и можетъ ли чрезъ то обличиться во лжѣ, хотя малѣйшимъ образомъ, достовѣрность Божественнаго Христіанской Вѣры основателя.

Надлежитъ ли винить ученіе Христово за тѣ сумнительныя сказанія, къ коимъ оно невиннымъ образомъ могло подать случай?

Недостатокъ безпристрастнаго въ такомъ случаѣ разсматриванія, причинялъ во всѣ времена не мало вреда существенному Христіанству; поелику наступали на него всегда съ сей стороны, представляя такія обстоятельства, для коихъ и въ самомъ дѣлѣ трудно было защищать оное.

Ибо ежели въ самой вещи все то, что содержится въ сихъ книгахъ, принять за подлинное откровеніе, то самая малѣйшая усмотрѣнная въ нихъ несообразность здѣлаетъ порицаніе цѣлому оныхъ составу.

Но такое различеніе не было, можетъ быть, никогда Христіанству внушаемо, по причинѣ оказываемаго къ двузавѣтнымъ симъ писаніямъ равномѣрнаго уваженія, съ таковымъ благоговѣйнымъ объ нихъ отзывомъ: что *онѣ суть слово Божіе и истое его откровеніе.*

Неоспоримо, что *откровеніе есть слово Божіе*, но сіе взимать должно въ семъ случаѣ токмо въ извѣст-

номъ-

номъ разумѣ, а именно: что тѣ только изъ двузавѣтныхъ сихъ писанїй суть прямо священныя статьи, въ коихъ содержится поистиннѣ Божїе откровенїе, сирѣчь, тѣ изящнѣйшїя поученїя, и тѣ заповѣди, коихъ люди не могли изобрѣсти своимъ разсудкомъ и которыя Богъ благоволилъ сообщить имъ вышеестественнымъ образомъ для ихъ благоденствїя.

Чрезъ рѣчь, сказую, Писанїя суть слово Божїе, отнюдь не должно разумѣть того, чтобъ всѣ статьи многоразличной ихъ совокупности, состоящей изъ исторїй, стихотворенїй, пророчествъ, Богословскихъ положенїй и выводимаго оттуда нравоученїя, что все называемъ мы просто Книгами, непосредственно были изречены самымъ Богомъ, или чтобъ всѣ мысли къ составленїю оныхъ, произведены были въ сихъ писателяхъ единственно отъ Божїя вдохновенїя.

Сами сочинители сихъ книгъ не берутъ на себя во всякомъ случаѣ таковаго утвержденїя; то кто же вмѣсто ихъ имѣетъ право удостовѣрять насъ, что все тамо содержащееся есть непремѣнно слово Божїе?

Іисусъ Христосъ никогда не требовалъ такого слѣпаго вѣрованїя отъ тѣхъ, коихъ почитаетъ онъ

ис-

истинными своими учениками, но глаголетъ токмо: *Вѣруяй въ мя имать животъ вѣчный.* Іоан. гл. 6. ст. 47.

„Но гдѣ сказалъ онъ? напримѣръ: кто не вѣритъ „всякому слову, содержащемуся въ Ветхомъ Завѣтѣ, „существовавшемъ для Іудеевъ, или каждому слову бла-„годатнаго откровенія, которое имѣетъ начертано „быть въ наставленіе племенъ грядущихъ, и при распро-„страненіи коего должно послѣдовать разнымъ обстоя-„тельствамъ по житейскому вещей теченію, что „естьли кто, сказую, всему сему не повѣритъ, лишенъ „будетъ жизни вѣчныя.„

И такъ есть въ Писаніи различныя мѣста отмѣнной важности; есть такія, свѣдѣніе коихъ для человѣческаго благоденствія необходимо нужно, естьже и такія, кои дѣйствительно не столь суть важны.

Въ разсужденіи сихъ послѣднихъ, нѣтъ причины прямому Христіанину безпокоиться: въ самомъ ли дѣлѣ всѣ упоминаемыя въ нихъ случаи расположены самымъ Богомъ, или подвержены онѣ какому нибудь сумнѣнію? ибо существенная сила Христіанскаго Богопочитанія отнюдь не отъ нихъ зависитъ.

На

На примѣръ; я увѣренъ, что Святый Павелъ претерпѣлъ кораблекрушенïе, и что оставилъ онъ фелонъ свой и кожаныя свои книги въ Троадѣ; но чтобъ почитать произшествïя сïи дѣломъ, нарочно такъ отъ Бога расположеннымъ, не касается существенно до Вѣры Христïанской, а удостовѣренïе о семъ обстоятельствѣ служитъ только къ показанïю, что Божïй посланникъ сей въ разсужденïи общаго въ свѣтѣ вещей теченïя и человѣческихъ случайностей, не всегда имѣлъ вдохновенïе свыше, но былъ подобенъ прочимъ людямъ въ томъ, что случается намъ по житейскимъ нашимъ предпрïятïямъ и распоряженïямъ.

Ибо, ежели бы онъ все въ своемъ путешествïи приключиться могущее предвидѣлъ, не отправился бы никогда прежде столь опаснаго обуреванïя въ море, и не позабылъ бы фелона и свитковъ своихъ въ Троадѣ.

Впрочемъ, обоихъ сихъ Завѣтовъ писатели, безъ сумнѣнïя управляемы были вышеестественною силою во всемъ томъ, что до существеннаго ихъ званïя и проповѣданïя открытыхъ имъ истиннъ принадлежало.

Были такіе въ прохожденіи званія ихъ случаи, въ коихъ могли они прорицать будущая, вѣщать странными языки и содѣвать различныя чудеса; но во всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ предводимы были они, сколько видѣть можно, собственнымъ своимъ разумомъ, такъ какъ и прочіе люди.

Не видно также, чтобъ при таковомъ своемъ служеніи были они болѣе обыкновеннаго, и свойственнаго тогдашнимъ временамъ просвѣщенія, искусны въ знаніи вещей естественныхъ, либо наставлены были отмѣнно въ Исторіи, Географіи, Астрономіи и Философіи.

А хотя, можетъ быть, о прямомъ сихъ наукъ состояніи сколько нибудь они и вѣдали; однако по скромности своей и прозорливости не употребляли знанія сего въ проповѣданіи слова Божія, но сообразались въ семъ случаѣ по большой части съ простонародными въ томъ мнѣніями.

Что принадлежитъ собственно до Апостоловъ, то они о Христѣ Іисусѣ, и о произшествіяхъ при распространеніи ученія его случившихся, повѣствовали такъ, какъ повѣствуютъ честные и безпристрастные

ные люди о какихъ либо дѣянїяхъ, держась единственно того, что сами они по большой части видѣли и слышали; въ представленїи же прочихъ относящихся къ тому приключенїй, соображались точно съ тѣми сведѣнїями, которыя они о томъ отъ другихъ воспрїяли.

Словомъ; Пророки и Апостолы со всякою вѣрностїю и тщанїемъ предлагаютъ открытыя имъ сверхъестественныя истинны; однакожъ не требуютъ отнюдъ, чтобъ повѣствованїя ихъ о томъ приняты были безъ всякаго разсматриванїя: поелику таковыя повѣствованїя не всегда, какъ съ перваго виду кажется, бываютъ между собою сходны; но нерѣдко въ нѣкоторы хъобстоятельствахъ разнствуютъ.

Однако сїе не уменьшаетъ достовѣрности откровенїя а служитъ токмо доказательствомъ, что при начертанїи онаго не было между ними никакого условїя къ обману; слѣдовательно и находящееся нѣкоторое въ повѣстяхъ ихъ различїе, не дѣлаетъ ни малѣйшаго сумнѣнїя о Богодухновенности самаго откровенїя коего непреложности совсѣмъ не мѣшаетъ нѣкоторая случайная въ повѣствованїяхъ отмѣна.

Я осмѣливаюсь утверждать, что естьли бы можно было доказать, (чего однако никогда учинить не удастся, понеже никакой не будетъ въ томъ справедливости,) что на каждой страницѣ обоихъ Завѣтовъ находятся Географическія, Хронологическія и Философскія погрѣшности, и что обрѣтающіяся въ нихъ пророчества суть не иное что, какъ щастливыя встрѣчи и хитроприноровленные приклады къ случаямъ; повѣствуемыя же чудеса суть не что другое, какъ нѣкоторой родъ Католицкихъ прологовъ; ежели бы, говорю, можно было доказать, что такія статьи никогда не были писаны тѣми людьми, подъ коихъ именами они въ свѣтѣ обносятся, но суть позднѣйшихъ вѣковъ произведенія, коими уловлялись простодушные умы во времена варварскія: то о всѣхъ сихъ между истинными откровеніями помѣщенныхъ повѣстяхъ, не иное что заключить слѣдовало бы, какъ что Богъ по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ попустилъ на конецъ, дабы сообщенное Имъ роду смертныхъ спасительное ученіе, было по невѣдѣнію ихъ съ сумнительными обстоятельствами житейскими смѣшано, и искажено на нѣкоторое время, недобродушныхъ людей ухищреніемъ; такъ какъ онъ же попустилъ, чтобъ утѣснялось оно разными въ началѣ своемъ гоне-

ніями,

ніями, и помрачалось различными во времена наши суемудренными толками и прерѣканіями.

Но когда со всѣмъ тѣмъ существуютъ въ большой части сихъ священныхъ начертаній ощутительнѣйшія знаменія такой Вѣры, которая изящностію своею превышаетъ все то, что только человѣкъ въ разсужденіи Бога, и въ разсужденіи временной и вѣчной своей жизни наилучшаго вообразить себѣ можетъ; въ то время, не взирая на тѣ средства, чрезъ которыя спасительныя ея истинны въ свѣтѣ распространились, и не смотря на тѣ человѣческія заблужденія и несовершенства, которыя къ нимъ примѣшались, со всякою святостію чистѣйшую оныхъ непорочность почтить должно.

Бисеръ находящійся въ бреніи не теряетъ своей доброты, и покрывающая его тамо нечистота не уменьшаетъ его цѣны; ибо по снятіи оной сіяніе его паки свѣтлѣется.

Но странно нѣкоторымъ кажется, что Премудрый и Благодѣтельный Творецъ учредилъ склонность къ міру сему однимъ, а Вѣру другимъ образомъ, т. е. что онъ открылъ человѣческому роду такую Вѣру,

 кото-

которая не только совсѣмъ на противъ тѣмъ главнымъ страстямъ и склонностямъ, кои естество въ природу смертныхъ влїяло, но еще заключаетъ въ себѣ и такїя, по мнѣнїю ихъ, несообразности, по коимъ она кажется вовсе несовмѣстна съ главнымъ расположенїемъ произведеннаго Творцемъ мїра, въ которомъ благоугодно было ему помѣстить насъ, первыми наблюдателями всякаго благоустройства.

Особливо же, что различныя человѣческїя страсти немалымъ бываютъ препятствїемъ въ исполненїи ученїя Христова; ибо властолюбїе, богатство, почести и слава, служатъ всегда побужденїемъ къ произведенїю дѣлъ мятежныхъ; а сїи по шумныя дѣла и противоборствуютъ немало намѣренїю Христїанской Вѣры, и приводятъ оную въ поношенїе у всѣхъ иновѣрныхъ. Сверхъ сего вышепомянутые Совопросники настоятъ еще въ сумнѣнїи своемъ тако:

„Ни одинъ народъ не можетъ быть безъ упра„вленїя; ни одно же управленїе не въ состоянїи обой„тись безъ нѣкотораго рода насилїя, для избѣжа„нїя коего, съ другой стороны употребляются раз„личные противодѣйствїя и ухищренїя; въ которомъ „случаѣ, какъ то, такъ и другое ученїемъ Хри„стовымъ запрещается.

„На-

„Народы не могутъ миновать войны, а война не „можетъ быть безъ грабительствъ, опустошенїй и „смертоубїйствъ; Вѣра же Христїанская все сїе „строжайшимъ образомъ возбраняетъ.

„Естьли не противиться Злонравнымъ и Развратнымъ, то люди подвержены будутъ безпрестанному „нападенїю и притѣсненїю; отъ чего цѣлыя народы останутся безъ защиты, и дойдутъ до того, „что будутъ единственною корыстїю своихъ обидчиковъ; что однако Вѣра сїя совершенно одобряетъ.

„Твердодушное и неизмѣнное терпѣнїе въ нападенїяхъ и обидахъ, подастъ поводъ непремѣнно, утѣсняющему, къ новымъ озлобленїямъ, и къ произведенїю въ немъ всякихъ неистовствъ, которыя претерпѣвать Вѣра сїя и предписываетъ.

„Безпечность о томъ, что должно ясти, пити, „или во что одѣятися, превратила бы невинное „трудолюбїе, и честные обороты, какъ купца такъ „и художника въ бездѣйствїе, и лишила бы общество „всякихъ выгодъ, а сего то Вѣра сїя, какъ всякому „извѣстно, и требуетъ.

Сло-

„Словомъ; (продолжаютъ Пререкатели сїи) ежели „бы Евангельскїя заповѣди всѣми наблюдаемы были; „то бы настоящему теченїю вещей житейскихъ на-„длежало совсѣмъ перемѣниться; отъ чего общественныя распоряженїя были бы въ совершенномъ не-„устройствѣ.

На все сїе отвѣтствую, что Христїанская Вѣра отвергаетъ дѣйствительно всякое суетное житейское попеченїе, хотя, можетъ быть, нѣкоторые въ томъ и прекословить станутъ.

Таковою была она всегда представляема отъ Того, Кто намъ ее предалъ, равно какъ и отъ тѣхъ, кои ее проповѣдывали подъ непосредственнымъ его внушенїемъ; въ слѣдствїе чего самъ сей Начальникъ Вѣры и Совершитель, вѣщаетъ къ Апостоламъ тако: *Аще отъ мїра бысте были: мїръ убо свое любилъ бы, якоже отъ мїра нѣсте, но азъ избрахъ вы отъ мїра, сего ради ненавидитъ васъ мїръ.* Іоан. гл. 15. ст. 19.

Такожде и къ Іудеямъ глаголетъ: *Вы отъ мїра сего есте, азъ нѣсмь отъ мїра сего.* Іоан. гл. 8. ст. 23. Равно и святый Павелъ возглашаетъ къ Римлянамъ: *Не сообразуйтеся вѣку сему.* Рим. гл. 12. ст. 2. Подобнымъ образомъ и къ Коринѳяномъ твердитъ:

Пре-

Премудрость же глаголемъ не премудрость вѣка сего. 1. Кор. гл. 2. ст. 6. къ сему и Святый Іаковъ присовокупляетъ: *Не вѣсте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ.* Іак. гл. 4. ст. 4.

О семъ непримиримомъ противоборствѣ Христіанъ съ міромъ, упомянуто на многочисленныхъ мѣстахъ Новаго Завѣта. И можно сказать, что все содержаніе сей книги въ томъ только и состоитъ, что Вѣра Христова наставленіями своими преграждаетъ путь ко всѣмъ извиненіямъ человѣческихъ злоупотребленій и пристрастій, съ опроверженіемъ всѣхъ, какъ общественныхъ такъ и личныхъ пользъ, наблюдаемыхъ тѣми смиренномудренными, но въ чувствахъ своихъ неугомонными міра сего странниками, кои направляя стопы свои къ небесамъ, хотятъ въ прохожденіи своемъ коснуться для любопытства, нѣкоторыхъ выгодъ и плачевной сей юдоли.

Но наставленія Христовы суть такія правила, кои пребываютъ тверды и незыблемы противъ всѣхъ оправданій и оговорокъ, сихъ, непщующихъ вины о грѣсѣхъ своихъ, святолюбцевъ, которые хотя неоткрыто, однако безмолвнымъ образомъ вперяютъ

въ насъ такія мысли, что съ ученіемъ Христовымъ должно соображать и частныя свои выгоды, равно какъ и общественную пользу; т. е. они не возбраняютъ имѣть нѣкоторую привязанность и къ міру сему, между тѣмъ, какъ повелѣваютъ исполнять заповѣди Христовы безотрицательно.

Почему востающіе тако на ученіе Христово, и утверждающіе, что при точномъ наблюденіи онаго, должно истребиться всѣмъ въ мірѣ семъ благоустройствамъ, не входятъ ни мало въ высокій разумъ чистѣйшихъ Евангельскихъ наставленій, которыя не суть мірскія уложенія, предписывающія на случай какое либо узаконеніе къ утвержденію какого нибудь благочинія въ гражданствѣ, и примѣняющія оное къ удовольствованію житейскихъ нашихъ потребъ, либо обнадеживающія насъ совершенною безопасностію отъ всякихъ нападеній; но суть внушенія Божественнаго Нравоучителя, приуготовляющія насъ къ пребыванію въ странахъ превыспреннихъ; почему и недолжны онѣ быть подсудны мудрованію человѣческому, въ разсужденіи житейскихъ нашихъ въ свѣтѣ семъ выгодъ и преимуществъ. Не должна, говорю, чистѣйшая Вѣра Христіанская нести никакихъ нареканій за то, что

нѣтъ

нѣтъ въ ней ни малѣйшаго предписанія о Геройскихъ нашихъ дѣйствіяхъ, о прозорливыхъ Министерскихъ оборотахъ, и надежныхъ купледѣйственныхъ пріобрѣтеніяхъ.

Ибо предъ нелицепріемнѣйшимъ Вѣры сея Учредителемъ, всѣ пылкія дѣйствія мнимыхъ нашихъ Героевъ показались, можетъ быть, не инако, какъ сраженія позорищныхъ нашихъ пѣтеловъ;*) правительственныя распоряженія нашихъ Министровъ не иное что, какъ мнимое благочиніе пчелъ, а неусыпность купледѣющихъ, какъ многомятежное попеченіе муравій.

Вышеупомянутые ученія Христова порицатели не внемлютъ первому и главному предмѣту онаго, состоящему, какъ выше сказано, не въ томъ, чтобъ здѣлать насъ на время въ мірѣ семъ для выгодъ нашихъ добродѣтельными, и слѣдовательно щастливыми; но въ томъ, дабы учинить насъ таковыми навсегда, чрезъ основаніе въ здѣшней жизни будущаго нашего блаженства, которое на семъ подвиготвор-

 номъ

*) Сіе пишешъ Агличанинъ, относительно къ своей сторонѣ, гдѣ такое позорищное пѣтуховъ сраженіе въ употребленіи.

номъ нашемъ поприщѣ, и предначинаемъ уже тѣмъ, естьли сквозь простирающуся здѣсь дебрь опасностей и злостраданій, преткновеній и искушеній, проходимъ благодушно.

Выше сказано, что всѣ законоучительныя и нравственныя въ мірѣ наставленія учреждаемы были прежде проповѣданія Евангелія, для какихъ нибудь человѣческихъ выгодъ; разность же законоположныхъ и нравоучительныхъ Евангельскихъ внушеній состоитъ въ томъ, что въ существѣ своемъ противоборствуютъ онѣ всѣмъ временную какую нибудь пользу въ мірѣ семъ наблюдающимъ установленіямъ; и для того о прямомъ ученіи Христовомъ не такъ судить должно, какъ о градоправительственныхъ человѣческихъ распоряженіяхъ, состоящихъ по большой части на время въ частной, или общенародной пользѣ, потому что ни общественное, ни личное такого рода благо, не есть цѣль Христіанскія Вѣры.

Естьли бы Христосъ и Его Апостолы внушали людямъ, что Вѣра сія споспѣшествуетъ имъ къ снисканію въ свѣтѣ почестей, богатствъ, и разныхъ въ жизни сей воображаемыхъ общенародныхъ, или частныхъ благъ: то они не заслуживали бы того, чтобъ

имъ

имъ вѣрить; ибо непостоянство и скоротечность всѣхъ человѣческихъ благоустройствъ, столь въ мірѣ семъ ощутительны, и столь безпрекословны, что не стоятъ онѣ никогда отмѣннаго нашего вниманія и ревностнаго для нихъ труда.

Почему и напоминается вездѣ въ Новомъ Завѣтѣ, что ученіе Христово ни мало несогласно съ міромъ, ни съ его страстьми и похотьми.

Христосъ изъясняется о своихъ ученикахъ не обинуясь, что *они не сутъ отъ міра сего; якоже и самъ онъ нѣсть отъ міра сего.* Іоан. гл. 17. ст. 16.

И такъ не должно обвинять ученія Христова и всѣхъ превосходныхъ его внушеній за то, что онѣ не соотвѣтствуютъ временнымъ житейскимъ преимуществамъ, коимъ противоборствовалъ всегда въ жизни своей самъ непорочнѣйшій сей Законоположникъ.

Ибо чрезъ то и превосходство сего ученія доказывается, что въ немъ дѣлается побужденіе къ сопротивленію всѣмъ страстемъ и прелестемъ міра сего; въ чемъ какъ здравый разсудокъ, такъ самый опытъ и безпристрастнѣйшее любомудріе согласуютъ; т. е.

такое же подаютъ намъ наставленіе, что всѣмъ привременнымъ въ свѣтѣ семъ вожделѣніямъ должно противиться. Ибо благая міра сего сперва питаютъ насъ лестною надеждою, что удовольствуютъ онѣ наши желанія, кои однако сопровождаются всегда тщетнымъ упованіемъ, а наконецъ въ семъ обѣщаніи своемъ и вовсе намъ измѣняютъ.

Такое внушеніе, чтобъ противоборствовать бреннымъ и скорогибнущимъ благимъ міра сего, не только не открываетъ въ ученіи Христовомъ ни малѣйшей несообразности въ разсужденіи его слѣдствій, но еще служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ о Божественномъ его совершенствѣ, такъ что, естьли бы и не было прочихъ о томъ удостовѣреній, сіе единое могло бы убѣдить всякаго здравомыслящаго о несравненномъ его превосходствѣ.

Главный же и спасительный предмѣтъ Христова ученія состоитъ въ томъ наипаче, чтобъ просвѣтить разумъ человѣческій въ истиннѣ, наиболѣе до всегдашняго смертныхъ благоденствія касающейся, привесть нравственный міръ въ совершенство, т. е. во взаимную любовь, и пріуготовить чрезъ то людей къ вѣчности; а потомъ собравъ соблюдшихъ Вѣру

Хри-

Христіанскую во всякой святости и ненарушимости; преселить ихъ постепенно въ небесныя обители; что и воспослѣдуетъ непреложно со всѣми тѣми, кои непоколебимо пребудутъ до конца въ кротости, терпѣніи, любви къ ближнему, и во всякой приверженности къ Богу, съ благодушнымъ отъ міра сего устраненіемъ, въ несумнѣнномъ упованіи, что сподобятся они за такія свои добродѣтели безмятежнаго и блаженнаго по смерти состоянія.

Ежели бы ученіе сіе всѣми принято было, и естьли бы каждый изъ смертныхъ наблюдалъ оное тщательно; то по истиннѣ представился бы свѣтъ сей въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ онъ нынѣ находится, и сія перемѣна послужила бы безъ сумнѣнія къ вожделѣннѣйшему его жребію.

Мы бы въ подвижотворномъ нашемъ здѣсь состояніи несравненно были щастливѣе, ежели бы шествовали на поприщѣ нашемъ съ непоколебимою твердостію, и никогда бы не позабывали, что Христіанская Вѣра не только воспрещаетъ намъ воздавать зло за зло, но и возбраняетъ роптать на тѣхъ, кои насъ озлобляютъ; при томъ повелѣваетъ не токмо сносить всякаго рода обиды, и не чинить никакого

за

за оныя отмщенія; но еще и прославлять въ оныхъ Зиждителя своего съ терпѣніемъ и благодушіемъ.

Сверхъ сего, естьли бы содержали мы всегда въ памяти нашей, что ученіе Христово запрещаетъ употреблять чрезмѣрное попеченіе какъ о пріобрѣтеніи богатства, такъ и о приложеніи къ нему своего сердца, равно какъ о сисканіи почестей и о распространеніи нашей власти, словомъ; что оно отвергаетъ все то, что токмо служить можетъ помѣшательствомъ къ оказанію нашей непреклонности къ міру сему, и его похотемъ.

Ежели бы, сказую, послѣдовали всѣ усердно сему ученію; изчезло бы всякое корыстолюбіе, и потребилисъ бы отъ лица земли всякія брани и нестроенія, которыя люди нерѣдко между собою воздвизаютъ для удержанія, или пріумноженія собственныхъ своихъ выгодъ; а отъ прекращенія таковыхъ мятежностей свѣтъ сей здѣлался бы несравненно благополучнѣе.

Но невидно и по сіе время, чтобъ сіе спасительное наставленіе было во всемъ исполнено, отъ столь непостоянныхъ, и столь несовершенныхъ тварей, каковы суть человѣки; почему внушенія Евангельскихъ истиннъ и не могли доселѣ соотвѣтствовать совершенно намѣренію Божественнаго сего Законоположника.

На-

Начальнику и Совершителю Христїанской Вѣры было довольно то извѣстно. Ибо онъ предрекъ, что мало, зѣло мало будетъ таковыхъ, которые восхотятъ послѣдовать Его ученїю. *Узкая врата*, глаголетъ онъ, *и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его.* Мат. гл. 7. ст. 14.

Мы видимъ исполненїе сего предвѣщанїя; потому что и въ самомъ дѣлѣ очень мало вождедѣвшихъ, во ожиданїи будущаго блаженства, отстать отъ настоящихъ своихъ скоротечныхъ наслажденїй.

По сему то всѣ житейскїя дѣла и идутъ въ свѣтѣ семъ, обыкновеннымъ своимъ порядкомъ; поелику, какъ выше сказано, число отрицающихся отъ похотей мїра сего очень невелико.

Впрочемъ какъ вещественный мїръ существуетъ чрезъ взаимное противоборство составляющихъ оный стихїй, такъ и нравственный мїръ въ разсужденїи противоположности склонностей человѣческихъ, пребывать можетъ быть будетъ, чрезъ взаимное страстей сраженїе, въ опредѣленномъ состоянїи, до положеннаго Творцемъ времени.

Смертные по большой части движутся одними и тѣми же побужденїями. Они враждуютъ, нападаютъ,

другъ на друга, и сражаются между собою за власть, за богатства и за разныя выгоды съ равною почти горячностїю, какъ и за самую свою жизнь; въ разсужденїи чего и всѣ подвиги ихъ предпрїемлются съ равномѣрнымъ же почти стремленїемъ.

Въ сихъ многомятежностяхъ дѣлаются они людьми военными, законовѣдцами, письменоучителями, законодавцами, царедворцами и мнимыми цѣлыхъ областей защитниками, съ оказанїемъ такого рвенїя, какъ будто бы они о Христїанствѣ никогда и не слыхали.

При всемъ томъ видимъ мы, что Христово ученїе соотвѣтствовало уже частїю всѣмъ тѣмъ намѣренїямъ, для которыхъ было оно опредѣлено. Оно просвѣтило разумъ усердныхъ его послѣдователей, привело въ совершенство Богопочитанїе, и исправило нравъ нѣкоторыхъ людей, не испровергая гражданскихъ узаконенїй, и различныхъ по житейскимъ потребамъ благоустройствъ, купно съ сохраненїемъ обыкновеннаго въ мїрѣ семъ порядка. При томъ показало оно путь къ достиженїю царствїя небеснаго для всѣхъ тѣхъ, кои усердствуютъ шествовать въ превыспреннїя онаго селенїя, по стези Христомъ пока-

показанной, которая хотя для нихъ и тѣсна, однако путь чрезъ оную столь надеженъ, что ни малѣйшаго они послѣ того не могутъ имѣть преткновенія.

Когда мы такимъ образомъ вышеобъявленныхъ прерѣкателей отклонили; то другіе, умствуя еще мнимо убѣдительнѣе, противополагаютъ намъ паки слѣдующее:

„Естьли бы, говорятъ они, ученіе Христово „произошло отъ Бога; то безпредѣльное Могущество „Его и благость, не допустили бы никогда, чтобъ „первобытная чистота онаго была въ толь краткое „время повреждена, и чтобъ ученіе сіе, находясь въ „такомъ поносномъ состояніи чрезъ столь многіе „вѣки, здѣлалось наконецъ вовсе недѣйствительнымъ „къ исправленію человѣческаго рода.

НА СІЕ ОТВѢТСТВУЮ.

По учиненіи строжайшаго изслѣдованія, всему сему будетъ причиною человѣческое невниманіе и свойство всѣхъ прочихъ откровеній, прежде проповѣданія Евангелія сообщенныхъ столь несовершеннымъ тварямъ, каковы суть человѣки.

Въ разсужденіи же ученія Христова таковому препятствію и быть слѣдовало, какъ по прочимъ многочисленнымъ обстоятельствамъ, при распространеніи онаго происходившимъ, такъ и по самому содержанію онаго, которое для многихъ показалось столь страннымъ.

Ибо когда ученіе сіе проповѣдано было языческимъ народамъ, то хотя и принуждены были нѣкоторые признать истинну онаго, и на убѣдительность его преклониться; однакожъ не возможно было истребить вовсе у нихъ различныхъ суевѣрій и предразсужденій, вкоренившихся въ нихъ по преданіямъ прежней ихъ вѣры; почему и принесли они слѣды ихъ съ собою въ нѣдро самаго Христіанства.

Въ семъ случаѣ смѣшали они ученіе Христово съ своимъ невѣдѣніемъ, и купно съ тогдашнимъ своимъ знаніемъ, изъ коихъ какъ то, такъ и другое равно были для Христіанской Вѣры вредны.

Народы сіи обезобразили Христіанское Богослуженіе, присовокупленіемъ къ нему идоложертвенныхъ обрядовъ; а философы повредили ученіе сіе различными толками, кои заимствовали они тогда отъ умствователей слывшихъ умосозерцателями и тай-

и тайноведцами, и отъ такъ называемыхъ Манихеевъ, признающихъ въ управленіи светомъ два противныя начала, коихъ всехъ умствованія о Боге были въ то время въ отменномъ уваженіи.

Потомъ изящество Веры Христовой приходило постепенно въ сведеніе державствующихъ во языцехъ, привлекало къ оной разныхъ народоначальниковъ, и укрощало кичливыхъ победоносцевъ.

Они ее приняли, и зделались ея покровителями; однакожъ тотчасъ вмешали въ нее свои правительственные расчеты, и свои свары; и такимъ образомъ испортили то изрядство, коимъ она пришла у нихъ прежде въ любовь и доверенность.

Между темъ проповедники сей Веры, не взирая, что были кротки и смиренны сердцемъ, покорили себе самыхъ Государей, и низложили победоносныхъ военачальниковъ и Героевъ; а чрезъ то пріобрели въ распространеніи оной столь удивительныя средства и могущества, что подобныхъ еще никогда не бывало.

Ибо наконецъ утверждаема была Вера сія теми же самыми способами, какіе прежде употреблены были къ ея искорененію.

Народы приводимы были къ оной огнемъ и мечемъ; и побѣжденные принуждены были принимать крещенїе съ приложенїемъ къ гортани острїя меча.

Все происходило отъ связи причинъ и слѣдствїй, коихъ ни чемъ инымъ премѣнить не можно было, какъ развѣ превращенїемъ обыкновеннаго теченїя вещей, и безпрестаннымъ произведенїемъ чудесъ, съ повсемственнымъ премѣненїемъ природы человѣческой.

Но поелику ознаменована только сперва чудесами сїя Вѣра, и вещи начали потомъ пребывать въ естественномъ своемъ положенїи; то самыя непорочнѣйшїя ея наставленїя не могли уже быть дѣйствительными, къ произведенїю спасительныхъ въ ней плодовъ; а особливо отъ распространенїя въ послѣдовавшїя времена многихъ неосновательныхъ мнѣнїй, въ разсужденїи властепрїятїя и прїобрѣтенїя нѣкоторыхъ выгодъ, тѣми ея исповѣдниками, кои ученїе Христово съ отмѣннымъ раченїемъ и святостїю наблюдать должны, по неисполненїю будто чего, Вѣра Христова пребываетъ наипаче и нынѣ у многихъ въ поношенїи и презрѣнїи.

Но при всемъ таковомъ на Христїанскую Вѣру нареканїи, болѣе она поврежденною быть кажется

то

по своей наружности, нежели по внутреннему своему составу, хотя многіе и представляютъ себѣ, что удаленіе, какимъ бы то ни было образомъ, отъ правилъ, и отъ поведенія первыхъ Вѣры сея провозвѣстниковъ, означаетъ уже ея поврежденіе.

Въ слѣдствіе чего и соблазняются о семъ многіе, умствуя тако:

„Понеже Вѣра Христова проповѣдываема была „съ начала людьми нищетствовавшими, и никакихъ „почестей не имѣвшими, но водворявшимися въ го„рахъ, въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ; Рас„пространяема была, говорятъ, посреди обагренія „кровію и всякихъ болѣзненныхъ мученій: то и ма„лѣйшая степень властоначалія, или хотя нѣсколько „обильное стяжаніе житейскихъ выгодъ нынѣш„ними ея проповѣдателями, или сановитость ея „пастырей въ священнослуженіи, есть дѣйствіе несо„образное съ простотою первообразнаго ея состоянія.

Такимъ умствователямъ чувствительно безъ сомнѣнія то, что не они, а нынѣшніе достойные Епископы воспріемлютъ въ обществѣ именитыя почести, пользуются въ разсужденіи сана своего разными преимуществами и выгодами, живутъ въ спокой-

ныхъ обиталищахъ и употребляютъ въ случаѣ благолѣпныя колесницы: напротивъ того Апостолы, предмѣстники ихъ, были странники и незнатные люди, неимѣвшіе ни домовъ, ни пѣнязей, и принужденные скитаться преходя отъ града во градъ.

Правда, что Апостолы жили въ бѣдномъ, безпокойномъ и многотрудномъ состояніи, подвизаясь въ прохожденіи того великаго званія, которое Христосъ на нихъ возложилъ, безъ всякаго послабленія. Ибо они должны были творити и учити всему тому, что споспѣшествуетъ къ миролюбію между людьми и къ вѣчному ихъ блаженству; однако такое бѣдственное ихъ состояніе должно почитаться паче нещастіемъ тогдашнихъ временъ и собственнымъ ихъ злоключеніемъ, нежели какою либо существенною принадлежностію къ Вѣрѣ; и для того ничего не было бы безумнѣе, какъ взыскивать нынѣ отъ главныхъ служителей церкви Христовой, чтобъ они, подражая во всемъ Апостоламъ, провождали также жизнь свою, безъ всякой надобности, въ нищетѣ, презрѣніи, изгнаніи, во узахъ и темницахъ; такъ какъ древніе ихъ предшественники, съ претерпѣніемъ самой смерти безъ малѣйшаго сопротивленія.

Всѣ сїи пререканїя не иное что суть, какъ умствованїя ненависти и злобы, а отнюдъ не доводы, доказывающїе существенное поврежденїе ученїя Христова; ибо, въ разсужденїи спокойнаго нынѣ состоянїя Христїанства, должно воспослѣдовать благоденствїю какъ возвѣщающихъ, такъ и воспрїемлющихъ оное; а отъ сего должно бы произойти миролюбїю между людьми, и единомыслїю въ Вѣрѣ, естьли бы не употребляли ее иногда къ оправданїю самыхъ безчеловѣчныхъ дѣйствїй, и естьли бы не наклоняли ее ко введенїю въ мїръ, подъ видомъ благочестїя, суевѣрїя и разныхъ другихъ злоупотребленїй.

При нынѣшнемъ положенїи Христїанской Вѣры, когда кто изъ просвѣщенныхъ рачителей оныя нищетствовавшїй прежде, дѣлается богатымъ, а рабъ становится господиномъ, смотрѣть бы должно только на то, чтобъ сїе прїобрѣтенїе выгодъ и возвышенїе, не содѣвало ихъ наглыми и высокомѣрными, либо противъ совѣсти упорствующими, а тѣмъ паче неправосудными.

Впрочемъ отнюдъ отъ Христїанскихъ Пастырей не требуется, да и непристойно было бы требоватъ, чтобъ образъ житїя ихъ, какъ выше упомянуто, былъ

во всемъ сходенъ съ прежнимъ Апостольскимъ званїемъ, когда самое Христїанство толикую въ состоянїи своемъ получило премѣну.

Но при всѣхъ вышеобъявленныхъ злоупотребленїяхъ, изчислить почти не можно, сколь много Вѣра Христїанская исправила родъ человѣческїй.

Тѣ лютости, кои до учрежденїя ея происходили, совсѣмъ нынѣ изчезли, а усматриваются онѣ только въ исторїи, по коимъ и судить можемъ о прежнемъ людскомъ состоянїи.

Въ тѣ времена происходили ужасныя брани и нестроенїя, кои нынѣ въ такой степени никогда не бываютъ.

Грады и веси истребляемы были огнемъ и мечемъ, тьмочисленные сонмы побѣжденныхъ претерпѣвали смерть крестную, вонзаемы были на рожны, и колесы претираемы за то, что предпринимали защищать свое отечество, себя самихъ и свое домочадство.

Жизнь новорожденныхъ находилась во власти ихъ родителей, коимъ дозволено было ихъ воспитывать, или повергать на распутїяхъ, умерщвлять стужею, гладомъ, или растерзанїемъ отъ лютыхъ звѣрей; ибо за такое безчеловѣчїе не было ни малѣйшаго истязанїя ни порицанїя.

На тризница и позорища выводимы были многочисленные мечебойцы, для посѣченія одинъ другаго на мѣлкія части, чтобъ увеселять тѣмъ кровожаждущихъ зрителей, состоявшихъ по тогдашнему времени, изъ самыхъ знатныхъ и отличныхъ людей.

Правда, для сего страшнаго представленія употреблялись съ начала одни преступники; однако на конецъ не токмо именитые мужы въ такое сраженіе вступали, но и самый нѣжный полъ, соревнуя въ чести симъ неустрашимымъ ратникамъ, въ число оныхъ вписывался.

Также въ древности принесеніе на жертву людей было позволено.

При погребеніи богатыхъ и знатныхъ особъ, лишали жизни многочисленныхъ рабовъ, коихъ умерщвленіе почиталось благоугодною жертвою для новоизшедшей души покойнаго.

Индѣ при Богослуженіи содѣвались самыя соблазнительныя непристойности, кои не токмо ни мало за стыдъ не почитались, но еще и прославляемы были отъ самыхъ возвышеннѣйшихъ стихотворцевъ.

Но когда возсіяло Христіанство, вдругъ сіи ужасныя свирѣпости изчезли, и въ озаренныхъ имъ

предѣлахъ не усматривалась уже никакая лютость, скверна, или порокѣ; но водворялась вездѣ совершенная непорочность и нравовъ чистота.

Словомъ; до такой степени простиралась у первобытныхъ Христіанъ приверженность къ Христову ученію, что внушаемая онымъ любовь къ ближнему, воздержаніе въ разсужденіи собственныхъ своихъ вожделѣній, смиренномудріе и терпѣніе въ разсужденіи озлобляющихъ насъ, являлись тогда въ наиприятнѣйшей своей свѣтозарности.

Сими душевными качествами, первые Вѣры Христовой исповѣдники, по словамъ Писанія, вновь возраждалися, и омывалися отъ всѣхъ прежнихъ своихъ нечистотъ. Кратко: они жили въ такомъ преподобіи и правдѣ, что мы нынѣ едва вообразить себѣ можемъ, и едва ли въ состояніи подражать тому совершенно, по развратности нашихъ нравовъ.

Въ слѣдствіе чего, ежели бы спросили меня: для чего вѣрованіе Христову ученію не производитъ нынѣ такихъ же плодовъ, какъ прежде? отвѣтствовалъ бы я въ короткихъ словахъ: для того, что Христову ученію нынѣ съ толикою горячностію и усердіемъ не послѣдуютъ.

Са-

Самое превосходное лѣкарство не дѣлаетъ облегченія, когда больной не хочетъ его принимать.

Однакожъ не взирая на сіе, Христіанство здѣлало, какъ выше сказано, не мало роду человѣческому благодѣяній, истребленіемъ пагубнѣйшихъ для него пороковъ, и исправленіемъ вообще сердецъ человѣческихъ.

И ежели бы было оно всѣми принято, и всѣ бы усердно къ нему были привержены, исполняя его предписанія безъ всякаго упущенія: то съ погашеніемъ склонности къ злодѣяніямъ, истребило бы оно всякое неустройство, и уничтожило бы купно и самыя за то наказанія.

Но до сего щастливаго состоянія, можетъ быть, никогда мы не доживемъ потому, что доколѣ люди въ мірѣ такимъ образомъ поступаютъ, какъ нынѣ, сіе кажется быть вещь невозможная.

При томъ естьли бы преступленія человѣческія, и долженствующія слѣдовать за оными наказанія, не имѣли въ существованіи своемъ какой нибудь необходимой, и намъ недовѣдомой причины, то благость Творца никогда бы онымъ въ свѣтѣ семъ быть не попустила.

И такъ видно, что Всемогущему тварей Зиждителю, столько же не заблагоразсудилось сіе несовершенство отъ лица земли истребить, сколько смертнымъ невозможно предупредить, или отвратить оное. Ибо устроеніе міра сего, можетъ быть, такъ расположено, чтобъ оному непремѣнно въ немъ находиться, а уповательно, что и будущее наше состояніе того требуетъ, чтобъ вещи такимъ образомъ въ свѣтѣ семъ происходили.

И сіе то безъ сумнѣнія было причиною той скромности и нѣкоего прикрытія разными притчами, нѣкоторыхъ Евангельскихъ внушеній, посредствомъ коихъ предлагаемъ былъ съ начала законъ Христіанскій; ибо Христосъ, вмѣсто всѣхъ явственныхъ и убѣдительныхъ о томъ доказательствъ, напоминаетъ ученикамъ своимъ токмо сіе: *Вамъ есть дано вѣдати тайны царствія Божія: онѣмъ же внѣшнимъ въ притчахъ вся бываютъ: да видяще видятъ, и не узрятъ: и слышаще слышатъ, и не разумѣютъ: да не когда обратятся и оставятся имъ грѣси.* Марк. гл. 4. ст. 11. 12. Аки бы рекъ: вамъ особливою бла„годатію дадеся созерцати и разумѣти ученіе моей „Вѣры; и содѣлатися такимъ образомъ достойными „къ воспріятію царствія Божія.

„Но что касается до множества внѣшнихъ, т. е. „до всего рода человѣческаго вообще, то благодать „сія отнюдъ безъ всякаго изключенія простираться „не можетъ; ибо чтобъ всѣ люди изъяты были отъ „погрѣшностей, совсѣмъ противоборствуетъ сіе у-„строенію вселенныя, и тому безпрерывному въ ней „вещей теченію, которому безконечная премудрость „Творца, до извѣстнаго Ему времени, въ такомъ по-„ложеніи продолжаться судила.

Также другіе не почитаютъ ученія Христова важнымъ и за то, что нѣкоторыя статьи въ немъ непонятны; а особливо постановленіе Троицы во единицѣ, и удовлетвореніе за грѣхъ человѣческій чрезъ страданіе и смерть Христову. Ибо первое противорѣчитъ, по мнѣнію ихъ, самымъ первоначальнымъ основаніямъ человѣческаго разума; а второе противно совсѣмъ понятію нашему о справедливости Божіей.

На сіе отвѣтствую только сіе, что возраженія взимаемыя отъ предложеній нами непостигаемыхъ, не могутъ никоимъ образомъ поколебать истиннъ, основанныхъ на извѣстныхъ намъ неопровергаемыхъ доказательствахъ; слѣдовательно изъ предложенія

онаго, что нѣкоторыя статьи Писанія для насъ непонятны, никакъ заключать не должно, чтобъ прочія его вразумительныя превосходныя истины были для насъ безполезны.

Что три различныя лица составляютъ одно существо, есть предложеніе, правда, противорѣчущее разуму; но разуму *нашему*, т. е. человѣческому: изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ оно и со стороны Божіей было несправедливо.

Не мало есть предложеній противорѣчущихъ, по видимому, нашему разсудку, кои однако по существу своему неизмѣнны въ своей истинѣ.

Таковымъ противорѣчіемъ почестться можетъ принятое оное почти всѣми народами мнѣніе, о существованіи Бога, котораго причина бытія находится въ немъ же самомъ.

Ибо, чтобъ какая вещь не имѣла никакой вины своего бытія, или чтобъ заключала причину бытія своего въ себѣ самой, есть предложеніе совсѣмъ непонятное для нашего разума; однако мы принуждены признать оное непремѣнно справедливымъ, а инако безъ постановленія такой первоначальной вины, ничто никогда не могло бы существовать, не имѣвъ причины главнаго бытія своего внѣ себя.

Рав-

Равнымъ образомъ свободная воля разумныхъ тварей, и преизбыточествующая благодать Творца, предвидящаго дѣянія сихъ своихъ созданій, и не полагающаго никакихъ опредѣлительныхъ распоряженій въ томъ, въ добро ли, или во зло онѣ таковую свою волю употребятъ, суть по нашему понятію, вещи совершенно между собою противорѣчущія: однако безпрекословность оныхъ, какъ по удостовѣренію откровенія, и внутреннему свидѣнію нашего разума, такъ и по опыту, въ истиннѣ своей непреложна.

Всѣ же сіи умственныя противоборства происходятъ отъ природнаго воображенія нашего, аки бы всѣ вещи существовать должны точно такимъ образомъ, какъ мы себѣ ихъ представляемъ, а не другимъ; т. е. что всѣ онѣ въ бытіи своемъ должны, по мнѣнію нашему, непремѣнно ограничиваться временемъ и мѣстомъ; отъ чего и происходитъ наше о совокупномъ существованіи оныхъ недоумѣніе; ибо какъ скоро воображаемъ себѣ, чтобъ многія вещи могли наполнять въ тоежде время и въ томъжде мѣстѣ, одно занимаемое уже какимъ нибудь существомъ пространство безъ всякихъ въ немъ полостей, тотчасъ находимъ въ разумѣ нашемъ преткновеніе,

будучи не въ состоянїи представить себѣ, чтобъ двѣ отмѣнныя вещи, которыхъ способъ бытїя для насъ ощутителенъ, могли находиться внутренно одна въ другой.

Но какимъ образомъ несливаемыя въ Тройцѣ лица, неимѣющїя никакого отношенїя ни къ мѣсту, ни къ времени, могутъ въ разсужденїи существа своего, такъ внутренно быть между собою совокуплены, чтобъ составляли совершенную единицу, мы не понимаемъ: однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ не могли онѣ существовать такимъ нераздѣльнымъ образомъ въ непостигаемомъ нами соединенїи.

Равно нашъ разумъ внушаетъ намъ, что наказанїе невиннаго, вмѣсто виноватаго, совсѣмъ противно справедливости, безпристрастїю и ожиданїю отъ того какой либо пользы въ обществѣ. Но мы должны также себѣ представить, что краткое уже ума нашего не можетъ достигнуть до глубины сего сокопрошенїя, и удостовѣрить насъ; какимъ образомъ какъ вина, такъ и наказанїе, могли замѣшаться въ творенїя Всеблагаго и Всесильнаго Зиждителя, которой по благости своей не могъ никогда онаго желать, а по всевѣдѣнїю и всемогуществу могъ всегда оное предупредить, или исправить.

Съ

Съ другой стороны сей же самый разумъ не можетъ отрицать, чтобы злоключенія нѣкоторыхъ людей, были въ свѣтѣ семъ для благосостоянія всего рода человѣческаго вовсе не нужны, и чтобъ наказанія за неустройства, не могли для сей же самой причины взыскиваться въ немъ, какъ дань налагаемая на нѣкоторыхъ для всеобщаго благоденствія; также, чтобъ дань сіе не могла платима быть однимъ вмѣсто другаго, и не долженствовала бы безъ нарушенія справедливости принята быть отъ безвиннаго, такъ какъ и отъ виноватаго, естьли только первый изъ нихъ согласится добровольно, удовольствовать оною законнаго ея требователя.

Почему въ разсужденіи сихъ противоположностей находимся мы всегда въ нѣкоемъ недоумѣніи, и никакъ рѣшительно утверждать не можемъ: въ самомъ ли дѣлѣ сіи внушенія несправедливы, а потому и безполезны, или онѣ по ограниченности нашего разума таковыми быть кажутся.

Ибо покамѣстъ не рѣшимъ онаго вопроса: откуда произошло зло? не можемъ здѣлать никакого совершеннаго положенія о таковыхъ таинственныхъ истиннахъ; потому что всѣ объ нихъ разсужденія

наши соображать должно съ путями Провидѣнія, столь мало намъ извѣстными.

Почему и въ разсужденіи нравственныхъ въ мірѣ семъ неустройствъ, необходимое, какъ видно, существованіе оныхъ относить слѣдуетъ къ недовѣдомой намъ связи обстоятельствъ.

И какъ не зная главной причины болѣзни, не отваживаемся приписывать оную какому нибудь случаю, и утверждать, что сія болѣзнь къ очищенію человѣческаго тѣла вовсе не способствуетъ, а потому и не дерзаемъ назначать для исцѣленія ея того, или другаго врачевства: равнымъ образомъ не должны мы почитать безполезными и тѣхъ въ свѣтѣ произшествій, которыя составляютъ страданіе для нѣкоторыхъ въ немъ людей.

Что касается до удовлетворенія чинимаго невиннымъ за преступленія виноватаго; то при всей мнимой несообразности онаго въ разсужденіи понятія нашего о правосудіи, есть одно обстоятельство о справедливости онаго отмѣнно насъ удостовѣряющее, а именно: что во всѣхъ вѣкахъ, о коихъ токмо исторія можетъ подать намъ свѣденіе, у просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ народовъ, различест-

чествовавшихъ впрочемъ между собою въ разсужденіи Богопочитанія, и гражданскихъ узаконеній, нѣчто сему подобное производилось безъ всякаго упущенія.

Я разумѣю, что умилостивленіе раздраженныхъ Боговъ, при разныхъ жертвоприношеніяхъ, совершалось въ самой глубокой древности чрезъ лишеніе жизни какъ людей, такъ и безсловесныхъ, неучаствовавшихъ ни мало въ злодѣяніи преступника, кои однако приносимы были на жертву, для очищенія въ томъ прямаго виновника; такъ какъ сіе дѣлается и нынѣ у новообрѣтаемыхъ отдаленнѣйшихъ народовъ.

Одобренія въ семъ никогда не можно было ожидать отъ нашего разума; потому что по опытамъ такой поступокъ оному совсѣмъ противенъ, ниже ожидать можно было онаго отъ невѣжества; потому что невѣжество никогда о таковыхъ тонкостяхъ не разсуждаетъ, и рѣдко когдалибо въ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ бываетъ согласно съ ближайшими себѣ народами, либо наблюдаетъ какую нибудь съ ними единообразность въ самыхъ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ.

Ниже подозрѣвать можно, чтобъ происходило сїе отъ недобродушїя Государей, или ухищренїя жрецовъ, въ томъ намѣренїи, чтобъ прїобрѣсть себѣ власть надъ народомъ, и оною для своихъ выгодъ воспользоваться; ибо сїе какъ желаемому въ томъ успѣху, такъ совѣсти ихъ, и прямой славѣ было бы противно; а притомъ совершается сїе и нынѣ, какъ выше упомянуто, у самыхъ непросвѣщеннѣйшихъ народовъ, гдѣ нѣтъ никакой верховной власти, нѣтъ жрецовъ, и нѣтъ никакого гражданскаго благоустройства сїи обряды предписывающаго.

Слѣдовательно обязанность принесенїя на жертву животныхъ, а съ ними купно и невиннаго, происходитъ отъ врожденнаго человѣку побужденїя, или отъ преестественнаго нѣкоего внушенїя, изъ коихъ какъ то, такъ и другое, есть дѣло Зиждителя тварей.

Но естьли вышеобъявленные прерѣкатели болѣе еще настоять будутъ, и скажутъ, что хотя такїя внушенїя о таинственныхъ истиннахъ, а особливо возвѣщенїя о Святой Тройцѣ, и о удовлетворенїи Христомъ за родъ человѣческїй, со стороны Божїей и справедливы, однако съ правдолюбїемъ и благостїю

сего

сего Высочайшаго Существа отнюдь несходно, требовать отъ разумныхъ тварей вѣрованія такимъ предложеніямъ, которыя разсудку ихъ противны, и которыя трудностію своею превосходятъ все ихъ понятіе, самымъ же симъ Творцемъ разумовъ, для постиженія и соображенія всякихъ умственныхъ положеній имъ данное.

Всѣмъ симъ совопросникамъ отвѣтствую, что прямое Христіанство никогда столь подробнаго изслѣдованія сихъ истиннъ не требуетъ; И скажу только, что тожде ученіе Христово, которое открыло намъ многія спасительныя истинны, о непреложности коихъ мы прежде и не воображали, открыло купно и удивительныя оныя для насъ внушенія, а именно: что въ Божіемъ Существѣ находятся три лица, совокупленныя неизвѣстнымъ намъ образомъ въ Единицу, и что Богъ невинное страданіе Христово вмѣняетъ во удовлетвореніе за грѣхи рода человѣческаго; а посему могутъ быть и онѣ также въ существѣ своемъ справедливы.

Впрочемъ предложенія сіи будучи понимаемы, какъ простыя историческія истинны, совсѣмъ не противны человѣческому разуму, ниже превышаютъ онѣ непреодолимымъ образомъ его понятіе.

Пер-

Первое изъ сихъ предложенїй, а именно, что въ существѣ Божїемъ находятся три лица, можно понимать уподобительнымъ образомъ такъ, какъ понимаемъ мы, что три равностороннія черты составляютъ треугольникъ: второе же, т. е. удовлетворенїе Христово за грѣхи рода человѣческаго, представить себѣ можно неинако, какъ естьли бы кто согласился платить изъ милосердїя долги за другаго.

Но какимъ точно образомъ сїе соединенїе трїехъ лицъ во единомъ существѣ происходитъ, и для чего именно попустилъ Богъ нести наказанїе безвинному вмѣсто виновнаго; или же на какой конецъ все сїе такъ устроено, Писанїе не объявляетъ намъ дальней причины для того, что изъясненїе таковыхъ высокихъ открытїй не будетъ соотвѣтствовать ограниченному нашему понятїю, а потому и не требуется, дабы мы съ напряженїемъ мыслей силились проницать въ оныя.

Достовѣрность же сихъ внушенїй должна утверждаться единственно на преданїи тѣхъ, кои намъ ихъ сперва сообщили.

Но мы не должны никогда позабывать, что первоначальные возвѣстители оныхъ открыли намъ купно

съ ними самое возвышенное, и самое изящное свѣдѣнїе о Богопочитанїи и добронравїи, нежели каково бы всѣ размышленїя наши могли намъ внушить по естественному нашему понятїю.

Впрочемъ примѣчать должно что, какъ скоро ученїе Христово провозвѣстилось, то не взирая на всю мнимую его странность, множайшїя истинны онаго оказалися для разума человѣческаго столь убѣдительны, что о справедливости оныхъ ни малѣйшаго не осталось сумнѣнїя; а по сему и не слѣдуетъ, чтобъ отвергали мы вдругъ такїя въ немъ внушенїя, которыя для насъ непостижимы, и о которыхъ разумъ нашъ не можетъ судить нынѣ съ совершенною ясностїю.

Естьли бы искусный Математикъ представилъ намъ разныя своей науки предложенїя, и убѣдилъ насъ въ истиннѣ оныхъ доказательствами для насъ вразумительными, а потомъ сталъ бы предлагать и такїя, которыя по возвышенности своей были бы уже для насъ не стоя внятны: то не должны ли мы, представляя себѣ прежнїе его убѣдительные доводы, и положась на знанїе его и честность, вѣрить, что и сїи высокїя его внушенїя столько же

въ истиннахъ своихъ непреложны, какъ и тѣ, о коихъ справедливости мы самоопытно удостовѣрены.

Для чегожъ не вѣрить намъ въ подобномъ случаѣ Христу и Его Апостоламъ въ томъ, что предлагаемыя ими нѣкоторыя непостижимыя для насъ истинны въ существѣ своемъ истинствуютъ, когда мы въ таковомъ же случаѣ вѣримъ простой собратіи нашей человѣкамъ.

Другіе на конецъ, усматривая въ Писаніи нѣкоторыя, по ихъ мнѣнію, несообразности, порицаютъ всю совокупность откровенія, умствуя тако:

„Понеже множайшія статьи въ Писаніи совсѣмъ „пристрастны, сумнительны, неопредѣлительны, не„справедливы и недостойны такого существа, коего „премудрость безконечна, а могущество безпредѣль„но, то и не могутъ онѣ отнюдъ происходить отъ „Бога.

„И во первыхъ никогда не можетъ статься, чтобъ „Богъ чрезъ откровенія свои благоволилъ здѣлать „щастливыми только нѣкоторую часть людей, жив„шихъ въ нѣкоторой странѣ и въ извѣстное время; „а напротивъ того, чтобъ другихъ, заслуживающихъ

„не

„не меньше таковую же его благость, лишилъ оной „сей же самый Отецъ щедротъ только за то, что „случилось имъ обитать въ другомъ мѣстѣ, и въ „другое время, и чтобъ онъ поступилъ самъ вопреки „благотворнымъ своимъ намѣренiямъ, создавъ людей, „какъ бы нарочно склонными къ порокамъ для того, „дабы имъ чрезъ свое нечестiе здѣлаться злощаст- „ными, а ему бы послѣ имѣть столь странный способъ „для приведенiя ихъ въ первое достоянiе; при- „весть же къ тому не инымъ образомъ, какъ чрезъ „ненужное посредство ходатая.

На все сiе отвѣтствую только сiе:

Правда, что для насъ созерцающихъ столь же малую часть Христова ученiя, сколь мало объемлемъ мы зрѣнiемъ нашимъ составъ всея вселенныя, обстоятельства сiи кажутся повидимому несообразными, и мы не можемъ опредѣлить съ точностiю всему сему причины; однако видя, что естественный и нравственный мiръ нашъ заключаетъ въ отношенiи къ намъ нѣкоторыя, (хотя можетъ быть и мнимыя,) несовершенства, полагать можемъ, что въ соотвѣтственность оному, и въ откровенiи нѣкоторыя истинны кажутся намъ между собою противорѣ-

чущими и пристрастными; и въ семъ случаѣ понятія наши объ нихъ сходствовать будутъ съ понятіемъ о совершенствахъ и несовершенствахъ сего міра, въ коемъ существуютъ онѣ, какъ видится, ежечастно въ совокупности между собою.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ распоряженіяхъ Провидѣнія, разныя для тварей выгоды и невыгоды распредѣлены такимъ же, какъ примѣчаемъ образомъ.

Здравіе и крѣпость, острота разума и прозорливость, могущество и богатство, сообщаемы были какъ каждому изъ смертныхъ, такъ и цѣлымъ ихъ обществамъ въ различныя времена, въ различныхъ степеняхъ.

Словомъ; полный кругъ дѣйствій естественнаго и нравственнаго міра состоитъ, какъ представляется намъ, изъ совершенсшвъ и недостатковъ, изъ добродѣтелей и пороковъ, изъ страданій и изъ врачевствъ на оныя, изъ коихъ послѣднія подаются намъ чрезъ различныхъ отъ Бога посылаемыхъ посредниковъ, служащихъ орудіемъ къ изліянію на насъ Его благости.

Богъ попустилъ, чтобъ люди по причинѣ своихъ пороковъ впадали въ нищету, въ скорбь и въ различныя бѣдствія; да онъ же подаетъ средства,

и

и дѣлаетъ наставленія, какъ отъ оныхъ избавляться съ представленіемъ въ другихъ страшнаго для насъ примѣра, естьли мы необратимся отъ нашихъ злодѣяній и пребудемъ безъ исправленія.

Онъ сотворилъ насъ подверженными многимъ болѣзнямъ; да онъ же посылаетъ намъ и исцѣленіе въ оныхъ: онъ создалъ тѣло наше страждущимъ отъ глада, жажды и мраза; да онъ же снабдѣваетъ насъ пищею, питіемъ и одеждою, посредствомъ другихъ нашихъ способностей. Онъ произвелъ ядъ, да онъ же открылъ и средства противъ онаго; онъ установилъ стужу для истребленія тлетворнаго воздуха, отъ жаровъ гнилыми выдохновеніями поврежденнаго; да онъ же учредилъ и лѣто для умаленія излишней мокроты, и умягченія зимней суровости потребное.

Мы отнюдъ не знаемъ, почему такъ сотворена природа, и почему всѣ дѣла по Божіему промыслу такимъ образомъ управляются; также и то отъ насъ непроницаемымъ закрыто мракомъ; почему Христіанская Вѣра провозвѣщаема и распространяема была такимъ образомъ.

Богъ безъ сумнѣнія могъ бы установить въ вещественномъ мірѣ совершенное стихій благоустрой-

 ство

ство такъ, чтобъ не было въ немъ никакихъ физическихъ для насъ золъ, а между людьми учредить непрерывную добронравность, которая бы руководствовала насъ безпрестанно къ благоденствію, безъ всякихъ околичныхъ къ тому средствъ и ходатайствъ.

Онъ могъ бы изъять тѣла наши отъ болѣзней, а разумы отъ заблужденія, и отъ совращенія съ пути прямаго; и тогда бы не имѣли мы нужды, ни во врачевствахъ, для возстановленія нашего здравія, ни нравственными нашими развратами не могли бы раздражать нашего Создателя; а слѣдственно и не имѣли бы нужды въ посредникѣ къ пріобрѣтенію паки Творческихъ Его милостей.

По воображенію нашему кажется, что такое состояніе міра, гдѣ не было бы никакого зла, сходствовало бы больше съ правосудіемъ Божіимъ, и съ здравымъ нашимъ разсудкомъ: но безконечная Премудрость иначе тому быть судила, и здѣлала какъ учрежденіе природы, такъ и учрежденіе Христіанства, на основаніяхъ отъ мнѣнія нашего различныхъ, но имѣющихъ впрочемъ совершенное между собою сходство въ томъ, что заключаютъ онѣ въ себѣ ощутительные признаки происхожденія своего отъ

Бо-

Бога, сколько бы онѣ между тѣмъ разуму нашему ни казались странными.

Безъ сумнѣнія разумъ есть надежнѣйшій нашъ предводитель и наставникъ, что касается до постиженія вещей заключающихся въ небольшомъ кругѣ его знаній; но въ разсужденіи откровенія надлежитъ только удостовѣриться ему: въ самомъ ли дѣлѣ послѣдовало оно отъ Бога, или нѣтъ.

И когда первое изъ нихъ единожды доказано будетъ, то разуму уже ничего дѣлать не остается, какъ только преклониться на содержащіяся въ немъ истинны. Ибо онъ никогда столь худо употребленъ не бываетъ, какъ естьли силится сообразить внушенія ихъ, по своему понятію, съ воображаемою непреложностію и справедливостію своихъ мнѣній.

„Но Богъ (высокоумствуетъ велерѣчивый прерѣ-„катель) въ совершеннѣйшемъ степени премудръ, „праведенъ и благъ; но что же изъ того слѣдуетъ? „то, говоритъ онъ, что никакія его дѣйствія не дол-„жны быть противны нашему разуму, но всѣ дол-„женствуютъ имѣть совершенную сообразность съ „Его премудростію, правдою и благостію нами по-„нимаемою.

Но сперва надобно бы сему мудрецу доказать, что и человѣкъ столько же совершенъ и премудръ, какъ его Создатель, дабы судить о таковыхъ Его совершенствахъ и о Его промыслѣ.

Въ семъ случаѣ откроется очевидно, что таковое сравненіе никакой не будетъ имѣть соразмѣрности, т. е. что человѣкъ по своей ограниченности, дѣлъ Творца своего никогда въ тонкость постигнуть не можетъ; а вмѣсто того покажутся ему, можетъ быть многія изъ нихъ совсѣмъ противорѣчущими и несправедливыми; почему и мнимыя оныя въ откровеніи противорѣчія и несообразности, будутъ паче знакомъ совершенной его справедливости, и могутъ оправдать въ семъ случаѣ странный оный одного благочестиваго и ревностнаго умствователя, о нѣкоей непостижимости, отзывъ. „Вещь сію, говоритъ онъ, признаю я справедливою и во всемъ „истинствующею потому, что заключаетъ она въ „себѣ невозможность: Credo, quia impossibile.

Отнюдъ неудивительно, что у насъ не достаетъ силъ къ познанію намѣреній Всемогущаго въ невещественныхъ Его твореніяхъ, когда и вещественныя Его произведенія столь для насъ непостижимы.

Мни-

Мнимыя наши въ натуральныхъ тѣлахъ свѣдѣнія никакого не могутъ здѣлать любопытству нашему удовлетворенія, какъ скоро дѣло доходитъ до показанія вины главнымъ свойствамъ вещей, на примѣръ: изъяснить причину тягости тѣлъ, ихъ притяженія, упругости, Электрической силы, и проч. такъ какъ и о частномъ ихъ существѣ не въ состояніи мы имѣть совершеннаго понятія.

Можетъ ли разумъ представить намъ живо то пространство, которое свѣтозарный кругъ солнечный занимаетъ? и котораго поперечникъ содержитъ въ себѣ многочисленные миліоны стадій, гдѣ изъ каждой точки онаго исходятъ быстротекущіе лучи, послѣдуя одинъ за другимъ съ безпрестанною зыблемостію чрезъ толикія тысящи лѣтъ.

И когда струи сіи съ такимъ обиліемъ отъ сего свѣтоноснаго океана точатся, нѣтъ ни умаленія сей громадѣ, ни приращенія отъ нихъ тѣмъ вещамъ, по коимъ они простираются, и коими поглощаются онѣ безпрестанно.

Объявляетъ ли намъ разумъ? какимъ образомъ свѣтоносныя сіи стрѣлы могутъ метаемы быть съ такою скоростію, что превосходятъ онѣ всю бы-

быстротечность пушечнаго ядра, и проницая самыя нѣжнѣйшія части животныхъ, не производятъ въ нихъ никакого поврежденія, ниже боли.

Или, какимъ образомъ и искуствомъ прикасающаяся сія къ зрѣнію нашему солнечная свѣтлость, заставить можетъ невещественное существо, разумѣю человѣческую душу, чувствовать видъ отдаленныхъ предмѣтовъ?

Можетъ ли разумъ постигнуть? какъ два существа, одно безплотное, а другое вещественное, стали сопряжены вмѣстѣ? или, какимъ образомъ боль ощущаемая въ тѣлѣ, можетъ заставить страдать и душу? или же, по какой зависимости скорбь душевная, будучи невещественна, можетъ изнурить и разстроить тѣло?

Всѣ сіи произшествія суть очевидныя и неоспоримыя дѣянія, совершающіяся въ твореніяхъ Божіихъ: но какимъ образомъ онѣ въ нихъ производятся, мы столько же не доумѣваемъ, сколь понять не въ состояніи самыхъ глубочайшихъ таинствъ откровенія.

Словомъ; мы видимъ столь малую частицу Вселенныя, и имѣемъ столь ограниченное понятіе о нынѣшнемъ нашемъ отношеніи къ состоянію, прежде

на-

нашего рожденія въ неизвѣстности для насъ пребывавшему, и къ состоянію послѣ смерти нашей будущему, что кромѣ смутныхъ и неизъясняемыхъ нѣкіихъ о томъ гаданій, ничего достовѣрнаго безъ откровенія сказать не можемъ.

У насъ весьма несовершенны понятія о Существѣ Божіемъ; и мы весьма мало вѣдаемъ, не токмо о его свойствахъ, или образѣ его бытія, но также и о вещественномъ устроеніи сего міра; а еще и того менѣе свѣдущи мы о нравственномъ онаго состояніи, т. е. на какихъ именно началахъ оное основывается, и какими точно управляется средствами.

Но можно утверждать, что естьли бы тѣ основанія, въ сообразность коихъ Вселенная сія сотворена, и тѣ средства, по коимъ она управляется, были людямъ извѣстны; то усумнилися бы они непремѣнно о произведеніи оной Всемогущимъ и Премудрымъ Существомъ; такъ какъ и откровенію столь нужному и спасительному для человѣка, едва ли бы кто повѣрилъ, естьли бы всѣ истинны онаго были вразумительны для каждаго безъ малѣйшаго его труда.

Здѣсь прекращаю я мои о семъ разсужденія; ибо онѣ наведутъ, можетъ быть, скуку тѣмъ, кои употребляя все свое время и мысли на пріобрѣтеніе

скоропреходящихъ выгодъ, на удовольствованіе своихъ вожделѣній, на сниcканіе честей, и на всякую гордость житейскую, не имѣютъ ни малѣйшаго расположенія знать о происхожденіи и изяществѣ ученія Христова, кромѣ повторенія нѣкоторыхъ для кощунства затвержденныхъ ими изъ него словъ; къ чему подается имъ нерѣдко случай шумными развратныхъ людей забавами, или случайнымъ разгнутіемъ Священныхъ Книгъ, столь для нихъ по содержанію своему скучныхъ, и многажды по ослѣпленію ихъ страстьми невразумительныхъ; почему и пребываютъ они въ таковомъ объ нихъ соблазнѣ, полагая съ буйствомъ, что Христово ученіе основывающееся въ „нихъ на столь странномъ и невѣроятномъ, по мнѣ-„нію ихъ, повѣствованіи, толико преткновенномъ „для ихъ разума, и толико противоборствующемъ „устроенію сего міра со всѣми полезными въ немъ для „людей упражненіями, при коихъ нельзя будто имъ ни-„какъ исполнитъ его предписаній, есть не что иное, „какъ обманъ жрецовъ, начавшійся въ невѣжественныя „времена, и продолжающійся доселѣ, аки нѣкое иску-„сно устроенное пугало, для устрашенія различными „своими оборотами непросвѣщеннаго и суевѣрнаго „народа.

Бе-

Бесѣдовать съ такими о различествующемъ отъ мїра сего, какъ выше упомянуто, спасительномъ Христовомъ ученїи, есть разглаголствовать съ глухимъ о мусикїи, или разсуждать съ слѣпымъ о красотѣ живописанїя; ибо къ возчувствованїю цѣны сего ученїя не имѣютъ они никакого средства; а потому и не могутъ постигнуть благотворнѣйшихъ его намѣренїй.

Дабы же люди возъимѣли усердную къ тому склонность, и познали всю драгоцѣнность онаго, должно имъ прїучивать разумъ свой различнымъ вещей созерцанїемъ, безмолвїемъ, устраненїемъ отъ всѣхъ житейскихъ многомятежностей и плотоугодїй, немощїю ихъ тѣла, недоумѣнїемъ въ различныхъ случаяхъ, тѣснотою духа, скорбїю и, можетъ быть, отмѣннымъ въ томъ Божїимъ побужденїемъ, почитаемымъ иногда неправильно за дѣйствїе растроеннаго воображенїя, въ чувствованїи вещей Божественныхъ.

Безъ нѣкоторыхъ изъ сихъ предварительныхъ средствъ, и безъ надлежащаго степени просвѣщенїя въ нужныхъ для сего знанїяхъ, также безъ совершеннаго безпристрастїя въ изслѣдованїи всего откровенїя вообще, ни-

никакъ не возможно привержену быть къ Евангельскимъ истиннамъ столь усердно, дабы объять оныя съ теплою Вѣрою, и о исполненіи оныхъ возъимѣть ревностное попеченіе.

Естьли же скажетъ кто, что онъ и безъ сихъ средствъ ученію Христову совершенно вѣритъ; тотъ обманываетъ другихъ; такожде, естьли кто станетъ увѣрять въ томъ самаго себя, и полагать въ сердцѣ своемъ, что онъ и безъ таковыхъ обстоятельствъ ученію сему довольно преданъ, тотъ самаго себя обольщаетъ.

Я не удивляюсь, что вышеупомянутые вольнодумцы, лишась сихъ вспомогательныхъ средствъ, не инако о ученіи Христовомъ судятъ, какъ о нѣкоемъ странномъ ума произведеніи.

Ибо они бывъ погружены совсѣмъ въ житейскія попеченія, и преданы вожделѣніямъ міра сего, при всѣхъ своихъ иногда хорошихъ дарованіяхъ, не могутъ слыша такія повѣствованія и наставленія о Христіанствѣ, быть къ нему благорасположены; слѣдовательно и не могутъ инако объ немъ отзываться.

Проповѣданіе Христа распята давно было Іудеемъ соблазнъ, Еллиномъ же безуміе. 1. Кор. гл. 1. ст. 23.

Рав-

Равнымъ образомъ ученіе Его бываетъ соблазномъ для всѣхъ тѣхъ, кои подобясь имъ разсуждаютъ о Божественномъ Его откровеніи, по закоренѣлымъ своимъ предразсужденіямъ, по новому и пылкому вольнодумцевъ лжеученію, и по неосновательному своему просвѣщенію въ истиннахъ всего откровенія вообще.

Ибо немогущіе представить себѣ всей связи Пророческихъ писаній, неразсматривающіе всей истинны и правды Евангельскихъ предложеній, и неизслѣдывающіе со тщаніемъ путей Провидѣнія въ естественномъ благоустройствѣ вселенныя, не могутъ имѣть другаго о семъ ученіи мнѣнія, какъ только, что оно есть собраніе странныхъ вымысловъ и несообразностей.

Но естьли бы спросили меня: для однихъ ли ученыхъ Богослововъ, и глубокомысленныхъ Философовъ ученіе Христово проповѣдано? Я скажу, нѣтъ.

Оно возвѣщено сперва некнижными рыбарями, и принято простолюдинами, для коихъ, такъ какъ и для всякаго, дѣятельныя истинны онаго, яко самонужнѣйшія для человѣческаго благоденствія, были всегда вразумительны.

Но

Но доказательства о непреложности сего ученія невсегда были постигаемы съ равномѣрною удобностію.

Ибо тутъ разсуждать должно было, примѣняясь чрезъ опыты къ естественнымъ твореніямъ, открывающимъ свойствами своими неизчерпаемый источникъ Божіей премудрости; чего никакъ неможно уразумѣть безъ потребнаго просвѣщенія въ споспѣшествующихъ къ тому знаніяхъ, и безъ прозорливаго оныхъ приложенія къ различнымъ случаямъ, равно какъ и къ разнымъ въ мірѣ семъ обстоятельствамъ.

А какъ большая часть человѣческаго рода таковыхъ средствъ къ своему просвѣщенію не имѣетъ; то и должна она, въ разсужденіи возвышенныхъ доказательствъ о справедливости Христова ученія, полагаться на просвѣщенныхъ, добродушныхъ и отъ всякаго пристрастія удаленныхъ мужей.

И въ семъ то случаѣ, уповательно, безпрекословное вѣрованіе оному, или яснѣе сказать, усердная наклонность къ признанію его во всемъ справедливымъ, столь часто и столь ревностно въ Евангеліи одобряется.

А инако простолюдимы, требующіе доказательствъ о непреложности Христова ученія, для своего

удо-

удостовѣренія, до котораго не могутъ они сами собою достигнуть, и нехотящіе положиться въ томъ на просвѣщеннѣйшихъ и безпристрастнѣйшихъ людей, принуждены будутъ остаться во всегдашнемъ невѣріи.

Но тогда должны они припомнить, что во всѣхъ знаніяхъ, не изключая и самой Математики, находятся предложенія, которыя впрочемъ самому проницательному, но неупражнявшемуся въ сей наукѣ собственнымъ своимъ опытомъ, разуму, покажутся съ перваго виду совсѣмъ невѣроятными: но которымъ однако по точномъ изслѣдованіи оныхъ, отдана будетъ вся справедливость въ ихъ истиннѣ.

И такъ, естьли кто о вещахъ, о коихъ онъ никогда самоопытнаго нечинилъ изслѣдованія, что либо рѣшительно утверждаетъ, не должно оказывать уваженія къ таковому его притязанію; ибо онъ весьма легко можетъ въ томъ обмануться, особливо естьли лишенъ будетъ всѣхъ спопѣшествующихъ къ тому средствъ.

Слѣдственно полагать можемъ, что и вышепомянутые прерѣкатели, столько жъ удобно заблуждать могутъ въ мнѣніяхъ своихъ о ученіи Христовомъ, котораго они, или по невѣдѣнію потребныхъ къ тому знаній, или по ослѣпленію страстьми, не могли осно-

вательно изслѣдовать, сколь неудобно въ вѣрованіи оному обмануться могутъ великіе оные учености и разума человѣческаго изслѣдователи, Гроцій, Баконъ, Невтонъ, Боилъ, Локкъ, Адиссонъ и Литтелтонъ.

Обмануться! по тщательномъ и глубокомысленномъ изслѣдованіи ими Христова ученія! и сображеніи съ онымъ всѣхъ пророчествъ! по безпристрастнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ несумнительныхъ объ немъ повѣствованій! по внутреннемъ ощущеніи возвышенности его внушеній, и совершенной чистоты намѣреній въ непорочнѣйшихъ его наставленіяхъ, съ принятіемъ въ зрѣлое разсужденіе всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя представляли противъ него разные прерѣкатели!

Обмануться, говорю, въ изящности той Вѣры, къ которои они при добродѣтеляхъ своихъ были столь усердно привержены, и которую засвидѣтельствовали они предъ свѣтомъ своими писаніями, не имѣя въ виду своемъ никакой другой цѣли, кромѣ любленія правды, и благоуседрдности къ роду человѣческому.

О! естьли бы и мои краткія о семъ предмѣтѣ разсужденія, могли быть по крайней мѣрѣ драхмою,

при-

приобщенною къ тому сокровищу спасительныхъ истиннъ, коими сіи добродушные Ученые родъ человѣческій одолжили.

Ежели бы были онѣ столь щастливы, чтобъ заставили нѣкоторыхъ изъ нашихъ шумныхъ лжефилософовъ, положиться сколько нибудь на мнѣнія сихъ великихъ Мужей, и не довѣрять собственнымъ своимъ мечтаніямъ, и ежели бы могли убѣдить ихъ въ томъ, что не смотря на всѣ мнимыя противурѣчія, встрѣчающіяся имъ при первомъ воззрѣніи на Христіанское ученіе, отнюдъ не можетъ оно быть ни коварствомъ, ни заблужденіемъ.

Ежели бы, повторяю, могли преклонить ихъ на то, чтобъ они его изслѣдовали съ довольнымъ вниманіемъ, и никакъ бы онаго безъ зрѣлаго размышленія не отвергали; то я достигъ бы той цѣли, которую имѣлъ при сочиненіи сей небольшой книжки.

Впрочемъ: естьли бы хотѣлъ я умножать доводы, могущіе доказать превосходство ученія Христова, и болѣе еще распространять то умозрѣніе, съ коимъ разсматривалъ я важнѣйшія истинны онаго, со всѣми новыми дальновидностьми слѣдствій, которыя оттуда произвесть бы можно; то мнѣ нетрудно бы сочинить самую огромную книгу.

Но тогда бы занятые отправленїемъ различныхъ званїй и молвою житейскою люди, не имѣли времени оную прочесть; а лѣнивые и разгнуть бы ее не похотѣли.

Со всѣмъ тѣмъ не сумнѣваюсь, что естьли только сочиненїе сїе возъимѣетъ ту отмѣну, что станутъ упоминать объ немъ въ честныхъ бесѣдахъ, тотчасъ пылкїе вольнодумцы скажутъ, что „оно „произошло непремѣнно отъ какого нибудь лжево-„торженнаго, или отъ нещастно ученаго ревнителя „по Вѣрѣ, или отъ какого нибудь гладомъ и „хладомъ тако умствовать наставленнаго, или отъ „какого ни есть въ здравомъ разумѣ оскудѣвшаго.

Но все сїе не можетъ поколебать меня въ моемъ чистосердечномъ намѣренїи, при коемъ увѣрить могу, что Писатель сей книжки отнюдь не заслуживаетъ таковыхъ названїй, и совсѣмъ удаленъ отъ свойствъ составляющихъ таковаго рода людей.

Правда, онъ не уступалъ прежде, можетъ быть, и самъ ни въ чемъ таковымъ умствователямъ, которые объ немъ сей судъ изрекутъ: но имѣя въ иное время нѣсколько свободныхъ часовъ, а еще болѣе питая въ сердцѣ своемъ благонамѣренное любопытство,

чтобъ просвѣтить себя сколько нибудь въ знаніи вещей Божественныхъ, употребилъ и то и другое на разсмотрѣніе слѣдующаго важнаго для него вопроса, а именно:

„Въ самомъ ли дѣлѣ Христіанское ученіе есть „обманъ, основанный на соблазнительной, вышедшей „изъ употребленія, и никакого вѣроятія недостой„ной дѣтской повѣсти; такъ какъ многіе объ „немъ отзываются; или, оно есть точное выше„естественное откровеніе, сообщенное роду чело„вѣческому для его благоденствія, посредствомъ „вышеестественной Силы.

Въ такомъ случаѣ, по учиненіи безпристрастнѣйшаго испытанія, тотчасъ увидѣлъ онъ, что первому изъ нихъ, т. е. чтобъ Христіанство было обманъ, вовсе быть не можно; истинна же послѣдняго, а именно: что оно есть Божіе откровеніе, основана на непреоборимыхъ доказательствахъ.

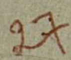
Въ продолженіи сего изслѣдованія чувствовалъ онъ, при каждомъ приближеніи къ точнѣйшему разсмотрѣнію Христова ученія, новый свѣтъ озарявшій его въ самыхъ мрачнѣйшихъ мѣстахъ недоумѣнія, съ блистательнѣйшимъ осіяніемъ, открыва-

ющимъ ему достовѣрнѣйшія знаменія, что ученіе сіе не могло произойти ни отъ какихъ человѣческихъ ухищреній, ниже могло открыто быть самымъ глубокомысленнымъ проницаніемъ ихъ разума; но произошло дѣйствительно отъ Бога.

Почему удостовѣрившія его въ томъ доказательства старался онъ представить здѣсь, сколько могъ, яснымъ и краткимъ образомъ.

Сіе же учинилъ онъ единственно съ тѣмъ, дабы безпристрастное и усердное разсматриваніе Евангельскихъ истиннъ, произвело и въ другихъ столь же чистосердечную приверженность къ Христіанскому Закону, какъ произвело оно ее въ его сердцѣ; чего онъ ревностнѣйше желаетъ, будучи совершенно увѣренъ, что ежели бы находилось больше въ свѣтѣ прямыхъ Христіанъ, то сіе какъ для нихъ самыхъ, такъ и для всего рода человѣческаго было бы весьма полезно.

КОНЕЦЪ.

За бумагу - - - - -	3	2
За воскъ - - - - - -		4
Сего Селиваненка въ селѣ Ярославкѣ и въ повѣтѣ Козелецскомъ нѣтъ, и гдѣ находится, или умре, неизвѣстно		
На Коллежскомъ Ассессорѣ Иванѣ Марковычѣ за 1802 й годъ за бумагу - - -	1	8
пошлинъ - - - - -		50
за воскъ - - - - -		2